

ОПЫТЫ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА.

ЧАСТЬ I.

ПРОЗА.

Et quand personne ne me lira, ay ie perdu mon temps, de m'estre entretenu tant d'heures oysifves à pensemens utiles ou agréables?

MONTAIGNE.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

III экз

KATALOGS

12847
ml

891.71

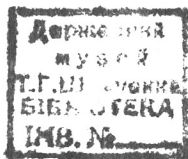
P.K. ~~891.714~~

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи до выпуска
изъ типографіи, предсшавлены были въ Цен-
зурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Цензурнаго Комитета, другой
для Департамента Министра Народнаго
Просвѣщенія, два экземпляра для импера-
торской Публичной Библиотеки и одинъ для
Императорской Академіи Наукъ.

Санктшпербургъ. Декабря 30 дня, 1816 года.

*Цензоръ Стат. Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тиликовской.*

17251

Въ двухъ сихъ книжкахъ помѣщены почти всѣ произведенія Г. Башюшкова въ Спихахъ и Прозѣ, разсѣянные по разнымъ періодическимъ изданіямъ и присоединены еще новыя, нигдѣ не печатанныя. Говорить объ нихъ въ предисловіи я почишаю излишнимъ. Скажу только что случай, доставившій мнѣ средства, предпринять сіе изданіе я почишаю пріятнѣйшимъ въ жизни: ибо увѣренъ, что удовлетворю желаніе просвѣщенныхъ любителей Словесности.

Н. Гнѣдичъ.

ОПЫТЫ ВЪ ПРОЗѢ.

ОПЫТЫ ВЪ ПРОЗѢ.

113
I.

Р Ѣ Ч Ъ

О ВЛІЯНІИ ЛЕГКОЙ ПОЭЗІИ НА ЯЗЫКЪ,
ЧИТАННАЯ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ
МОСКВѢ. Іюля... 1816.

Избраніе меня въ Сочлены ваши
есть новое свидѣтельство, Мм. Гг., ва-
шей снисходительности. Вы обращае-
те внимательные взоры не на одно да-
рованіе, вы награждаете слабые тру-
ды и малѣйшіе успѣхи; ибо имѣете
въ виду важную цѣль: будущее богат-
ство языка, столь тѣсно сопряжен-
ное съ образованностію гражданскою,
съ просвѣщеніемъ, и слѣдственно — съ
благоденствіемъ страны славнѣйшей и
обширнѣйшей въ мірѣ. По заслугамъ
моимъ я не имѣю права засѣдать съ

вами; но если усердіе къ Словесности есть достоинство, то по пламенному желанію усовершенствованія языка нашего, единственно по любви моей къ Поэзии, я могу смѣло сказать, что выборъ вашъ соотвѣтствуетъ цѣли Общества. Занятія мои были маловажны, но непрерывны. Они были предъ вами краснорѣчивыми свидѣтелями моего усердія, и доставили мнѣ щастіе засѣдать въ древнѣйшемъ святилищѣ Музы опечесвленныхъ, которое возрождается изъ пепла вмѣстѣ съ Сподлицею Царства Русскаго, и со временемъ будетъ достойно ея древняго величія.

Обозрѣвая мысленно обширное поле Словесности, необъятные труды и подвиги ума человѣческаго, драгоценныя сокровища Краснорѣчія и Стихотворства, я съ горестію познаю и чувствую слабость силъ и маловажность занятій моихъ; но утѣшаюсь мыслію, что успѣхи и въ малѣйшей отрасли Словесности могутъ быть полезны языку нашему. Эпопея, Дра-

машическое искусство, Лирическая Поэзія, Исторія, Краснорѣчіе духовное и гражданское требуютъ великихъ усилій ума, высокаго и пламеннаго воображенія. Щасливывы шѣ, которые похищаютъ пальму первенства въ сихъ родахъ: имена ихъ спановятся безсмертными; ибо щасливывыя произведенія творческаго ума не принадлежатъ одному народу исключительно, но дѣлаются достояніемъ всего человѣчества. Особенно великія произведенія Музы имѣютъ вліяніе на языкъ новый и необработанный. Ломоносовъ тому явный примѣръ. Онъ преобразовалъ языкъ нашъ, созидая образцы во всѣхъ родахъ. Онъ тоже учинилъ на шрудномъ поприщѣ Словесности, что Пётръ Великій на поприщѣ гражданскомъ. Пётръ Великій пробудилъ народъ усыпленный въ оковахъ невѣжества; Онъ создалъ для него законы, силу военную и славу: Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа; онъ создалъ ему Краснорѣчіе и Спихошворство, онъ испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и пригошвилъ для грядущихъ

шаланшовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ. Онъ возвелъ въ свое время языкъ Русской до возможной степени совершенства — возможной, говорю, ибо языкъ идетъ всегда наравнѣ съ успѣхами оружія и славы народной, съ просвѣщеніемъ, съ нуждами обществва, съ гражданскою образованностію и людкостию. Но Ломоносовъ, сей исполинъ въ наукахъ и въ искусствѣ писать, испытуя Русской языкъ въ важныхъ родахъ, желалъ обогатить его нѣжными выраженіями Анакреоновой Музы. Сей великій образователь нашей Словесности, зналъ и чувствовалъ, что языкъ просвѣщеннаго народа долженъ удовлетворять всѣмъ его потребностямъ, и состоять не изъ однихъ высокопарныхъ словъ и выраженій. Онъ зналъ, что у всѣхъ народовъ, и древнихъ и новѣйшихъ, легкая Поэзія, которую можно назвать прелестною роскошью Словесности, имѣла отличное мѣсто на Парнассѣ и давала новую пищу языку стихотворному. Греки восхищались Омеромъ и пріема Трагиками, вельрѣчіемъ Исхориковъ своихъ, убѣ-

дипельнымъ и спремипельнымъ краспорѣчьемъ Демосфена: но Віонъ, Москъ, Симонидъ, Теокрышъ, мудрецъ Теооскій и пламенная Сафо были увѣнчаны современниками. Римляне, побѣдипели Грековъ оружіемъ, не шаланшомъ, подражали имъ во всѣхъ родахъ: Цицеронъ, Виргилій, Горацій, Титъ-Ливій и другіе соспязались съ Греками. Важные Римляне, попомки суровыхъ Коріолановъ, внимали имъ съ удивленіемъ; но Эрошическую Музу Кашулла, Тибулла и Проперція не ошвергали. По возрожденіи Музь, Пешрарка, одинъ изъ учнейшихъ мужей своего вѣка, свѣщильникъ Богословіи и Полишники, одинъ изъ первыхъ создашелей славы возраждающейся Ишалии изъ развалинъ классическаго Рима, Пешрарка, немедленно шеспвуя за суровымъ Даншомъ, довершилъ образование великолѣпнаго нарѣчія Тосканскаго, подражая Тибуллу, Овидію и Поэзіи Мавровъ, исполненной воображенія и нѣги. Маро, Царедворецъ Франциска I, извѣсшный по Эрошическимъ спихошвореніямъ, былъ одинъ изъ первыхъ образовашелей языка Француз-

скаго, копорато владычесшво, почши пагубное, распроспранилось на всѣ народы, не доспигшіе высокой спешени просвѣщенія. Въ Англии Валлеръ, пѣвецъ Захариссы, въ Германіи Гагедорнъ, и другіе Писатели, предшешвенники Творца Мессіады и великаго Шиллера, спѣшили жершвовашъ Граціамъ и говоришь языкомъ спрасши и любви, любимѣйшимъ языкомъ Музъ, по словамъ глубокомысленнаго Моншана. У насъ, преемникъ лиры Ломоносова, Державинъ — копорато одно имя испинный шаланшь произносишь съ благоговѣніемъ, — Державинъ, вдохновенный Пѣвецъ высокыхъ испинъ, и въ зиму дней своихъ любилъ опдыхашъ со спарцемъ Феосскимъ. По слѣдамъ сихъ Поэшовъ, множество Писателей опличились въ эшомъ родѣ, по видимому споль легкомъ, но въ самомъ дѣлѣ имѣющемъ великія шрудности и прещкновенія, особенно у насъ; ибо языкъ Русской, громкій, сильный и выразительный, сохранилъ еще пѣкошорую суровость и упрямышво, несовершенно исчезающія даже подъ перомъ опышнаго ша-

ланпа, поддержаннаго наукою и пер-
пѣніемъ.

Главные достоинства стихотвор-
наго слога суть: движеніе, сила, яс-
ность. Въ большихъ родахъ, чашапель,
увлеченный описаніемъ сираспей, ослѣп-
ленный живѣйшими красками Поэзіи,
можешь забыть недоспапки и неров-
ности слога, и съ жадностію внимаешь
вдохновенному Поэту, или дѣйствующе-
му лицу, имъ созданному. Во время
предспавленія, какой холодный зри-
тель будешь искашь ошибокъ въ сло-
гѣ, когда Полиникъ, лишенный вѣнца
и внутренняго спокойствія, въ слезахъ,
въ опчаяніи бросается къ спопамъ
разгнѣваннаго Эдипа? Но сіи ошибки,
поучительныя для дарованія, замѣчаютъ
просвѣщенный Кристикъ въ пишинѣ
своей учебной храмины: каждое слово,
каждое выраженіе онъ взвѣшиваетъ на
вѣсахъ спрогога вкуса; опшвергаетъ сла-
бое, ложно блестящее, невѣрное, и
научаетъ наслаждаться истинно пре-
краснымъ. — Въ легкомъ родѣ Поэзіи,
чашапель пребуешь возможнаго совер-

шенспива, чисшошы выраженія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности; онъ пребудешъ истины въ чувспвахъ и сохраненія спрожайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ; онъ шощасъ дѣлаешся спрогимъ судьею, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекаешся. Красивость въ слогѣ здѣсь нужна необходимо и ничѣмъ замѣнишься не можешъ. Она ешть шайна, извѣспная одному дарованію и особенно постоянному напряженію вниманія къ одному предмету: ибо Поэзія и въ малыхъ родахъ, ешть искусство шрудное и шребующее всей жизни и всѣхъ усилій душевныхъ; надобно родишься для Поэзіи; эпного мало: родясь надобно сдѣлашься Поэтомъ, въ какомъ бы шо ни было родѣ.

Такъ называемый Эрошической и вообще легкой родѣ Поэзіи воспріяль у насъ начало со времянь Ломоносова и Сумарокова. Опышы ихъ предшесшвенниковъ были маловажны: языкъ и общесшво еще не были образованы. Мы не будемъ исчисляшь всѣхъ видовъ, раз-

дѣленій и измѣненій легкой Поэзіи, которая менѣе или болѣе принадлежитъ къ важнымъ родамъ: но замѣшимъ, что на поприщѣ изящныхъ искусствъ, подобно какъ и въ нравственномъ мѣрѣ, ничто прекрасное и доброе не шережится, приноситъ со временемъ пользу и дѣйствуетъ непосредственно на весь составъ языка. Стихотворная повѣсть Богдановича, первый и прелестный цвѣшокъ легкой Поэзіи на языкѣ нашемъ, ознаменованный истиннымъ и великимъ талантомъ; оспроумныя, неподражаемыя сказки Дмитриева, въ которыхъ Поэзія въ первый разъ украсила разговоръ лучшаго общества; посланія и другія произведенія сего стихотворца, въ которыхъ Философія оживилась неувядающими цвѣтами выраженія; басни его, въ которыхъ онъ боролся съ Лафонтеномъ и часомъ побѣждалъ его; басни Хемницера, и оригинальныя басни Крылова, которыхъ оспроумныя, щастливыя стихи сдѣлались пословицами, ибо въ нихъ видѣнь и шонкій умъ наблюдателя свѣта, и рѣдкой талантъ; стихотворенія Карамзина, исполненныя

чувства, образецъ ясности и стройности мыслей; Гораціанскія оды Капниста; вдохновенныя спрастїю пѣсни Нелединскаго; прекрасныя подражанія древнимъ Мерзлякова; баллады Жуковскаго, сіяющія воображеніемъ, часто своеправнымъ, но всегда пламеннымъ, всегда сильнымъ; стихотворенія Воспокова, въ кошорыхъ видно отличное дарованіе Поэта, напипаннаго чтеніемъ древнихъ и Германскихъ Писателей; наконецъ стихотворенія Муравьева, гдѣ изображается, какъ въ зеркаль, прекрасная душа его; посланія К. Долгорукова, исполненныя живописи; нѣкоторыя посланія Воейкова, Пушкина и другихъ новѣйшихъ Стихотворцевъ, писанныя слогомъ чистымъ и всегда благороднымъ: (*) всѣ сіи блестящія произведенія дарованія и остроумія, менѣе или болѣе приблизились къ желанному совершенству, и всѣ — нѣшь сомнѣнія — принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили. Такъ свѣтлыя ручки, пекущїе разными

(*) Смолри примѣчаніе А.

излучинами по одному поспоянному наклоненію, соединяясь въ долинь, образуютъ глубокія и обширныя озера: благодѣшельныя воды сіи не изсякають ошь времени; напрошивъ шого, онѣ возраспають и увеличиваються съ вѣками, и вѣчно сущесшвуютъ для блага земли, ими орошаемой!

Въ первомъ періодѣ Словесности нашей со времянь Ломоносова, у насъ много написано въ легкомъ родѣ; но малое число стиховъ спаслось ошь общаго забвенія. Главною тому причиною можно положить не одинъ недоспашокъ паланша или измѣненіе языка, но измѣненіе самаго общесшва; большую его образованность и, можетъ быть, большее просвѣщеніе, шребующія ошь языка и Писателей большаго знанія свѣша и сохраненія его приличій: ибо сей родъ Словесности безпрешанно напоминаетъ объ общесшвѣ; онъ образованъ изъ его явленій, спранностей, предразсудковъ; и долженъ бытъ яснымъ и вѣрнымъ его зеркаломъ, Большая часть Писателей, мною

названныхъ, провели жизнь свою посреди общесства Екашеринина вѣка, споль благопріятнаго наукамъ и Словесности; шамъ занимшвовали они эшу людкость и вѣжливосшь, эшо благородство, кошорыхъ оппечатокъ мы видимъ въ ихъ швореніяхъ: въ лучшемъ общесствѣ научились они угадывашъ шайную игру спрасшей, наблюдашъ нравы, сохраняшъ всѣ условія и опношенія свѣшскія и говоришъ ясно, легко и пріятно. Эшого мало: всѣ сіи Писатели обогатились мыслями въ прилѣжномъ чпеніи иноспранныхъ Авшоровъ, иные древнихъ, другіе новѣйшихъ, и запасились обильною жашвою словъ въ нашихъ спаринныхъ книгахъ. Всѣ сіи Писатели имѣюшъ истинный шаланпъ, испытанный временемъ; истинную любовь къ лучшему, благороднѣйшему изъ искусствъ, къ Поэзіи, и уважаюшъ, смѣю сказашъ, богошворяшъ свое искусство, какъ лучшее достояніе челошъка образованнаго, истинный даръ Неба, кошорый доставляешъ намъ чистѣйшія наслажденія посреди заботъ и шерній жизни, кошорый даешъ намъ шо, чо

мы называемъ безсмертіемъ на земли — мечту прелестную для душъ возвышенныхъ !

Весь родъ хороши, кромѣ скучнаго. Въ Словесности весь родъ приносящъ пользу языку и образованности. Одно невѣжественное упрямство любитъ и спарается ограничить наслажденія ума. Истинная, просвѣщенная любовь къ искусствамъ снисходительна, и, такъ сказать, жадна къ новымъ духовнымъ наслажденіямъ. Она ничѣмъ не ограничивается, ничего не желаетъ исключить и никакой опасности Словесности не презираетъ. Шекспиръ и Расинъ, драма и комедія, древній экзаменръ и ямбъ, давно присвоенный нами, Пиндарическая ода и новая баллада, эпопея Омера, Аріоста и Клоуццока, столь различные по изобрѣшенію и формамъ, ей равно извѣстны, равно драгоценны. Она съ любопытствомъ замѣчаетъ успѣхи языка во всѣхъ родахъ, ничего не чуждается, кромѣ того, что можетъ вредить нравамъ, успѣхамъ просвѣщенія и здравому вкусу (я беру

сіе слово въ обширномъ значеніи). Она съ удовольствіемъ замѣчаетъ дарованіе въ шолпѣ Писашелей и гошова ему подасть полезныя совѣщанія: она, какъ говоришь Поэшь, гошова обняшь

Въ опважномъ мальчикѣ грядущаго Поэша!

Ни расколы, ни зависть, ни приспращіе, никакіе предразсудки ей неизвѣсны. Польза языка, слава Опечешва: вошь благородная ея цѣль! Вы, Мм. Гг., являетесь прекрасный примѣръ, созывая дарованія со всѣхъ споронь, безъ лицепріянія, безъ приспращія. Вы говорите каждому изъ чихъ: несише, несише свои сокровища въ обшель Музь, опшверзшую каждому шаланшу, каждому успѣху; совершите прекрасное, великое, свящее дѣло: обогатише, образуйше языкъ славнѣйшаго народа, населяющаго почти половину міра; поравняйше славу языка его со славою военною, успѣхи ума съ успѣхами оружія. Важныя Музы подаюшь здѣсь дружешвенно руку млад-

шимъ сеспрамъ своимъ, и олшаръ вкуса обогащается ихъ взаимными дарами.

И когда удобиѣе совершишь желаемый подвигъ? въ какомъ мѣснѣ приличнѣе? Въ Москвѣ, споль краснорѣчивой и въ развалинахъ своихъ, близъ полей, ознаменованныхъ неслыханными досель побѣдами, въ древнемъ Ошечеспвѣ славы и новаго величія народнаго!

Такъ! съ давняго времени все благопріятствовало дарованію въ Университетѣ Московскомъ, въ спаршемъ свяпилицѣ Музѣ ошечеспвенныхъ. Здѣсь пламенный ихъ любитель съ радостію созерцаешь слѣды просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ покровителей. Имя Шувалова, перваго Мецената Русскаго, сливается здѣсь съ громкимъ именемъ Ломоносова. Между знаменитыми Покровителями наукъ мы обрѣшаемъ Хераскова: Творецъ Россіяды посѣщаль сіи мирныя убѣжища; онъ покровительствовалъ сему разсаднику наукъ; онъ первый ободряль возникающій талантъ,

и славу Писателя соединилъ съ другою славою, не менѣе лестною для души благородной, не менѣе прочною, со славою покровителя наукъ. Муравьевъ, какъ человекъ Государственный, какъ Попечитель, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ Университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ. (*) Подъ руководствомъ славнѣйшихъ Профессоровъ Московскихъ, въ нѣдрахъ своего Описанства, онъ приобрѣлъ сіи обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ ума человеческого, которымъ нерѣдко удивлялись ученые иностранцы: за благодаренія наставниковъ онъ платилъ благодареніями сему Святилищу наукъ: имя его будетъ любезно сердцамъ добрымъ и чувствительнымъ: имя его напоминаетъ всѣ заслуги, всѣ добродѣтели, — ученость обширную, утвержденную на прочномъ основаніи, на знаніи языковъ древнихъ; рѣдкое искусство писать онъ умѣлъ соединить съ искреннею крошестію, съ снисходич-

(*) Смолри примѣчаніе В.

шельностию великому уму и добрейшему сердцу свойственною. Казалось, въ его видѣ посѣпшилъ землю одинъ изъ сихъ Геніевъ, изъ сихъ свѣспильниковъ Философіи, копорые нѣкогда раждались подѣ щаспливымъ небомъ Апшики, для разлишія пракпической и умозрипельной мудроспи, для ушпшенія и назиданія челоувчеспва краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ. Вы наслаждались [его бесѣдою; вы чипали въ глазахъ его живое учаспіе, копорое онъ принималъ въ успѣхахъ и славѣ вашей; вы знаеше всѣ заслуги сего рѣдкаго челоувка.... и— проспшите мнѣ нѣсколькo словъ, въ его воспоминаніе чиспѣйшею благодарностию испоргнурыхъ!— я ему обязанъ моимъ образованіемъ и щаспіемъ засѣданъ съ вами, копорое умѣю цѣнишь, копорымъ умѣю гордишься. —

И эспощъ челоувкъ споль рано похищенъ смертію съ поприща Наукъ и добродѣтели! И онъ не былъ свидѣспелемъ великихъ подвиговъ богосворимаго имъ Монарха и славы народной!

Онъ не будешь свидѣтелемъ новыхъ успѣховъ Словесности въ щасливѣйшія времена для Наукъ и просвѣщенія: ибо никогда, ни въ какое время обстоятельство не были имъ сполько благопріятны. Храмъ Януса закрышь рукою Побѣды, неразлучной соупницы Монарха. Великая душа Его услаждается успѣхами ума въ справѣ, ввѣренной Ему святымъ Провидѣніемъ, и каждый трудъ, каждый полезный подвигъ щедро Имъ награждается. Въ недавнемъ времени, въ лицѣ славнаго Писателя Онъ ободрилъ всѣ отечественныя таланты: и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ благородныя сердца, всѣ Папріоты съ признавательностію благословляютъ руку, которая споль щедро награждаетъ полезные труды, поспоянство и чисную славу Писателя, извѣстнаго и въ справѣ опдаленныхъ, и которымъ должно гордиться Отчество. Правительствовало благодѣтельное и прозорливое, пользуясь щасливѣйшими обстоятельствами: пищиною внѣшнею и внутреннею Государства, опверзаешь снова всѣ пупки къ просвѣщенію. Подъ его

руководствомъ процвѣтутъ Науки, Художества и Словесность, коснѣющія среди шума военнаго; процвѣтутъ всѣ отрасли, всѣ способности ума человѣческаго, которыя только въ неразрывномъ и тѣсномъ союзѣ ведутъ народы къ истинному благоденствію, и славу его дѣлаютъ прочною и неизблемою. — Самая Поэзія, которая питается ученіемъ, возрастаетъ и мужаетъ наравнѣ съ образованіемъ общества, Поэзія принесетъ зрѣлые плоды и доставитъ новыя наслажденія душамъ возвышеннымъ, рожденнымъ любовью и чувствованіемъ изящнаго. Общество приметъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ ума: и тогда имя Писателя, Ученаго и опличнаго Спихотворца не будетъ дико для слуха: оно будетъ возбуждать въ умахъ всѣ понятія о славѣ Отечества, о достоинствѣ полезнаго гражданина. Въ ожиданіи сего щасливаго времени, мы совершимъ все, что въ силахъ совершить. Дѣятельное покровительство блюстителей просвѣщенія, которымъ сіе общество обязано существова-

ніемъ; рвеніе, съ копорымъ мы приспу-
паемъ къ важнѣйшимъ шрудамъ въ Сло-
весности ; безприсрасніе , копорое
мы желаемъ сохранишь посреди разно-
гласныхъ мнѣній , еще непросвѣщен-
ныхъ здравою кришикою: все обѣщаепъ
намъ вѣрныя успѣхи; и мы доспигнемъ,
по крайней мѣрѣ приблизимся къ же-
лаемой цѣли , одушевленные именами
пользы и славы , руководимые безпри-
спрасшіемъ и кришикою.

ПРИМѢЧАНІЯ.

А) Похвала или порицаніе частнаго человѣка не естъ приговоръ общественнаго вкуса. Исчисляя Спихопворцевъ, опличившихся въ легкомъ родѣ Поэзіи, я старался сообразоваться со вкусомъ общественнымъ. Моженъ бытъ я во многомъ и ошибся; но мнѣніе мое сказалъ чистосердечно, и чипашель скорѣе обличить меня въ невѣжествѣ, нежели въ приспрасшіи. Надобно имѣть нѣкопорую смѣлость, чпобы порицать дурное въ Словесности; но едва ли не пошребно еще болѣе храбросши шому, кпо вздумаешъ хвалишь шо, чпо истинно достойно похвалы.

В) *Добро никогда не теряется*, особливо добро, сдѣланное Музамъ: онѣ чувспвишительны и благодарны. Онѣ записали въ скрижаляхъ славы имена Шувалова, Г. Спрогонова, и Г. Н. П. Румянцева, кошорый и поный удо-

споиваетъ ихъ своего покровительсва. Какое доброе сердце не замѣпишь съ чистѣйшею радостію, что онѣ осыпали цвѣтами гробницу Муравьева? Ученый Рихшеръ, почтенный Сочинитель Исторіи Медицины въ Россіи, въ прекрасной рѣчи своей, говоренной имъ въ Московской Медикохирургической Академіи, и Г. Мерзляковъ, извѣстный Профессоръ Московскаго Университета, въ предисловіи къ *Виргиліевымъ Эклогамъ*, упоминали о немъ съ чувствомъ, съ жаромъ. Нѣкоторые Спихопворцы, изъ числа ихъ Г. Воейковъ въ посланіи къ Эмилию, и Г. Буринскій, слишкомъ рано похищенный смертію съ поприща Словесности, говорили о немъ въ спихахъ своихъ. Последний, оплакавъ кончину храбраго Генерала Глѣбова, продолжаетъ :

О Провидѣніе! роптать я не дерзаю!...

Но — слабый — не могу не плакать предъ
тобой :

Тамъ въ славѣ, въ щастіи злодѣя созерцаю,
Здѣсь вьнешь, какъ шрава, мужъ крошкѣй и
благой !

Слезъ горестныхъ пошокъ еще не осушился,
 Еще мы... Заобный рокъ навѣки насъ ли-
 шиль

Того, кто щастіемъ Парнасса веселился.

.
 Гдѣ ты, о Муравьевъ! прямое украшенье,
 Парнасса Русскаго любитель, нѣжный другъ?
 Увы! зачѣмъ среди снѣзи благошворенья,
 Какъ въ добродѣтеляхъ мужаль швои крош-
 кый духъ,

Ты рано похищенъ отъ нашихъ ожиданій?
 Гдѣ спрасъ швоя къ добру? сей душъ из-
 бранныхъ даръ?

Гдѣ рано собранно сокровище познаній?
 Гдѣ, гдѣ усердія въ груди горѣвшей жаръ,
 Служишь Ошечесшву, сіяя средь немногихъ,
 Прямыхъ его сыновъ, шворившихъ честь ему?
 Любезностьъ разума и прелестъ нравовъ
 крошкихъ —

Исчезло все!.. Увы!.. честь праху швоему!

II.
НѢЧТО О ПОЭТѢ
И
ПОЭЗИИ.

Поэзія — сей пламень небесный, который менѣе или болѣе входитъ въ составъ души человѣческой — сіе сочепаніе воображенія, чувспвишельности, мечпашельности — Поэзія, нерѣдко соспавляетъ и муку и услажденіе людей, единспвенно для нее созданныхъ. *Вдохновеніемъ генія превожится Поэтъ*, сказала извѣстный Стихоспворецъ. Это совершенно справедливо. Есть минушы дѣяшельной чувспвишельности: ихъ испытали люди съ испиннымъ дарованіемъ; ихъ-то должно ловить на лешу Живописцу, Музыкантиу, и болѣе всѣхъ, Поэспу: ибо онъ рѣдки, преходящи и зависящъ часпно ошъ здоровья, ошъ времени, ошъ вліянія внѣшнихъ предметовъ, кошорыми по произволу мы управлящъ не

въ силахъ. Но, въ минушу вдохновенія, въ сладоспную минушу очарованія поэпическаго, я никогда не взялъ бы пера моего, если бы нашель сердце способное чувспвовашъ вполнъ шо, чшо я чувспвую; если бы могъ передашъ ему всъ шайныя помышленія, всю свѣжестъ моего мечпанія и заспавишь въ немъ препешашъ пѣ же спруны, кошорыя издали голосъ въ моемъ сердць. Гдѣ сыскашь сердце, гошовое раздѣляшь съ нами всъ чувспва и ощушенія наши? Нѣшь его съ нами — и мы прибѣгаемъ къ искусству выражашъ мысли свои, въ сладоспной надеждѣ, чшо естъ на землѣ сердца добрыя, умы образованные, для кошорыхъ сильное и благородное чувспво, щаспливое выраженіе, прекрасный спихъ и спраница живой, краснорѣчивой прозы—супъ сокровища испинныя. . . „Они не могушь чипашъ въ моемъ сердць, но прочишаюшь книгу мою“— говорилъ Монпанъ; и въ самыя бурныя времена Франціи, при звукѣ оружія, при заревѣ коспровъ, зажженныхъ суевѣріемъ, нисалъ Опышы свои, и бесѣдуя съ доб-

рыми сердцами всѣхъ вѣковъ, забывалъ недоспойныхъ современниковъ.

Нѣкто сравнивалъ душу Поэта въ минушу вдохновенія съ располненнымъ въ горнилѣ мешаломъ: въ сильномъ и постоянномъ пламени, онъ долго остается въ первобытномъ положеніи, долго недвижимъ; но раскаленный — рдѣется, закипаетъ и клопочетъ: снятый съ огня, въ одну минушу успокоивается и упадаетъ. Вошь прекрасное изображеніе Поэта, кошораго вся жизнь должна пригошовляшь нѣсколько плодощворныхъ минушъ: всѣ предметы, всѣ чувшва, все зримое и незримое должно распалашъ его душу и медленно приближашъ сіи ясныя минушы дѣяшельности, въ кошорыя споль легко изображашъ всю ищорію нашихъ впечатлѣній, чувшвъ и спрашей. Плодощворная минуша Поэзіи! шы быстро ищезаетъ, но осшавляетъ вѣчные слѣды у людей, владѣющихъ языкомъ боговъ.

Люди, щасшлыво рожденные, кошорыхъ природа щедро надѣлила памя-

тію, воображеніємъ , огненнымъ сердцемъ и великимъ разсудкомъ , умбюющимъ давати вѣрное направленіе и памяти и воображенію, — сіи люди, имѣющіе безъ сомнѣнія даръ выражашься, прелестный даръ , лучшее достояніе чловѣка ; ибо посредствомъ его онъ оставляешъ вѣрнѣйшіе слѣды въ обществѣ и имѣетъ на него сильное вліяніе. Безъ него не было бы ничего продолжительнаго , вѣрнаго, опредѣленнаго; и то, что мы называемъ безсмертіемъ на землѣ, не могло бы существовать. Вѣки мелькающіе , памятники рукъ чловѣческихъ разрушающіяся, изустныя преданія измѣняющіяся, исчезающіе : но Омеръ и книги священныя говорящіе о прошекшемъ. На нихъ основана опытность чловѣческая. Вѣчные кладези , откуда мы почерпаемъ истины упѣшительныя или печальныя ! что даешъ вамъ сію прочность? Искусство письма , и другое , важнѣйшее — искусство выраженія.

Сей даръ выражашъ и чувства и мысли свои давно подчиненъ спрогой

наукѣ. Онѣ подлежатъ постояннымъ правиламъ, происшедшимъ отъ опытно-ности и наблюденья. Но самое изученіе правилъ, безпрестанное и упорное наблюденіе изящныхъ образцовъ — недоспащочны. Надобно, чшобы вся жизнь, всѣ шайныя помышленія, всѣ приспращенія клонились къ одному предмету, и сей предметъ долженъ быть Искусство. Поэзія, осмѣлюсь сказать, пребуетъ *всего теловѣка*.

Я желаю — (пускай назовушь шпраннымъ мое желаніе!) — желаю, чшобы Поэшу предписали особенный образъ жизни, піишическую *Діэтику*; однимъ словомъ, чшобы сдѣлали науку изъ жизни Стихотворца. Эша наука была бы для многихъ едва ли не полезнѣе всѣхъ Аристошелевыхъ правилъ, по копорымъ научаемся избѣгать ошибокъ; но какъ шворишь изящное — никогда не научимся! —

Первое правило сей науки должно быть: живи какъ пишешь, и пиши какъ живешь. *Talis hominibus fuit ora-*

tio, qualis vita. — Иначе всѣ ошголо-
 ски лиры швоей будущь фальшивы.
 Къ чему произвела тебя природа? что
 вложила въ сердце швое? Чѣмъ плѣ-
 няется воображеніе, часшо прошивъ
 воли швоей? При чпеніи какого Писа-
 шеля препешаль швой геній съ неизъ-
 яснимою радостію, и гласъ, громкій
 гласъ швоей піишической совѣспи вос-
 клицаль: проснись, и шы Поэшь! —
 При чпеніи шворцовъ Эпическихъ? И
 шакъ, удались ошъ общешва, окружи
 себя природою: въ тишинѣ сѣльской,
 посреди грубыхъ, неиспорченныхъ нра-
 вовъ читай Испорію. времянь прошек-
 шихъ, поучайся въ печальныхъ лѣшо-
 писяхъ міра, узнавай челошъка и спра-
 спи его, но исполнись любви и благо-
 воленія ко всему челошъчешву: да бу-
 дущь мысли швой важны и величе-
 швенны, движенія души швоей нѣжны
 и спрашны, но всегда покорены раз-
 судку, спокойному власшелину ихъ.
 Эшого мало! Эпическому Спихошвор-
 цу надобно все испытать, *объ форту-
 ны*. Подобно Тассу любишь и спра-
 дашь всѣмъ сердцемъ; подобно Камозн-

су сражаешься за Опечесшво, обпекаешь всѣ спраны, вопрошаешь всѣ народы, дикіе и просвѣщенные, вопрошаешь всѣ памяшники искусства, всю природу, кошорая говоришь всегда краснорѣчиво и вняшно уму возвышенному, обогащенному опышами, воспоминаніями. Однимъ словомъ, надобно, забывъ всѣ ничшожныя выгоды жизни и самолюбія, пожершвовашь всѣмъ — славъ; и тогда шолько погрузишься (не съ дерзостію кичливаго ума, но съ рѣшимостію челоувѣка, носящаго въ груди своей внутреннее сознаніе собспвенной силы), тогда шолько погрузишься въ бурное и проспранное море Эпопем. . . .

Жишь въ общеспвѣ, носишь на себѣ шяжелое ярмо должностей, часшо ничшожныхъ и суешныхъ, и хошьшь согласовашь выгоды самолюбія съ желаніемъ славы — ешь шребованіе истинно суешное. Чшо образъ жизни дѣйствуетъ сильно и посшояншо на шаланшь, въ шомъ нѣшь сомнѣнія. Примѣрь шому Французы: ихъ Словес-

ность, споль богашая во всѣхъ родахъ, не имѣешь ни Эпопеи ни Испоріи. Ихъ Писатели по большей часи жили посреди шумнаго города, посреди всѣхъ обольщеній двора и праздности; а Исторія и Эпопея шребують вниманія поспойннаго, и сей важности, и сей душевной силы, копорую общество, не только что опнимаешь у человека разсѣяннаго, но уничтожаешь совершенно. „Хотише ли бытъ красноръчивыми Писателями? говоришь красноръчивая женщина нашего времени: будише добродѣтельны и свободны, почишише предметъ любви вашей, ищиши безсмертія въ любви, Божества въ природѣ; освящише душу, какъ освящають храмъ, и Ангель возвышенныхъ мыслей предстанешъ вамъ во всемъ величїи!“ Предесшныя спроки, исполненныя истины! васъ разсѣянные умы или не поймушь или прочишають съ гордымъ презрѣніемъ.

Взглянемъ на жизнь нѣкошорыхъ Стихотворцевъ, кошорыхъ имена споль любезны сердцу нашему. Горацій, Ка-

шулъ и Овидій шакъ жили, какъ писали. Тибулъ не обманываль ни себя ни другихъ, говоря покровишело своему, Мессалъ, что его не обрадуютъ ни шриумфы, ни пышный Римъ; но спокойшвіе полей, здоровый воздухъ лѣсовъ, мягкіе дуга, родимый ручеекъ и эша хижина съ просшымъ, соломеннымъ кровомъ — вешхая хижина, въ кошорой Делія ожидаешъ его съ распущенными власами по высокой груди. Пешрарка шочно спояль опершись на скалу Воклюзскую, погруженный въ глубокую задумчивость, когда вылезали изъ устъ его гармоническіе стихи:

Sott' un gran sasso
 In una chiusa valle, ond' esse Sorga
 Si stà: ne chi lo scorga
 V'è, se no amor, che mai no'l lascia un passo
 E l'immagine d'una che lo strugge.

Щаспливый Шолье мечпаль подъ вешхими и шѣнисшыми древами Фоншенейскаго убѣжища; шамъ сожалель онъ объ ушранѣ юноши, объ ушранѣ невѣрныхъ наслажденій любви. Богдановичъ жилъ въ мірѣ фаншазіи, имъ со-

зданномъ, когда рука его рисовала плѣ-
нищепельное изображеніе Душеньки. (*)
Державинъ на дикихъ берегахъ Суны,
орошенный кипящею ея пѣною, воспѣ-
валъ Водопадъ и Бога въ пророческомъ
изсупленіи. И въ наши времена, бо-
лѣе обильныя славою, нежели благо-
пріятныя Музамъ, Жуковскій, опор-
ванный Беллою опъ милыхъ полей
своихъ, Жуковскій, одаренный пламен-
нымъ воображеніемъ и рѣдкою способ-
ностію, передавашъ другимъ глубокія
ощущенія души сильной и благород-
ной: — въ спанѣ воиновъ, при громѣ
пушекъ, при заревѣ пылающей Споли-
цы, писалъ вдохновенные стихи, ис-
полненные огня, движенія и силы.

Если образъ жизни имѣешь споль
сильное вліяніе на произведенія Поэта,

(*) Богдановичъ жилъ въ совершенномъ уеди-
неніи. У него были два поварища, до-
стойные добродушнаго Лафоншена: кошъ
и пѣшухъ. Объ нихъ онъ говорилъ, какъ о
друзьяхъ своихъ, рассказывалъ чудеса, без-
покоился объ ихъ здоровѣ и долго оплаки-
валъ ихъ кончину.

по воспитаніе дѣйствуешь на него еще сильнѣе. Ничто не можешь изгладить изъ памяти сердца нашего первыхъ, сладостныхъ впечатлѣній юности! Время украшаешь ихъ и даешь имъ восхищительную прелесть. Въ среднемъ возрастѣ зримые предметы слабо врѣзываются въ память, и душа, утомленная ощущеніями, пренебрегаетъ ими: ее занимають однѣ спрѣстн; въ преклонныхъ лѣтахъ человекъ не пріобрѣтаетъ, и послѣднимъ его сокровищемъ остается по единственному, чѣмъ онъ запасъ себя въ молодости. Такимъ образомъ природа соединяетъ вечеръ съ упромъ жизни, какъ вечерняя заря сливается съ упренною въ долгіе дни лѣна подъ нашимъ съвернымъ небомъ.

Если первыя впечатлѣнія споль сильны въ сердцѣ каждаго человекъ, если не изглаживаются во все печеніе его жизни; по тѣмъ болѣе они должны бытъ сильны и сохранятъ неувядаемую свѣжесть въ душѣ Писателя, одареннаго глубокою чувствительностію.

Успѣшно вспоминать подъ старость дѣш-
ски дѣшны ,
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!

Если бы мы знали подробно обстоя-
тельства жизни великихъ Писателей,
то безъ сомнѣнія могли бы найти въ ихъ
твореніяхъ слѣды первыхъ, всегда силь-
ныхъ ощущеній. Сердце имѣетъ свою
особенную память. Руссо помнилъ на-
чало пѣсни, которую ему напѣвала
его добродушная шешка. Молодой Ари-
остъ, въ бытность свою во Флоренціи,
влюбился въ прелестную женщину.
Онъ часто посѣщаль ее; цѣлые часы
въ глубокомъ безмолвіи просиживаль
любуйсь красавицею, которая выши-
вала по серебру пурпурнымъ шелкомъ.
Впечатлѣніе прелестныхъ рукъ навсе-
гда ошалось въ памяти любовника, и
столь сильно, что въ послѣдствіи вре-
мени, рассказывая бывшу Мандрикала
съ злополучнымъ Сербиниомъ, онъ срав-
ниваетъ алую кровь, текущую изъ глу-
бокой раны юноши, съ пурпурными
начертаніями, которая вышивала по
серебру бѣлоснѣжная рука незабвенной

Флорентинки. Нѣжныя сердца помнятъ шь мѣста въ Виргиліи, гдѣ Поэшь говоритъ о своей милой Маншуй: стихи Римскаго Омера исполнены воспоминаній о юности; они исполнены сихъ глубокихъ, неизгладимыхъ впечатлѣній, копорья, погружаятъ чинашеля въ сладкую задумчивость, напоминая ему его собственную жизнь и ясную зарю молодости.

Климашь, видъ неба, воды и земли — все дѣйствуетъ на душу Поэша, опшверзшую для впечатлѣній. Мы видимъ въ пѣсняхъ сѣверныхъ Скальдовъ и Эрскихъ Бардовъ нѣчто суровое, мрачное, дикое и всегда мечшательное, напоминающее и пасмурное небо сѣвера и шуманы морскіе и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и въ ужасахъ. Мы видимъ неизгладимый оппечатокъ климата въ Стихотворцахъ полуденныхъ: нѣкопорую нѣгу, роскошь воображенія, свѣжестъ чувствъ и ясность мыслей, напоминающихъ и небо и всю благошворную природу

спранъ южныхъ, гдѣ человекъ наслаждается двойною жизнію въ сравненіи съ нами, гдѣ все пипаешь и нѣжишь его чувству, гдѣ все говоришь его воображенію. Напрасно уроженецъ Сициліи или Неаполя, желалъ бы сосязаться въ пѣсняхъ своихъ съ Бардомъ Морвена и описывать, подобно ему, мрачную природу сѣвера: напрасно сѣверный Поэтъ желалъ бы изобразить роскошныя долины, прохладныя пещеры, плодоносныя рощи, тихіе заливы и небо Сициліи, высокое, прозрачное и вѣчно ясное. Одинъ Тассъ, рожденный подъ раскаленнымъ солнцемъ Неаполя, могъ описать споль вѣрными и свѣжими красками ужасную засуху, гибельную для крешовыхъ воиновъ. По сему описанію, говоришь ученый Женгене, можно узнать полуденнаго жипеля, кошорый неоднократно подвергался смертному вліянію въ шровъ Африканскихъ, неоднократно изнемогалъ подъ бременемъ зноя. — У насъ Ломоносовъ, рожденный на берегу шумнаго моря, воспитанный въ шрудахъ промысла, сопряженнаго съ опа-

сносною , сей удивительный человекъ въ первыхъ лѣсахъ юношества былъ сильно пораженъ явленіями природы : солнцемъ , которое въ должайшіе дни лѣша, дошедъ до края горизонша, снова возсѣаетъ и снова шечетъ по шверди небесной ; съвернымъ сіяніемъ , которое въ полуночномъ краю замѣняетъ солнце и проливаетъ холодный и дрожащій свѣтъ на природу, спящую подъ глубокими снѣгами: Ломоносовъ съ какимъ-шо особеннымъ удовольствіемъ описываетъ сіи явленія природы , величественныя и прекрасныя, и повсюряетъ ихъ въ великолѣпныхъ стихахъ своихъ :

Закрылись крайніе съ пучиною лѣса
Лишь съ моремъ видны вкругъ сіянны не-
беса.

.
. . . Сквозь воздухъ въ югѣ чистый
Открылись два холма и берега лѣсисшы.
Межь ними кораблямъ въ заливъ опверзся
входъ,

Убѣжище пловцамъ ошъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ въ влажныхъ берегахъ крушясь печальна
Уна

Медлительно шечетъ въ объятія Непшуну.....

Достигло дневное до полночи свѣшило,
 Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
 Какъ пламенная гора казалось средь валовъ
 И простирало блескъ багровый изъ за льдовъ.
 Среди пречудныхъ при ясномъ солнцѣ ночи
 Верхи злыхъ зыбей пловцамъ сверкающъ
 въ очи.

Мы не остановимся на красотѣ стиховъ. Здѣсь всѣ выраженія великолѣпны: горящее лицо солнца, проповоложенное хладнымъ водамъ океана; солнце, остановившееся на горизонтѣ, и подобно пламенной горѣ простирающее блескъ изъ за льдовъ, суть первоклассныя красоты описательной Поэзіи. Два послѣдніе стиха, заключающіе картину, восхищательны:

Среди пречудныхъ при ясномъ солнцѣ ночи
 Верхи злыхъ зыбей пловцамъ сверкающъ
 въ очи.

Но мы замѣтимъ, что Поэтъ не могъ бы написать ихъ, если бы онъ не былъ свидѣтелемъ сего чудеснаго явленія, которое поразило огненное воображеніе вдохновеннаго ошрока и оставило въ немъ глубокое, неизгладимое впечатленіе.

III.

О ХАРАКТЕРѢ ЛОМОНОСОВА.

По слогу можно узнать человека, сказала Бюфонъ: характеръ Писателя весь въ его твореніяхъ. Это съ одной стороны справедливо. — Безъ сомнѣнія, по стихамъ и прозѣ Ломоносова, мы можемъ заключить, что онъ имѣлъ возвышенную душу, ясный и проницательный умъ, характеръ необыкновенно предприимчивый и сильный. Но любителью Словесности, скажу болѣе, наблюдателю-Философу пріятно было бы узнать нѣкоторыя подробности частной жизни великаго человека; познакомиться съ нимъ, узнать его 습ки, его заботы, его печали, наслажденія, привычки, странности, слабости и самые пороки, неразлучные спутники человека. „Разумъ, услаждавшійся величественными понятіями всеоб-

щаго порядка, не можетъ быть соединенъ съ сердцемъ холоднымъ“, говорилъ о Ломоносовѣ Писапель, котораго имя равно любезно Музамъ и добродѣтели. Сія истина утверждена жизнью Ломоносова. Воображеніе и сердце часно увлекали его въ молодости: они были источниками его наслажденій и мученій, неизвѣстныхъ, неизяснимыхъ обыкновеннымъ людямъ. — Конечно не одна спрасъ къ ученію, которая не могла еще вполне овладѣть душою опрока, воспитаннаго среди болотъ Холмогорскихъ, не одна сія спрасъ, споль благородная и безкорыстная, принудила его оставитъ родину. Семейственныя огорченія и нѣкоторое шайное безпокойство души — было къ шому важнѣйшимъ побужденіемъ. Но сіе безпокойство, сіе шусклое желаніе чегошо новаго и лучшаго, сія предпримчивость, удивительная въ споль нѣжномъ возрастѣ, не означали ли великую душу, и нѣчто необыкновенное?

Пламенное рвеніе къ ученію, неутомимая жажда познаній, постоянство

въ преодолѣніи преградъ, пославлен-
ныхъ непріязненнымъ рокомъ, дерзоспъ
въ предпріятіяхъ, увѣнчанная сіяющимъ
успѣхомъ: всѣ сіи качества соединены
были съ сильными спраспями, съ пла-
меннымъ сердцемъ; или, лучше сказапъ,
происпекали изъ оныхъ, и пошому
должно ли удивляпся, что Ломоно-
совъ въ молодоспи своей пожертво-
вала всѣми выгодами любви? Въ Мар-
бургѣ онъ женился тайно на дочери
бѣднаго ремесленника и въ скоромъ вре-
мени обстоятельсва принудили его
разлучипся съ супругою. Музы лю-
бятъ провождапъ любимцевъ своихъ
по тернистой шопѣ нещаспія въ
храмъ славы и успѣховъ. Бѣдспвія не
всегда убиваютъ талантъ: напрошивъ
шого, они пробуждаютъ въ душѣ мно-
жесво прекрасныхъ свойсствъ, и зна-
комятъ ее съ собственными силами.
Ломоносовъ, гонимый судьбою, скипал-
ся по Германіи, переходилъ изъ земли
въ землю, безъ прищанища, часпо
безъ насущнаго хлѣба: онъ боролся со
всѣми нуждами и гореспями, и нико-
гда, нигдѣ не преспушилъ законовъ че-

спи, никогда не забывала оставленной супруги. Съ какою чувствительностью, (возвратясь въ Петербургъ) прочитала она письмо ея, и воскликнула предъ посланнымъ опъ Г. Бесшужева: „Боже мой! могу ли ее оставить!“ — Слезы прерывали беспрепятственно слова его. Сладостно видяща наблюдателю челоуѣчества соединеніе споль глубокой чувствительности съ умомъ обширнымъ, вѣрнымъ и прозорливымъ! Чувствительность и сильное, пламенное воображеніе часто владѣли нашимъ Поэтомъ, конечно прошивъ воли его. На возвратномъ пути изъ Амстердама по морю Ломоносовъ, сидя на палубѣ, при шумѣ волнъ погружался въ сладкую задумчивость. Открытое море, шумъ вѣтра и непрерывное колебаніе корабля напоминали ему первыя дѣла юности, проведенныя посреди непокойной стихіи: они напоминали приморскую его родину и все, что ни есть сладостнаго для сердца нѣжнаго и добраго. Исполненному воспоминаній, однажды во снѣ ему привидѣлась спрашная буря на волнахъ

Ледовитаго моря, кораблекрушеніе и хладный шрупъ отца его, выброшенный на шопъ самый оспровъ, куда Ломоносовъ въ молодосни своей при-
скавалъ съ нимъ для совершенія рыб-
ной ловли. Онъ въ ужасъ проснулся.
Напрасно призываешь на помощь раз-
судокъ свой, напрасно желаешь разсѣ-
ляшь мрачные слѣды сновидѣнія: мечна
оснаешься въ глубинѣ сердца и ничто
не въ силахъ изгладить ее. Снова за-
сынаешь и снова видишь шумное мо-
ре, необитаемый оспровъ и блѣдный
шрупъ родителя. Такъ! мы не рѣдко
увѣряемся опытомъ, что Провидѣніе
влагаешь въ насъ какія-то тайныя
мысли, какое-то неизъяснимое пред-
чувствіе будущихъ злополучій, и со-
бытіе часто подтверждаетъ предска-
заніе таинственнаго сна—къ удивленію,
къ смиренію слабаго и гордаго раз-
судка. Ломоносовъ это испыталъ въ
жизни своей. Ощецъ его погибъ въ
волнахъ и тѣло его найдено рыбаками
на шопъ необитаемомъ оспровѣ, ко-
шорый назначилъ имъ печальный сынъ,
по внушенію пророческаго сновидѣнія.

По крапкой біографіи, напечатанной при сочиненіяхъ Ломоносова, мы шѣе знакомимся съ Поэтомъ, когда онъ покидаетъ родину свою. Самое юношесство необыкновеннаго человѣка любопытно; каждое обстоятельство, каждая подробность драгоценны. Конечно Ломоносовъ, въ опкровенной бесѣдѣ ближнихъ и друзей, любилъ рассказывать имъ первыя свои печали и наслажденія; съ какимъ восхищеніемъ онъ пѣвалъ на крылосѣ священные пѣсни и пожиралъ духовныя книги! Съ какимъ усиленіемъ онъ промыслилъ Славенскую Грамашику и Ариѳметичку: *врата учености своей!* Какъ сердце его унывало, покидая отца, родину, ближнихъ! Какъ шрепешало онъ радости, вступая въ обширную Москву!.. Къ сожалѣнію, немного подробностейъ дошло до насъ, и почти всѣ исчезли съ холодными слушателями. Однѣ великія души чувствуютъ всю важность дружескихъ повѣреній знаменишаго человѣка, ихъ современника. Ломоносовъ — пѣшь сомнѣнія — казался обыкновеннымъ человекомъ

въ кругу пріятелей своихъ, людей весьма обыкновенныхъ. И могъ ли Тредіаковскій съ *братією* бысть цѣнншелемъ величайшаго ума своего времени, цѣнншелемъ Ломоносова?

Но къ щаспію нашему, Россія имѣла въ молодомъ Вельможѣ покровителя дарованій. Мы забудемъ со временемъ однофамильца Шувалова, который писалъ остроумные стихи на Французскомъ языкѣ, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольшера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ любезностію, веселостію и учтивостію, достойною времени Лудовика XIV: но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ. Имя его навсегда останется драгоценно Музамъ опечесшвеннымъ. Онъ былъ все для нашего Лирика: дѣятельный и просвѣщенный покровитель, попечительный другъ, часно снисходительный, и всегда поспоянный. Безъ него — Ломоносовъ не могъ бы предпринять сихъ великихъ трудовъ, пребующихъ издержекъ и непре-

спанныхъ пособій. Скажемъ болѣе: какъ ученый, какъ Спихошворецъ, Ломоносовъ обязанъ ему всѣмъ, даже посшоянствомъ въ любви ко славъ. Прозорливый Шуваловъ въ уроженцѣ Холмогоръ угадалъ великаго челоувѣка: щастливый Поэшь нашель въ Вельможѣ испинный папріошизмъ, обширныя свѣденія, вкусъ образованный и, чшо всего лучше — благородную, дѣяшельную душу! Однимъ словомъ: (рѣдкое явленіе!) Вельможа и Поэшь понимали другъ друга. Письма Ломоносова къ Шувалову сушь безцѣнный памятникъ Словесности Русской: въ нихъ видѣнь и Спихошворецъ и покровитель его. Они заключаютъ въ себѣ множесшво любопытныхъ подробностей, анекдотовъ и наконецъ извѣстіе о кончинѣ Профессора Рихмана, досшойнаго шоварища Ломоносова. Рихманъ умеръ прекрасною смертію, (*) и Ломоносовъ съ убѣдительнымъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ ходатайствуетъ за осиротѣвшее семейство, спрашась, чшобы сей случай

(*) Это собственное выраженіе Ломоносова.

не былъ перетолкованъ противу Наукъ ,
вѣчно ему любезныхъ! Часно въ пись-
махъ своихъ онъ жалуется на Тредя-
ковского и Сумарокова. Если сіи шпро-
ки доказываютъ печальную истину :
что дарованія, во всѣ времена, даже
при самой колыбели Словесности, имѣ-
ютъ враговъ и зависнниковъ : то онъ
же, къ радости нашей, открываютъ
прекрасную душу великаго Писателя:
„Никакого не желаю мщенія, гово-
ришь онъ, но способовъ продолжишь
труды мои для славы, для пользы
Опечества. Мои Зоплы хвалятъ меня
своею хулою, называя мои изображенія
надутыми; нападая на меня, они напа-
даютъ на древнихъ“... До послѣдней
минушы жизни своей Ломоносовъ не из-
мѣнилъ себѣ, и прелестная мысль о
славѣ его не покидала. На одрѣ муче-
ній и смерти Рафаель соболѣзновалъ
о недокончанныхъ карпинахъ : нашъ
сѣверный Геній о не совершенныхъ
шрудахъ своихъ. „Я умираю, говорилъ
онъ Шшеллину, я умираю, пріяшель! На
смершь взираю равнодушно : сожалѣю
о томъ, чего не успѣлъ довершишь для

пользы Наукъ, для славы Отечества и Академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что благія мои намѣренія исчезнушъ вмѣстѣ со мною...“

Тѣнь великаго Спихопворца ушѣ-
шилась. Труды его не пошѣряны. Имя
его безсмертно.

IV.

ВЕЧЕРЬ У КАНТЕМИРА.

Антіохъ Кантемиръ, Посланникъ Русской при дворѣ Лудовика XV, предпочипалъ уединеніе шуму и разсѣянію блестящаго двора. Свободное время онъ должностно онъ посвящалъ Наукамъ и Поэзіи. Въ мирномъ кабинетѣ, окруженный любимыми книгами, онъ часто восклицалъ, перечислявая Плушарха, Горациа и Виргиліа: „Щаспливъ, кпо довольствуюсь малымъ, свободенъ, чуждъ зависши и предразсудковъ, имѣешь совѣсть чистую и провождаешь время съ вами, наславники челоувчешва, мудрецы всѣхъ вѣковъ и народовъ: —

..... съ вами, Греки и Лапины... Изслѣдую всѣхъ вещей дѣйствва и причины.“

Умъ его имѣлъ свойства, рѣдко соединяемыя: основательность, почность и воображеніе. Частно, углублен-

ный въ исчисленія алгебраическія, Каншемиръ искалъ истины и — подобно мудрецу Сиракузъ, забывалъ міръ, людей и общество, безпрестанно измѣняющееся. Онъ занимался Науками не для того, чтобы щеголять знаніями въ суешномъ кругу ученыхъ женщинъ или Академиковъ: нѣтъ! онъ любилъ Науки для Наукъ, Поэзію для Поэзіи, — рѣдкое качество, истинный признакъ великаго ума, и прекрасной, сильной души! Въ Парижѣ, гдѣ самолюбіе значнаго человѣка можешь собирать безпрестанно похвалы и привѣщанія за малѣйшій успѣхъ въ Словесности, гдѣ нѣсколько небрежныхъ стиховъ, иносѣрацемъ написанныхъ, даютъ право гражданства въ республикѣ Словесности, Каншемиръ... писалъ Русскіе стихи! И въ какое время? Когда языкъ нашъ едва становился способнымъ выражать мысли просвѣщеннаго человѣка. Бросьте на островъ необитаемый Машемашика и Стихотворца, говорилъ Даламберъ: первый будешь проводить линіи и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуе-

ся его наблюденіями; второй переспаненъ сочиняшь стихи, ибо нѣкому хвалишь ихъ: следовательно Поэзія и Поэтиъ, заключаешь *разсудительный* Философъ, пишаша суетностію. Парижъ былъ сей необитаемый островъ для Кантемира. Кто понималъ его? Кто восхищался его *Русскими* стихами? — Въ самой Россіи, гдѣ общество, Науки и Словесность были еще въ пеленахъ, онъ, нѣтъ сомнѣнія, находилъ мало цѣнителей своего таланта. Душею и умомъ выше времени и обшпояшельствъ, онъ писалъ стихи, онъ поправлялъ ихъ безпрестанно, желая достигнуть возможнаго совершенства, и, казалось, завѣщалъ благородному потомству и книгу и славу свою. Талантъ пишаша хвалою, но истинный, великій талантъ и безъ нее не умираетъ. Поэтиъ можетъ быть суетнымъ — равно какъ и ученый; — но истинный любитель всего прекраснаго не можетъ существовать безъ дѣятельности, и то, что было сказано нашимъ Кантуломъ о нашемъ Бавіѣ:

„Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издастъ послѣдній стихъ.

почти поже можно сказать о великомъ Спихошворцѣ. На одрѣ смерти Серваншесъ не покидалъ пера своего. Камоенсъ писалъ Лузіяду посреди племени дикихъ. Тассъ, несчастный Тассъ, въ ужасномъ заключеніи бесѣдовалъ съ Музами. Державинъ, за часъ предъ смертію, хладвющими перстами извлекалъ звуки изъ безсмертной лиры своей. Сихъ ли людей обвинимъ въ суешности?... Но возвратимся къ Каншемиру.

Однажды по вечеру Монпескъё и Аббанъ В., извѣстный оспроумецъ, навѣспили нашего Спихошворца. Онъ бесѣдовалъ съ своею Музою и не примѣшалъ входящихъ друзей, копорые имѣли къ нему свободный доступъ. Нѣсколько минушь — Каншемиръ перечитывалъ начало посланія своего къ К. Никшиъ Трубецкому, и всегда съ новымъ жаромъ и удовольствіемъ. При чтеніи спокойное, и даже холодное лице Каншемира примѣннымъ обра-

зомъ измѣнялось: глаза его сверкали, какъ молніи, щеки разгорѣлись и рука его ударяла шакту по опшверзшой предъ нимъ книгѣ. Моншескѣ взглянулъ на Аббаша, кивнулъ ему головою и намѣревался удалиться. Они не хотѣли безноконшь Миниспра, полагая, что онъ занятъ важнымъ Государшвеннымъ дѣломъ. Кантемиръ услышалъ за собою шорохъ, оглянулся — и бросился обнимать неожиданныхъ гостей. — Мы вамъ помѣшали: мы пришли не впору — Ни мало! — Вы читали важныя бумаги? — Я забавлялся: перечитывалъ стихи моего сочиненія. — Но какіе? мы ни слова не поняли. — Русскіе. — Русскіе стихи! восклицалъ Аббашъ, пожимая плечами опъ удивленія: Русскіе стихи! это любопышно...

КАНТЕМИРЪ.

Слабое подражаніе Горацію, Ювеналу и Персію. Вы знаете мою спрасть къ древнимъ Писателямъ; она завлекла меня далеко. Не въ силахъ будучи сравниться съ древними Поэтами Рима,

я влачусь за ними, какъ рабъ за господиномъ, или — какъ спрашпный любовникъ за гордою красавицею. Вы никогда не писали сшиховъ, Г. Президентъ, и не знаете сего мученія и удовольствія, кошорое называюшъ мешроманіею?

МОНТЕСКЬЕ.

Ваша правда. Я не писалъ сшиховъ, но люблю сшихи, когда нахожу въ нихъ сполько же мыслей, сколько словъ: когда они ясны, смьльны, выразишельны, однимъ словомъ — хороши, какъ проза. Я всегда уважалъ Саширы и Посланія Горація: онъ знакомяшъ насъ съ Римомъ, со нравами, съ образомъ жизни переродившихся попомковъ Брушовъ, Коріолановъ и Сципіоновъ. Ювенала перечишываю съ удовольствіемъ; прямой Римлянинъ душою! Онъ шоже въ сшихахъ, чшо Тацисъ въ прозѣ. Я люблю шворенія сихъ Поэшовъ, какъ памяшники языка, образованнаго цѣлыми вѣками славы народной, языка мужесшвеннаго, обильнаго, выразишель-

наго : почтеннаго родителя языковъ
новѣйшихъ.

А Б Б А Т Ъ В.

И Г. Президентъ конечно сожа-
лѣеть, что вы пишете Русскіе стихи.
Зная совершенно языкъ Лашинскій и
нашъ Французскій, споль ясный, поч-
ный и красивый, вы лишаете насъ удо-
вольствія читать ваши прелестныя
произведенія.

М О Н Т Е С К Ъ Е.

Сожалю и удивляюсь, какъ можно
писать, скажу болѣе, какъ можно мы-
слишь на языкъ необразованномъ? Вы
пишете по Русски, а вашъ языкъ и на-
ція — еще въ пеленахъ.

К А Н Т Е М И Р Ъ.

Справедливо: Русскій языкъ въ мла-
денчествѣ; но онъ богашъ, выразише-
лень, какъ языкъ Лашинскій, и со вре-
менемъ будешь шочень и ясенъ, какъ
языкъ остроумнаго Фоншенеля и глу-
бокомысленнаго Моншескѣ. Теперь я
принужденъ борюсь съ величайшими

трудностями: принужденъ изобрѣшашь
безпресшанно новыя слова, выраженія
и обороты, копорыя безъ сомнѣнїя об-
вѣщающъ черезъ нѣсколько годовъ.
Переводя мїры Фоншенелевы, я созда-
валъ новыя слова: Академія Пешербург-
ская часно одобряла мои опыты. Я
очищаль путь для моихъ послѣдовапе-
лей.

А В Б А Т Ъ В .

Но скажише, Бога ради, какъ же вы
могли присвоишь всѣ шокїя выраже-
нїя и обороты перваго щеголя языка
Французскаго, нашего семидесятилѣт-
няго Фоншенеля?

К А Н Т Е М И Р Ъ .

Какъ умѣль! Я слѣдовалъ рабски
по слѣдамъ его. Переводъ мой слабъ,
грубъ, невѣренъ. Скиѳы заспавили
плѣннаго Грека изваянь Венеру, и
обѣщали ему свободу. Грекъ былъ дур-
ный Ваяшель; въ Скиѳїи не было ни
Паросскаго мрамора, ни хорощихъ рѣз-
цовъ; за немѣнїемъ ихъ—соопеществен-
никъ Праксипелевъ, упошребилъ гру-

бый гранишь, молошь, просую пилу
и создалъ нѣчто похожее на Венеру,
слѣдуя заодно образцу, синопль слав-
ному не только въ Греціи, но даже
въ земляхъ варваровъ. Скиѣы были до-
вольны, ибо не знали божественнаго
подлинника, и поклонялись новой Бо-
гинѣ съ дѣшскимъ усердіемъ. Скиѣы —
мои соотечественники; Праксипелева
спашуя — книга безсмертнаго Фон-
шенеля — а я сей Грекъ, неискусный
Ваящель.

АББАТЬ В.

О! вы слишкомъ скромны, почтен-
ный Князь!

КАНТЕМИРЪ.

Не довольствуюясь опытомъ моимъ
надъ Фоншенелемъ, я принялся за Пер-
сидскія письма.

АББАТЬ В.

Персидскія письма по Русски!

МОНТЕСКЬЕ.

Могъ ли я ожидать, что первое,
слабое произведеніе моего пера ошни-

мень у васъ сполько драгоценнаго времени?

АББАТЬ В.

Теперь Гинерборейцы узнающъ, какъ вътрены и малодушны обитатели береговъ Сейны.

КАНТЕМИРЪ.

И какъ остроумны.

АББАТЬ В.

Я давно на вечерахъ Г-жи Жофрель, — копорая васъ превозноситъ, но въ душѣ своей ненавидитъ — давно предсказывала вашу славу; Г. Монпескьё! Въ землѣ своей никакъ Пророкомъ не бывала. Но мое пророчество сбылось, какъ видите. Легко бытъ можешь, что въ эту самую минушу, на берегахъ Ледовишаго моря, на берегахъ Лены или Оби, въ пущыняхъ Тапарин — читающъ ваши остроумныя письма, и имя Монпескьё гремитъ въ спановищахъ Калмыковъ и Самоѣдовъ.

МОНТЕСКЬЕ.

Читають Персидскія письма при свѣщѣ лампы, налишой рыбимъ жиромъ. . .

А В Б А Т Ъ В.

Или при свѣщѣ Сѣвернаго сіянія. . . Конечно спранны, чудесно! — А мы говоримъ съ такимъ пренебреженіемъ о великой Московіи!

КА Л Т Е М П Р Ъ.

Калмыки и Самоѣды не читають Философическихъ книгъ, и конечно долго читать не будутъ. Но въ Москвѣ много цодной, въ раждающейсѣ Столицѣ Петра, въ монастыряхъ малой и великой Россіи, есть люди просвѣщенные и мыслящіе, кошорые умѣють наслаждаться прекрасными произведеніями Музы.

МОНТЕСКЬЕ.

Число такихъ людей должно быть весьма ограничено. До сихъ поръ я думалъ и думаю, что климашъ вашъ

суровый и непостоянный, земля по большей части безплодная, покрывшая въ зиму глубокими снѣгами, малое населеніе, прудность сообщеній, образъ правленія почвы Азіатскій, закоренѣлыя предразсудки и рабство, ушверженныя вѣками навыка — все это вмѣстѣ надолго замедлишь ходъ ума и просвѣщенія. Власшь климата есишь первая изъ власшей.

А Б Б А Т Ъ В.

Я съ вами согласень; и полагаю, что все что усилія исполинскаго Царя, все что онъ ни сошворилъ желѣзною рукою, все — разрушился, упадешъ, исчезнешъ. Природа, обычаи древніе, суевѣріе, неисцѣлимое варварство — возмушь верхъ надъ просвѣщеніемъ слабымъ и неосновательнымъ; и вся полудикая Московія — снова будешъ дикою Московіею, и вѣчный шуманъ забвенія покроешь дѣла и жизнь преемниковъ Петра Великаго.

К А Н Т Е М И Р Ъ:

Я осмѣляюсь спорить съ великимъ шворцомъ книги о сущесствѣ законовъ,

и съ вами, любезный Аббашъ. Россія пробудилась опъ глубокаго сна, подобно баснословному Эпимениду. Заря, освѣтившая нашу землю, предвѣщаетъ прекрасное утро, великолѣпный полдень и ясный вечеръ: вопшь мое пророчесшво!

А Б Б А Т Ъ В.

Но эпо не заря — Сьверное сянне. Блеску много, но безъ свѣша и безъ шеплошы.

М О Н Т Е С К Ъ Е.

Оспроумный Аббашъ сказалъ великую испину. Положимъ — шрудное предположенне, едва ли сбшшчное дѣло! — положимъ, чшо Правительсшво опкроешь всѣ пуши къ просвѣщенню, чшо будешь безпрешанно призывашъ иностранцевъ для воспитаннн юношесшва, поспроишь шеплые дома для училищъ, и, изъ сихъ парниковъ и шеплицъ просвѣщеннн соберешь нѣсколькo незрѣлыхъ и несочныхъ плодовъ; положимъ, чшо Правительсшво образуешъ военныхъ людей, довольно искусныхъ, нѣ-

сколько мореходцевъ, небольшое число Архитекторовъ, Инженеровъ и проч. Но скажите, можете ли Правительствомъ вдохнуть вкусъ къ изящному, къ Наукамъ опвлеченнымъ, умозрительнымъ? Какая сила измѣнитъ климатъ? Кто можете вамъ даровать новое небо, новый воздухъ, новую землю?

АББАТЪ В.

И новое солнце? Какъ можно сѣять науки шамъ, гдѣ осенью серпъ земледѣльца пожинаетъ рѣдкіе класы на бродяхъ, попомъ его орошенныхъ; гдѣ зимою онъ холоду чугуна распадается и шпоръ жидкости рубитъ?

Caeduntque securibus humida vina!!!

МОНТЕСКЬЕ.

Холодной воздухъ сжимаетъ желѣзо; какъ же не дѣйствовать ему на человека? Онъ сжимаетъ его фибры; онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ. Она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость,

крѣпкую надежду на себя; она есть шайная пружина многихъ прекрасныхъ свойствъ характера; но она же лишаетъ чувствительности, необходимой для Наукъ и Искусствъ. Теплоша, напротивъ того, расширяя тончайшую плену кожи, открываетъ оконечности нервовъ и сообщаетъ имъ чудесную раздражительность. Въ земляхъ холодныхъ наружная кожа ещѣ сильно сжата воздухомъ, что нервы, такъ сказать, лишены жизни, и рѣдко, очень рѣдко сообщаютъ слабыя ощущенія свой мозгу. Вы знаете, что ошъ безчисленнаго количества слабыхъ ощущеній зависятъ воображеніе, вкусъ, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу съ Гипербореяца, чтобы засавилъ его что нибудь почувствовать. (*)

А В В А Т Ъ В.

Что можете отвѣчать на это? Вы станете защищать соотечественни-

(*) Il faut écorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment. (?)

ковъ вашихъ, какъ Министръ, и на сильные, неопразимые силлогизмы Президента, ошвѣчаешь дипломатическими, ошклоняющими истину фразами?

К а н т е м и р ь .

Я родился въ Константинополѣ. Праотцы мои происходятъ отъ древней фамилии, некогда обладавшей престоломъ восточной Имперіи. Следственно во мнѣ играетъ еще кровь Греческая, и я непримворно люблю голубое небо и вѣчно зеленныя оливы спранъ полуденныхъ. Въ молодости я спранспвовалъ съ ошцомъ моимъ, неразлучнымъ соупшникомъ, искреннимъ другомъ Петра Великаго, и видѣлъ обширныя долины Россіи отъ Днѣпра до Кавказа, отъ Каспійскаго моря до береговъ величеспвенной Москвы. Я знаю Россію и обипашелей ея. Хижина земледѣльца и шеремъ боярина, мнѣ равно извѣсны. Руководимый насшавленіями ошца моего, просвѣщеннѣйшаго человѣка въ Европѣ, съ раннихъ лѣтъ воспитанный въ училищѣ Фило-

софіи и опытноспи, будучи обязанъ по званію моему имѣть безпреспанныя и шѣсныя сношенія съ иноспранцами всѣхъ націй, я не могъ сохранишь предразсудковъ *варварскихъ*, и привыкъ смолпрѣшь на новое опечесство мое окомъ безприспрасшнаго наблюдашеля. Въ Версали, въ кабинетѣ Короля вашего, въ присущствіи Миниспровъ, я — предспавишель великаго народа и всемогущей его Монархини: но здѣсь, въ общесшвѣ дружескомъ, съ великимъ геніемъ Европы, поспавляю обязанностію говориль опкровенно; и вы, Г. Аббашъ, скорѣе обличите Каншемира въ невѣжесшвѣ, нежели въ приспрасшнн или нечиспосердечнн. Вашъ мой опшвѣшь: вы знаеше, чшо Пешръ сдѣлалъ для Россіи; онъ создалъ людей, — нѣшь! онъ развилъ въ нихъ всѣ способноспи душевныя; онъ вылечилъ ихъ опъ болѣзни невѣжесшва; и Русскіе, подъ руководспвомъ великаго человекъка, доказали въ коропское время, чшо шаланшы *свойственны всему теловѣству*. Не прошло пашнадцати лѣшь — и великій Монархъ, наслаждался уже плодами знаній своихъ

сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя науки военного дѣла процвѣли внезапно въ Государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвѣсили Европѣ, что имѣемъ артиллерію, флотъ, инженеровъ, ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите отъ насъ въ столь короткое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ Наукахъ отвлеченныхъ, въ изясныхъ Искусствахъ, въ Краснорѣчій, въ Поэзіи? — Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ *лучшихъ* способностяхъ ума. Вы говорите, что власть климата есть первая изъ властей. Не спорю: климатъ имѣетъ вліяніе на жителей; но это вліяніе (какъ вы сами замѣтили въ бессмертной книгѣ своей), это вліяніе уменьшается или смягчается образомъ Правленія, нравами, общежитіемъ. Самый климатъ Россіи разнообразенъ. Иностранцы, говоря о нашемъ опечесствѣ, полагають вообще, что *Московія* покрыта вѣчными снѣгами, населена — дикими. Они забываютъ неизмѣримое пространство Россіи; они забываютъ,

что въ то время, когда жишель влаж-
 ныхъ береговъ Бѣлаго моря ходишь за
 куницею на быспрыхъ лыжахъ своихъ,
 — щасливый обинашель успѣевъ Волги
 собираешь пшеницу и благодатное
 просо. Самый Сѣверъ не споль ужасень
 взорамъ путешественника; ибо онъ
 даетъ все пошребное воздѣльвашелю
 полей. Плугъ есть основаніе общешва,
 истинный узелъ гражданшва, опора
 законовъ; а гдѣ, въ какой странѣ Рос-
 сии не оставяетъ онъ благодѣтельныхъ
 слѣдовъ своихъ? Съ успѣхами людскости
 и просвѣщенія, Сѣверъ безпрестанно
 измѣняется, и если смѣю сказать, при-
 распаешь къ просвѣщенной Европѣ.
 Скажите: когда Тацитъ описывалъ
 Германцевъ, думалъ ли тогда Та-
 цитъ, что въ дикихъ лѣсахъ ея возник-
 нуть города великолѣпные, что въ
 древней Панноніи и Норикѣ рождаются
 свѣпильники ума человеческого? Нѣтъ
 конечно! Но Пешръ Великій, заключивъ
 судьбу полуміра въ рукъ своей, ушѣ-
 шалъ себя великою мыслію, что на
 берегахъ Невы, древо наукъ будешь
 процвѣшашъ подъ тѣнію его державы,

и рано или поздно, но дастъ новыя плоды, и человѣчество обогатится ими. Вы, Г. Моншескъ!, наблюдаете безпрестанно мѣръ политическій: на развалинахъ пропавшихъ вѣковъ, на прахъ гордаго Рима и прелестной Греціи вы постигли причины наслоившихся явленій, научились пророчествовать о будущемъ. Вы знаете, что съ успѣхами просвѣщенія измѣняющіяся явнымъ и непремѣннымъ образомъ всѣ формы правленія: вы замѣтили сіи измѣненія въ землѣ Русской. Время все разрушаетъ и создаетъ, портитъ и усовершенствуетъ. Можете быть чрезъ два или три столѣтія, можете быть и ранѣе, благія небеса даруютъ намъ генія, котораго постигнете въполнѣ великую мысль Пепра — и обширнѣйшая земля въ мѣрѣ, по творческому гласу его, учинится хранилищемъ законовъ, свободы на нихъ основанной, правовъ, дающихъ постоянно законамъ, однимъ словомъ — хранилищемъ просвѣщенія. Десныя надежды! вы сбудетесь конечно. Благодушель семейства моего, — благодушель Россіи,

почиваешь во гробъ; но духъ его, сей дѣяшелейный, сей великій духъ — не покидаешь спраны, ему любезной: онъ всюду присущивуешь, все оживляешь, всему даешь душу, и новую жизнь и новую силу: онъ, кажешся мнѣ, безпре-спанно вѣщаешь Россіи: иди впередъ! не оспанавливайся на поприщѣ, мною ошверзпомъ, и достигнешь великой цѣли, мною назначенной!

Монтеस्कье.

Но Искусства? Могутъ ли они процвѣшашь въ шуманахъ Невскихъ, или подъ суровымъ небомъ Московскимъ?

Аббатъ В.

Искусства... Ахъ! имъ-шо нуженъ прозрачный воздухъ и яркое солнце Рима. древней Эллады, или умѣренный климашь нашей Франціи.

Кантемиръ.

Полуденныя спраны были родиною Искусствъ; но сіи прелесныя дѣши воображенія были часно вышѣсяемы

изъ родины своей варварствомъ, суевѣрїемъ, желѣзомъ завоеващелей, и какъ быспрыя волны разлились по лицу земному. Музыка, Живопись и Скульпшура любящъ свое древнее опечесство, а еще болѣе многолюдные города, роскошь, нравы изнѣженные. Но Поэзія свойственна всему человѣчеству: шамъ, гдѣ человѣкъ дышетъ воздухомъ, питаешся плодами земли, — шамъ, гдѣ онъ сущесствуетъ — шамъ же онъ наслаждаешся и чувсствуетъ добро или зло, любитъ и ненавидитъ, укоряетъ и ласкаетъ, веселился и спрадаешъ. Сердце человѣческое естъ лучшей испочникъ Поэзіи . . .

АББАТЬ В.

Такъ! но оно, признайтесь, не споль чувсствительна на Сѣверѣ.

МОНТЕСКЬЕ.

Я видѣлъ оперу въ Англии и въ Испалии. Опъ музыки, кошорую Англичане слушающъ спокойно, Испалиянцы бывающъ внѣ себя, и прыгающъ какъ Швеія на пророческомъ шреножникѣ.

КАНТЕМИРЪ.

Что доказываешь эпито? что чувствительность народов южных раздражительнее, общительнее: но едва ли столь глубока, столь сильна, как чувствительность народов северных. В бытность мою в Лондонъ, ученый Шотландецъ Н. Н. показывалъ мнѣ пѣсни своихъ горныхъ соопечесшвенниковъ: онѣ напоминаютъ древняго Омера, и силою мыслей, глубиною чувствъ превосходятъ многія произведенія Музы Италианской.

АББАТЪ В.

Невѣрояшно!

КАНТЕМИРЪ.

Мы, Русскіе, имѣемъ народныя пѣсни: въ нихъ дышитъ пѣжнность, краснорѣчіе сердца; въ нихъ видна сія задумчивость, тихая и глубокая, которая даетъ неизьяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ северной Музы.

АББАТЪ В.

Чудесно! по чести невѣроящно!

КАНТЕМИРЪ.

... Скажите, если грубыя дѣши Сѣвера умѣюшь чувствованъ и изъяснянся споль живо и пріятно, по чего нельзя ожиданъ намъ отъ людей образованныхъ?

АББАТЪ В.

Но... почтенный защитникъ Сѣвера... вы знаете, что народныя пѣсни... лепешаніе младенцевъ!

КАНТЕМИРЪ.

Младенцевъ, которые со временемъ возмужаюшь. Какъ знашь? можешъ бышь на дикихъ берегахъ Камы или величественной Волги — возникнушь великіе умы, рѣдкіе таланты. Что скажешъ, Г. Президентъ, что скажешъ, услыша, что при льдахъ Сѣвернаго моря, между полудикихъ родился ве-

дикій Геній? Чшо онъ прошелъ исполнскими шагами все поле наукъ; какъ Философъ, какъ Орапоръ и Поэшь преобразовалъ языкъ свой и оставилъ по себѣ вѣчные памяшники? Эшо одно предположеніе, но дѣло возможное. Чшо скажете, если . . .

АББАТЬ.

Но къ чему сіи гипотезы? Легче повѣрю, чшо Русскіе взяли приступомъ Парижъ, и уничтожили всѣ крѣпости, Вобаномъ построенныя!!! *Влротель, для тудесъ нѣтъ законовъ*, говорилъ мнѣ Фоншенель съ значительною усмѣшкою, прочишавъ въ первый разъ свое глубокомысленное разсужденіе объ Оракулахъ. Всѣ надежды ваши можешъ бышь и сбудушся, или, вы найдеше ихъ въ царствѣ Луны, съ ушраченными надеждами Астольфа. Но, просшите моему чиспосердечію . . . признаюсь, я до сихъ поръ смошрю на васъ съ удивленіемъ, и не могу постигнушь, какъ можно въ Парижъ, на землѣ Расина и Корнеля — пишашъ Русскіе стихи?

КАНТЕМИРЪ.

Это напоминаешь: какъ можно бытъ
Персіяниномъ?

МОНТЕСКЬЕ.

Вы хотѣли поразить насъ собственнымъ нашимъ оружіемъ. Но позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Вы подражаете Горацию и Ювеналу: слѣдственно пишете Сапиры, — Сапиры на нравы . . . копорые еще не установились. Гораций и Ювеналь осмѣивали пороки народа развращающаго, но достигшаго высокой степени просвѣщенія; остроумный и всегда разсудительный Буало писалъ при дворѣ Великаго Короля, въ самую блестящую эпоху Монархіи Французской. Теперь общество въ Россіи должно представлять ужасный хаосъ: грубое сліяніе всего порочнаго, смѣшеніе законныхъ предразсудковъ, невѣжества, древняго варварства, Ташарскихъ обычаевъ, съ нѣкопорымъ блескомъ роскоши Азіятской, съ нѣкопорыми искрами просвѣщенія Европейскаго! Какая штука пища для Поэпа сапирическаго? Мо-

гущь ли проникнушь тонкія стрѣлы Эпиграммы сквозь тройную броню невѣжества, и уязвишь сердце окаменѣлое отъ пороковъ, закаленное въ невѣжество? И что значаніе сіи стрѣлы въ землѣ, гдѣ женщины, хранительницы нравовъ, едва начинаютъ освобождаться изъ цодъ ига мужей своихъ; въ землѣ, гдѣ общественное мнѣніе еще шатается, еще не успановилось и не можетъ наказывать своимъ приговоромъ того, что не подлежитъ суду законовъ? Однимъ словомъ: какъ можно смѣяться говоришь истину власшелинамъ или рабамъ? Первымъ — опасно; другимъ — бесполезно.

КАНТЕМИРЪ.

Пользуясь покровительствомъ Монарховъ и вельможъ, занимающихъ первыя сшесени въ Государствѣ, я безъ страха говорилъ истину, и мои Сатиры принесли нѣкоторую пользу. Пётръ Великій, преобразуя Россію, спарался преобразовать и нравы: новое поприще открылось наблюдателю чело-

вѣчества и спрасшей его. Мы увидѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣшеніе старины и новизны, двѣ снпхїи въ непрерывной борьбѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя плашья, новый родъ жизни, новый языкъ, не могли еще измѣнить древнихъ людей, изгладить древній характеръ. Иные бояра, надѣвая парикъ и новое плашье, оставались съ прежними предразсудками, съ древнимъ упрямствомъ, и имъ казались еще стариннѣе: другіе, оплоча бороду и длинный кафшанъ праопеческій, съ плашьемъ Европейскимъ надѣвали всѣ пороки, всѣ слабости вашихъ соопечесственниковъ, но вашей любезности и людскости заняшь не умѣли. Чашья перемѣны при дворѣ возводили на высокія степенн государспвенныя людей низкихъ и недоспойныхъ: они являлись и — исчезали. Временщикъ смѣнялъ временщика, шолпа льсшцовъ другую шолпу. Гордоснь и низоснь, суевѣріе и кощунство, лицемѣріе и явный разврашь, скупоснь и распочшпельноснь немовѣрная: однимъ словомъ, спрасши, по всему прощивупо-

долженныя сливались чудеснымъ образомъ, и представляли новое зрѣлище равнодушному наблюдателю и Философу, который только ощупью, и съ Горациемъ въ рукахъ, могъ опыскашь щастливую средину вещей. Я спарался изловишь нѣкошорыя черпты сихъ временъ; скажу болѣе: я спарался явишь порокъ во всей нагошѣ его, и намѣкнушь соошечественникамъ испинный путь честности, благихъ нравовъ и добродѣтели. Ученый Теофанъ, Архимандритъ Кроликъ, оба доспойные пасыря; Никиша Трубецкій и другіе вельможи одобрили мои слабые опышы, мое перо неискусное, но смѣлое, числосердечное. Я первый осмѣлился писашь шакъ, какъ говоряшь: я первый изгналъ изъ языка нашего грубыя слова Славянскія, чужеспранныя, несвойшвенныя языку Русскому, — и опкрылъ новую дорогу для грядущихъ шаланшовъ. Саширы мои будущъ имѣшь нѣкошорую цѣну для попомковъ нашихъ, подобно древнимъ каршинамъ первыхъ живописцевъ, предшешвенниковъ Рафаеля: въ нихъ они найдуть изображение

вѣрное нравовъ и языка Русскаго, въ славномъ періодѣ для Россіи: ошъ время Пешра, до царствованія щасливой, обожаемой нами Елисаветы; — и имя мое (проспите мнѣ Авшорское самолюбіе) будешъ уважаемо въ Россіи болѣе пошому, чшо я первый осмѣлился говорить языкомъ Музы и Философіи, нежели пошому, чшо занималъ важное мѣсто при дворѣ вашемъ.

АББАТЬ В.

Прекрасно! Вы говорите, какъ истинный Философъ.

МОНТЕСКЬЕ.

Мы желали бы видѣть ваши Саширы на Французскомъ языкѣ. Ошъ чашпи я согласенъ съ вами: каршина нравовъ народа почти новаго всегда любопытна. Но. . . вошъ и Аббашъ Гуаско, вашъ пріятель. . .

Вы очень къ спашпи навѣспили насъ! сказала Каншемиръ обнимая Аббаша. Вы перевели мои Саширы на Француз-

ской языкъ: прочитайте что нибудь въ угожденіе Г. Президенту; а у васъ, Господа, прошу шerpънiя и снисхожденiя...

Чтеніе и разговоръ продолжались долго даже за полночь. Наконецъ Моншескѣ и Аббашъ В. опклянулись Миниспру и разошлись... довольны ли имъ? не знаю.

Знаю только, что Каншемръ, шевеля гаснувшіе уголья въ каминѣ, сказалъ Аббашу Гуаско: признайся, любезный другъ, Моншескѣ умный человекъ, великій Писатель... но...

Но говоришь о Россіи, какъ невѣжда, прибавилъ Аббашъ Гуаско. — Скромный Каншемръ улыбнулся, пожелалъ доброй ночи Аббашу, и они разошлись.

V.

ПИСЬМО КЪ И. М. М. А.

О СОЧИНЕНІЯХЪ Г. МУРАВЬЕВА.

Перечисывая снова рукописи и сочиненія М. Н. Муравьева, (изданныя по его кончинѣ, Москва, 1810) я осмѣлился сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Двѣ причины были моимъ побужденіемъ. Вамъ будетъ пріятно, М. Г., бесѣдовать со мною о незабвенномъ мужѣ, кошораго упраша была шоль горестна для сердца вашего. Все шѣснѣе и шѣснѣе связывало васъ съ покойнымъ вашимъ родшвенникомъ. Самая дружба пипалась, возвеличивалась взаимною любовію къ Музамъ, единшвеннымъ ушѣшипельницамъ сей бурной жизни. Она украсила дни цвѣтущей молодости вашей, и позднимъ лѣтамъ приготошила сладоснныя воспоминанія. Конечно каж-

дый сонихъ, каждое слово Виргилія напоминаетъ вамъ о незабвенномъ другѣ вашемъ; ибо съ нимъ вы читали древнихъ, съ нимъ наслаждались прекрасными вымыслами чувствительнаго Поэта Маншуи, глубокимъ смысломъ и гармоніей Горація, величественными картинами Тасса, Мильтона и неизъяснимою прелестію сценаній Пещарка; однимъ словомъ, всѣми сокровищами древней и новѣйшей Словесности.

Вспорую причину, побудившую меня говорить о сочиненіяхъ Г. Муравьева, могу смѣло опрестъ на щепъ пользы общественной. Въ 1810 году Г. Карамзинъ взялъ на себя пріятный трудъ бытъ издавателемъ оныхъ, не смотря на важныя свои занятія по части Испоріи; ибо онъ любилъ въ покойномъ Авторѣ не одно искусство писать, соединенное съ обширною ученостію, но душу, прекрасную его душу. Говоря о Писателѣ въ краткомъ предисловіи, онъ заключаетъ слѣдующими словами: „Спросишь его къ ученію равнялась въ

немъ только со спрасилію къ добродѣтели.“ Прекрасныя слова, и совершенно справедливыя! Кто зналъ сего мужа въ гражданской и семейственной его жизни, шопъ могъ легко угадывать самыя шайныя помышленія его души. Онъ клонились къ пользѣ общеспвенной, къ любви изящнаго во всѣхъ родахъ, и особенно къ успѣхамъ опечеспвенной Словесности. Онъ любилъ Опечеспво и славу его, какъ Цицеронъ любилъ Римъ; онъ любилъ добродѣпель, какъ пламенный ея любовникъ, и всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, оспался вѣренъ своей благородной спрасши.

Послѣ долгаго опспуспствія возвращаясь въ опспизну, и съ новымъ удовольспвіемъ принимааясь за Русскія книги, я искалъ во всѣхъ журналахъ выгоднаго или спрогоа приговора сочиненіямъ Г. Муравьева. Чепыре года прошло со времени ихъ изданія въ свѣшъ, и ни-кто, ни одинъ изъ журналисповъ не упоминаешъ объ нихъ (*). Чему при-

(*) Въ прошломъ 1813 году Г. Гнѣдичъ упоминалъ о сочиненіяхъ Г. Муравьева, говоря о

писатъ сіе молчаніе? Лѣни Гг. Редакто-
ровъ и холодноспи чинапателей къ кни-
тамъ полезнымъ, копорыхъ появленіе
сполъ рѣдко на горизонтѣ нашей Сло-
весности. Нѣкопорые изъ Гг. журнали-
сповъ нашихъ поспавляютъ себѣ дол-
гомъ говоритъ полько о помѣ, что
подѣиспововало на чернѣ нашей публики.
Они захвалитъ по одному предубѣж-
денію юный, возникающій шамантъ,
или въ одномъ словѣ напишутъ ему
спрашный и несправедливый приго-
воръ. Ихъ лѣность собираетъ плоды съ
одного невѣжества. Къ несчастію, они
во многомъ похожи на нашихъ актѣ-
ровъ, копорые, играя для паршера,
забываютъ, что въ ложахъ присуш-
ствуютъ спрое судьи искусства.

Я пропушу другую причину хладно-
кровія и малаго любопытства нашей

лучшихъ нашихъ прозаическихъ Писателей
въ *Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ
цѣльхи нашей Словесности* Мы съ удоволь-
ствіемъ услышали, что Е. П. Г. Попечитель
С. П. бургскаго Учебнаго Округа предписалъ
чтеніе сочиненій Г. Муравьева, въ учили-
щахъ сего округа.

публики къ опечеспвленнымъ книгамъ. Опъ происходяшь опъ исключительной любви къ Французской Словесности — и эша любовь неизлѣчима. Она выдержала всѣ возможныя испытанія и времени и политическихъ обшоятельствъ. Все было сказано на сей щепъ; всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Талиц и людей

(*) Бурный и славный 1812 годъ миновался, и любовь къ Ошечеспву, спраспъ благородная, не ослѣпляетъ насъ на щепъ Французской Словесности. Просвѣщенный Россіянинъ будещъ всегда уважашъ писателей Лудовикова вѣка: не Сѣверъ естъ родина Омаровъ. Наши воины, спасители Европы опъ новаго Ашшилы, потушили пламеникъ брани въ Ошечеспвѣ Расина и Мольера, и на другой день по вступленіи въ Парижъ, къ общему удивленію его жшелей, рукоплескали величественнымъ стихамъ Французской Мельномены на собшвенномъ ея шеашрѣ. *Но исключительная страсть къ какой либо Словесности можетъ быть вредна цсрѣхамъ просвѣщенія.* Истина неоспоримая, которую Г. Уваровъ, въ письмѣ къ Г. Капписпу, изложилъ сшоль блестящимъ образомъ., Безъ основательныхъ познаній и долговременныхъ шрудовъ въ древней Словесности, говоришь почтенный защипникъ Омера и экзаментровъ, ни какая

просвѣщенныхъ. . . . оспались безъ пользы, безъ вниманія (*). Но я твердо увѣренъ, что есть благоразумные чинатели, которые, желая находить въ членіи пріятность, соединенную съ пользою, и будучи недовольны нашею Липеранурою, споль бѣдною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, часно съ гореснію прибѣгають къ иностранной. Такого рода люди — ихъ число ограничено — радуются появленію хорошей книги и перечисываютъ ее съ удовольствіемъ. Для нихъ я спѣшу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на сочиненія Г. Муравьева вообще, и напоянушь имъ о собспвенномъ ихъ богатствѣ,

Собраніе сихъ сочиненій (изданныхъ въ Москвѣ 1810) соспавлено изъ опдѣльныхъ піесъ, которые, какъ говорись Г. Карамзинъ, были написаны

новѣйшая существовать не можеть; безъ шѣснаго знакомства съ другими новѣйшими, мы не въ состояніи обняшь все поле человеческого ума. обширное и блистательное поле, на кошоромъ всѣ предубѣжденія должны бы умирашь и всѣ ненависти гаснуть.,,

Авторомъ для чтенія Великихъ Князей. Онъ имѣлъ щастіе преподавать Имъ наставленія въ Россійскомъ языкѣ, въ Нравственности и Словесности (*).

Желая начертать въ юной памяти историческія лица знаменитыхъ мужей, а особливо Великихъ Князей и Царей Русскихъ, Авторъ, подобно Фоншенелю, заставляя ихъ разговаривать ихъ шѣни въ царствѣ мертвыхъ. Но Французскій Писатель гонялся единственно за остроуміемъ: дѣйствующія лица въ его разговорахъ разрѣшаютъ какую нибудь истину блестящими словами; онъ, кажется намъ, любующая сами шѣмъ, что сказали. Подъ перомъ Фоншенеля не рѣдко древніе Герои преобразаются въ придворныхъ Лудовикова времени, и напоминаютъ намъ живо учивыхъ насмучовъ того же Автора, которыми не достаетъ парика, манжетъ и красныхъ каблучковъ, чтобы шаркать въ королевской перед-

(*). Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу. —

ней, какъ замѣчаетъ Вольперъ — не помню въ какомъ мѣсѣ. Здѣсь совершенно шому прошивное: всякое лицо говоритъ приличнымъ ему языкомъ, и Авпоръ знакомитъ насъ, какъ будто невольно, съ Рурикомъ, съ Карломъ Великимъ, съ Кантемиромъ, съ Гораціемъ и пр. Онъ, какъ Фоншенель, разрѣшаетъ въ маленькой драмѣ своей какую нибудь истину, или политическую или нравственную; но жертвуетъ ей ничтожными выгодами оспроумія, и если смѣю сказать, скрывается за дѣйствующее лицо. — Напримѣръ, желая сказать, что истинное богопочитаніе неразлучно съ челоуѣколюбіемъ, онъ заставляеть разговаривать Игоря и Ольгу, которая была жестокою по добродѣтели и дѣйствовала по ложнымъ понятіямъ воспитанія и народныхъ нравовъ. Въ другомъ разговорѣ онъ выводитъ на сцену Карла Великаго и Владиміра, имѣя въ виду слѣдующее предложеніе: „Слава добрыхъ Государей никогда не погибаетъ, и безприсрашный гласъ Испорія, оидѣля онъ нихъ нѣкошорья легкія несовершенства челоуѣче-

спва, представляешь добродѣтели ихъ для подражанія попомспву.“ И шакъ далѣе.

Сии разговоры и Письма Обишателя предмѣшя могутъ замѣнить въ рукахъ наславниковъ лучшя произведе- ния иноспранныхъ Писателей. Въ нихъ моральныя испины изложены съ такою ясношю, съ шакимъ добродушiemъ, облечены въ споль пріяшныя формы слога, чшо самая разборчивая кришика увѣнчаетъ ихъ похвалами. Насъ лучше удосповѣряшъ примѣры. Возьмемъ ихъ наудачу изъ писемъ. Сочинитель, удаленный ошъ городского шума, въ пріяшномъ сельскомъ убѣжищѣ — „на берегахъ свѣшлаго ручья, по кошорымъ разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника“ — пишешъ къ своему пріятелю о различныхъ предмешахъ, его окружающихъ; веселяшся сельскими картинами, мирнымъ шасшiemъ полей и чело- вѣкомъ, обишающимъ посреди чудесъ первобышной природы. Часшо облако задумчивосши осѣняетъ его душу; часшо углубляетъ онъ въ самага себя, и

извлекаешь истины, всегда упрѣшительныя, изъ собственнаго своего сердца. Тихая, просная, но веселая Философія, неразлучная подруга прекрасной, образованной души, исполненной любви и доброжеланія ко всему человѣчеству, съ неизяснимою прелестію дышетъ въ сихъ письмахъ. „Никакое непріятное воспоминаніе не оправляетъ моего уединенія: — (здѣсь видна вся душа Автора): чувствую сердце мое способнымъ къ добродѣтели; оно бѣжеся съ сладостною чувствительностію при единомъ помышленіи о какомъ нибудь дѣлѣ благопорядочности и великодушія. Имѣю благородную надежду, что будучи поставленъ между добродѣтели и несчастія, выберу лучше смерть, нежели злодѣйство. И кто въ свѣтѣ щасливѣе смертнаго, который справедливымъ образомъ можетъ чинить самага себя?“ — Прекрасныя, золотыя спроки! Кто, кто не желалъ бы написать ихъ въ изліяніи сердечномъ? — Пошомъ, описавъ сладостныя занятія любимаго Музы въ тихомъ кабинетѣ, нашъ Авторъ прибавляетъ: „И послѣ

шого естѣ еще люди, которые ищутъ благополучія въ разсѣяніи, въ многлюдствѣ, далеко отъ домашнихъ Боговъ своихъ! — Какое щасіе опереть слезы невинноспраждающаго, оказавъ услугу маломощному, облегчить зависимость подчиненныхъ? Но что я скажу о дружбѣ? Чувствованъ себя въ другомъ, разумѣнь другъ друга споль искренно, споль скоро, при единомъ словѣ, при единомъ взорѣ? — Кпо называешъ *дружбу*, называешъ *добродѣтель*.“ — Сіи спроки, и многія другія, напоминающъ намъ Монпаня, тамъ, гдѣ онъ, предаваясь щасливому изліянію своего сердца, говорилъ о незабвенномъ своемъ Лабоесъ (*). Тонъ иныхъ писемъ важнѣе — но нравспвенная цѣль всегда одинакова. Признаюсь вамъ, М. Г., я не могу удержаться отъ удовольспвія выписывать; при томъ эпо единспвенный и лучшій способъ пока-

(*) Si on me presse de dire, pourquoi je l'aimeis, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: parceque c'étoit lui, parceque c'étoit moi. *Монтань*.

зашь красоты сочиненія и дашь ясное понятіе объ Авшорѣ. „Тихій вечеръ оканчивалъ знойный день. Солнце, величественнѣе и медленнѣе на концѣ пуши своего, покоилось за мгновение предъ закашомъ на крайнихъ горахъ горизонта, а я прогуливался на крушомъ берегу Волги съ добродѣтельнымъ другомъ юности моей, съ крошкимъ моимъ наставникомъ. Власы главы его бѣлѣди уже ошъ хлада старости; весна жизни моей не разцвѣтала еще совершенно. Мы касались оба противоположныхъ крайностей вѣка. Но дружба его и опытность сокращали разстояніе, которое раздѣляло насъ, и часшо позабываясь, мнилъ я видѣть въ немъ старшаго и благоразумнаго шоварица. Будучи важнѣе обыкновеннаго въ шощъ вечеръ, онъ говорилъ мнѣ: Сынъ мой! — (Симъ именемъ любви я одолженъ былъ нѣжності сердца его) — Озирая холмы сін, одѣваемые небесною лазурью, поля, жашвы, и напоющія ихъ струи, не чувствуешь ли въ сердцѣ швоемъ благополучія? — Чудеса природы не довольны ли для шаспія человека? Но

одно худое дѣло, котораго сознаніе оскорбляетъ сердце, можетъ разрушить прелестъ наслажденія. Великолѣпіе и вся красота природы, вкушаетъ только невиннымъ сердцемъ. Одно щастіе — добродѣтель; одно несчастіе — порокъ. И всѣ вечера твои будутъ такъ тихи, ясны, какъ нынѣшній. Спокойная совѣсть творитъ и природу спокойною. — Слова его проникли въ душу мою, и я съ умиленіемъ повергся въ объятія снарца.“ —

Другіе опривки принадлежатъ къ вышнему роду Словесности. Между ими повѣсть Оскольдъ, въ которой Авшоръ изображаетъ походъ Сѣверныхъ народовъ на Царь-градъ, блистаетъ красотою. Здѣсь мы видимъ толпы дикихъ воиновъ, которыхъ какъ будто невидимая сила влечетъ къ роскошной столицѣ Восточной Имперіи. Мы переносимся во времена глубокой древности; въ сѣпи и дремучія лѣса полуобитаемой Россіи; по на бурныя волны Варяжскаго моря, покрытыя судами отважныхъ плавашелей; по въ непро-

ходимыя снѣжныя пустыни Біарміа, освѣщенныя холоднымъ солнцемъ; по въ роскошное Царство Михаила: — „гдѣ игры, удивительныя респалища занимающъ ежедневно праздность народа. — Щасливъ, кто видѣлъ все сіе единожды въ жизни! Сладостное воспоминаніе распространился на оспальное печеніе дней его, и облегчишь ему бремя ненавистной спарости.“ — Авшоръ, съ обыкновеннымъ искусствомъ говоришь о Труворъ и Синеусъ, сохраняя всю приличность историческую; выводишь честолюбиваго Вадима — „кошораго взоры изображаютъ сколько же упрековъ Новгородцамъ, сколько спросили воинской“ — и возбуждаешь въ памяти нашей цѣпь великихъ опечиственныхъ воспоминаній. Сила изобрѣшенія блистаетъ въ исчисленіи Оскольдовыхъ ратниковъ. Они опличены рѣдкими чертами одинъ опъ друтаго; они живутъ, дѣйствують передъ вами. „Но кто можетъ назвать имена безчисленнаго воинства? Таковы пучи пернашыхъ, наполняющихъ воздухъ крикомъ, когда, почувствовавъ приходъ

зитмы, оставляють крупныя берега Русскаго моря, не памятуя любви и прекрасныхъ дней, коими шамъ наслаждались льшомъ; удивленный путешественникъ позабываетъ дорогу свою на нихъ взирая, и унываетъ въ сердцѣ, видя себя оставляемаго свирѣпости мразовъ и бурныхъ вѣтровъ.“ — Вы видите предъ полками сонмъ вдохновенныхъ Скальдовъ, съ злыми арфами. „Неперпѣливый, добрый между ими, юный Славянинъ, кошорый на влажныхъ берегахъ моря и на краю земли безплодной почувствовалъ вдохновение Скальда, оставилъ съши и парусы, способы скуднаго пропитанія, и воспѣлъ соощичамъ неслыханныя пѣсни о браняхъ и Герояхъ.“ Эшошь юный Скальдъ напоминаетъ намъ Ломоносова. Конечно его имѣлъ въ виду нашъ Авторъ, и здѣсь, сохраняя всю приличность разсказа, представилъ намъ въ блистательномъ видѣ отца Русскаго Спихотворства, сего чудеснаго мужа, кошораго не только дарованія поэтическія, неимовѣрные успѣхи и труды въ Искусствахъ и Наукахъ, но самая жизнь,

исполненная Поэзиі — если смѣю упо-
 пребишь сіе выраженіе — заслужи-
 ваешь вниманіе позднѣйшаго попомо-
 шва (*).

Искусство, неразлучное съ глубо-
 кимъ познаніемъ Исторіи, болѣе всего
 блистаетъ въ описаніи нравовъ Сѣвер-
 ныхъ племенъ. Авторъ Скальда крап-
 кими словами умѣетъ возбудишь вни-
 маніе читателя и перенесши его на
 сцену погдашняго міра, кошорый зна-
 комъ ему, какъ Омеру древняя Трояда.
 Замѣшимъ еще, что эпоха, избранная
 имъ для поэпического повѣствованія,
 соединяетъ всѣ возможныя выгоды, и
 доказываетъ его вѣрный вкусъ и об-
 ширныя свѣденія. Дѣйствіе происходитъ
 въ Россіи во времена опдаленныя, ко-
 шорыя Поэшу столь удобно украшаютъ
 вымыслами и цвѣтами шворческаго
 воображенія. Оскольдъ, шоварищъ Рури-
 ковъ, поклоняетъ Одну, сему крова-

(*) Мы приглашаемъ прочитатъ въ Опы-
 шахъ Исторіи, Словесности и Нравоученія
 Г. Муравьева прекрасную статью о заслу-
 гахъ Ломоносова въ Наукахъ. —

вому божеству Скандинавовъ, коно-
рыхъ и жизнь и суевѣрія ознаменованы
были мрачною Поэзіею. Спущники
Оскольдовы имѣють, или могутъ имѣть
свои преданія, какъ Славяне имѣють
свою вѣру, и опъ сего рождается прі-
ятное разнообразіе, испинная принад-
лежность Эпопей! Въ нѣкоторомъ
опдаленіи мы видимъ Царь-градъ, жи-
лице роскоши и нѣги, колыбель Хри-
стіанской религіи, куда кочующіе на-
роды Сѣвера вшоргались съ мечемъ и
пламенемъ для похищенія земныхъ со-
кровищъ, и нерѣдко возвращались съ
святымъ знаменіемъ вѣры въ свои не-
постоянныя шпановища. Туда усшрем-
лены войны Оскольда и любопыт-
ство чипашеля. . . . Къ сожалѣнію, сія
повѣсть не кончена: она еспъ начало
большаго шворенія, кошрое безъ со-
мнѣнія имѣлъ въ виду нашъ Авшоръ;
но Государшвенныи заняшія опклонили
его опъ Словесности. При концѣ жизни
своей, онъ рѣдко бесѣдовалъ съ Музами,
удѣляя нѣсколько свободныхъ минушъ
начшеніе древнихъ въ подлинникъ, и

особенно Греческихъ Испориковъ, ему оны дѣшства любезныхъ.

Испорическіе опривки Г. Муравьева заслуживающъ особенное вниманіе, и мы смѣло увѣришь можемъ — опираясь на мнѣніе ученѣйшихъ мужей по эпохѣ часши — что на Русскомъ языкѣ едвали находишся что нибудь подобное *Краткому Натертанію Россійской Исторіи*, напечатанному въ первый разъ въ 1810 году, и спашьямъ, подѣ названіемъ: *Разсѣяныя герты изъ Землеописанія Россійскаго и Соединеніе удѣльныхъ Княженій въ единое Государство*. Онѣ начерпаны перомъ Ученаго, Полишика и Философа. Вошь рѣдкое явленіе въ нашей Словесности! Ибо наши писатели не всегда соединяли въ себѣ качества, пошребныя Испорикѣ: Философію и Кришику. Мы надѣемся, что ученые люди, занимающіеся опечесшвенною Испоріею, сообщашъ читающей публикѣ свои замѣчанія о сихъ безцѣнныхъ опривкахъ, а наславники включашъ ихъ въ малое число книгъ, посвященныхъ чтенію юноше-

спва. Испорія наша, Испорія народа, совершенно отличнаго отъ другихъ по гражданскому положенію, по нравамъ и обычаямъ, Испорія народа, сильнаго и воинственнаго отъ самой его колыбели, и нынѣ удивившаго немимовѣрными подвигами всю Европу, должна бытъ любимымъ нашимъ чтеніемъ отъ самаго дѣтства. „Мы ходимъ, говоримъ краснорѣчивый Авторъ Землеописанія Русскаго — мы ходимъ по землѣ, обогрѣнной кровію предковъ нашихъ, и прославленной отважными предпріятіями и подвигами Князей и Полководцевъ, копорые только для того осѣнены глубокою ноцію забвенія, что не имѣли достойныхъ провозвѣстниковъ славы своей. Да наспанешъ нѣкогда время приспращія къ опечесивеннымъ происшествіямъ, къ своимъ Государямъ, ко нравамъ и добродѣтелямъ, копорыя суть природныя произрасшнія нашего Опечесшва.“ (*)

(*) Любишели Испоріи и Словесности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ полной Испоріи Русской того Писателя, копорый показалъ

Мы должны упомянуть о Философических и нравственных произведениях нашего Автора. Здесь, больше нежели где нибудь, видна его душа и горячія впечатлѣнія его сердца. Къ нему можно примѣнить то, что Шиллеръ сказалъ о Мопсисонѣ: „Тѣсное обращеніе съ природою и съ классическими образцами напишало его духъ, очистило его вкусъ и сохранило его нравственную Грацію; пламенная и чистѣйшая любовь къ человѣчеству одушевляетъ его произведенія, и всѣ явленія природы отражаются въ душѣ его со всеми ошибками, какъ въ стихомъ зеркаль воды.“ — Здесь находимъ мы самаго Автора, вступаемъ съ нимъ въ шѣсное знакомство. Искусство человѣческое можетъ всему подражать, кромѣ движеній добраго сердца. Вошъ истинная оригиналь-

намъ истинные образцы Русской прозы, и въ шрудолубивомъ молчаніи больше десяти лѣтъ приготавливаетъ своему Отечеству новое удовольствіе, новую славу. Его швореніе будетъ имѣть непосредственное вліаніе на умы и больше всего на Словесность.

ность нашего Автора! Онъ часто, какъ будто прошивъ воли своей, обнажаетъ прекрасную душу и рѣдкую чувствительность; и болѣе всего въ отрывкѣ подъ названіемъ: *Просвѣщеніе и Роскошь*, гдѣ, описывая спранный характеръ Руссо, онъ тошовъ съ нимъ предасться сладоспной мечпашельности; — въ спашь о *Блаженствѣ*, гдѣ онъ, опредѣляя щаспіе, увлекается своимъ воображеніемъ, и ондыхается въ шипинѣ сельской, на лонѣ природы, ему всегда любезной. Вы можете читашь его во всякое время, и въ шумѣ дѣяшельной жизни, и въ шипинѣ уединенія; его слова подобны словамъ спраго друга, кошорый, въ онкровенности сердечной говоря о себѣ, напоминаетъ вамъ собствленную вашу жизнь, ваши спраспіи, печали, надежды и наслажденія. Онъ сообщаетъ вамъ шипину и ясность своей души и оставляетъ въ памяши продолжипельное воспоминаніе своей бесѣды. Однимъ словомъ, самое бремя печалей и заботъ — я занимаю его выраженіе — онпнадаетъ по его унѣшительному гласу.

Въ *Забавахъ* воображенія, говоря о шомъ Государшвенномъ человекѣ, копорый первый въ Россіи ознаменоваль дни свои покровишельствомъ ошечешвенныхъ Музь, кошораго имя должно бышь драгоцѣнно позднему попомешву: ибо перейдешъ къ нему съ именами Ломоносова и Державина, — говоря о Шуваловѣ, Сочинишель продолжаешъ: „Пріяшно воспоминашь Государшвеннаго человека, кошорый быль чувшвишпелень къ прелешямъ Письмень, Поэзи и Художешвь, и посреди сіянія знашшосши и попеченій правленія, удошшоваль взорами своими просвѣщеніе; какъ любимецъ Августовъ, или Кольбершь, даваль покровишельство Наукамъ, или призываль дарованія изъ чужихъ земель.“ — Конечно инья чершы можно примѣнишь къ нашему Авшору, кошораго памяшь споль любезна и Художникамъ и Ученымъ. — Онъ посѣщаль ихъ кабинешы, ихъ масперскія; они искали въ немъ покровишеля, и часто находили попечишельнаго друга. Имя его и до сихъ поръ почшенные Члены Московскаго Универшшеша про-

износятъ со слезами живѣйшей благодарности. Незабвенное имя для сердець благородныхъ! Оно напоминаетъ Опечесству всѣ гражданскія добродѣтели.

„Все то, что способствуетъ къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разборчивости, — прибавляетъ Сочинитель въ спашѣ о *Забавахъ воображенія*, изъ которой я выписываю сіи строки — все то, что приводитъ въ совершенство чувствованія красоты въ Искусствахъ и Письменахъ, оповодитъ насъ въ тоже самое время отъ грубыхъ излишествъ спрасшей, отъ неистовыхъ воспаленій глѣва, жестокости, корысполубія и прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотою Поэмы или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія въ несчастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безпущства или въ исканіи подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ услаждающающа возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благопшорительности.“ — Давно сказано было, что

слозь есть зеркало души, и относително къ нашему Авшору, эшо совершенно справедливо. Слозь его можно уподобишь слогу Фенелона. Таже чистота и точность выражений, стройность мыслей; таже сердечное, убѣдительное краснорѣчіе. Образованный въ училищѣ древнихъ, его слозь сохранилъ на себѣ ихъ печать неизгладимую: простоту, важность и приличіе.

Я не сдѣлаю ни одного замѣчанія на погрѣшности. Пускай другіе ищутъ ошибокъ грамматическихъ, таллицизмовъ и пр.

Мы предославимъ себѣ сладостное удовольствіе хвалить то, что достойно похвалы и самой разборчивой Крипки, которая въ Словесности нашей болѣе приноситъ пользы, указывая на красоты, нежели порицая недоспапки ядовитымъ перомъ своимъ — и часто несправедливымъ.

Вамъ извѣстно, М. Г., что я многимъ обязанъ покойному Авшору; но благодарность меня не ослѣпляетъ. Я

опираясь на еудъ людей просвѣщен-
ныхъ, знамоковъ въ нашей Словесно-
сти, ождавая должную справедливостъ
шому, чпо заслуживаетъ похвалы,
и назову себя совершенно щасплавимъ,
если могъ бышь, хошя слабымъ, но
вѣрнымъ опголоскомъ ихъ мыслей и
сужденій о шомъ человекѣ, котораго
память будетъ мнѣ драгоценна до позд-
нихъ дней жизни, и украситъ ихъ
гореспнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспо-
минаніемъ прошекшаго! —

Долгомъ поставляю упомянуть здѣсь
о стихопворныхъ его произведеніяхъ.
Многія изъ нихъ напечатаны были безъ
имени Сочинителя въ разныхъ Журна-
лахъ, и въ послѣдній разъ въ Собраніи
Русскихъ Стихопвореній, изданныхъ
Г. Жуковскимъ, который взялъ на себя
шрудъ, перѣсмотрѣвъ нѣсколько руко-
писей Авшора, пригошовивъ ихъ для
печати, особенно шо, чпо не входило
въ планъ книги, изданной въ Москвѣ
въ 1810 году. Конечно любители Сло-
весности ождають съ неперцьніемъ
шрешей части сочиненій Г. Муравьева,

копорая будешь состояшь изъ его Свнхотвореній. Желашельно, М. Г., что бы вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній на жизнь Авпора: она любопытна не только для любншель Словаесности, но и для каждаго друга добродѣтели. Испинному папріюшу пріятно узнашь нѣкопорыя общошельсва жизни гражданина, принесшаго пользу Ошечесшву непрерывными шрудами и перомъ своимъ: мы будемъ помнншь сыновъ Россіи, прославившихъ Ошечесшво на полѣ брани; Испорія вписываетъ уже имена ихъ въ свои скрижали; но должны ли мы забывашь и шѣхъ согражданъ, копорые, упошребя всю жизнь свою для пользы нашей, оплнчнлись гражданскими добродѣтелями и рѣдкими талантами? — Древнне, чувсшвншельные ко всему прекрасному, ко всему полезному, имѣли два вѣнца: одинъ для воина, другой для гражданина. Плущархъ, описывая жизнь великихъ Полководцевъ, Царей и Законодательей, пошѣспнль между нми Гезіода и Пндара. — Мы желаемъ опъ всей души, чтообъ вы исполнили надежду нашу.

Замѣчанія ваши на жизнь Г. Муравьева могутъ служить предисловіемъ къ прешней часши полнаго собранія его сочиненій.

Спихопворенія Г. Муравьева безъ сомнѣнія будутъ спояны на ряду съ лучшими его произведеніями въ прозѣ. Въ нихъ шже достоинство: Философія, кошорой испочникъ чувствительное и доброе сердце; выборъ мыслей, образованныхъ прилѣжнымъ чтеніемъ древнихъ; спройность и чистота слога. — Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ Посланія къ покойному И. П. Тургеневу, достойному пріятелю Авшора, кошораго онъ любилъ и уважалъ ошъ самой юности. Наклонности и спрасши друзей были одинаковы: добродѣтель и пламенная любовь къ Музамъ. Онѣ запечашляли ихъ священный союзъ, кошорый могла разрушить единая смерть. Посмотримъ, какъ Авшоръ, описывая въ своемъ Посланіи дѣятельнаго мудреца, добраго ошца семейства, истиннаго патриота, любителя порядка и счастья ближнихъ, описываетъ себя и друга своего. —

Любовью истины, любовью красоты
 Исполненъ духъ его, украшены мечты.
 Искусства! васъ къ себѣ онъ въ помощь при-
 зываетъ ;

Отъ зависти себя онъ въ вашу стѣнь скрываетъ ;
 Безъ гордосипи великъ, и важенъ безъ чиновъ,
 На пользу общую всегда, вездѣ готовъ ;
 Онъ свяшо чинишь родства священные союзы ;
 И чшобъ свободнымъ бышь, приѣмлетъ легки
 узы ;

Внимательный супругъ и щасливый отецъ,
 Онъ власью облеченъ по выбору сердець ; —
 Щасливъ, кто можеть бышь семейства
 благодѣтель !

Чшо нужды, домъ шому иль цѣлый мѣръ
 свидѣтель !

Таковъ Эмилиѣ былъ, равно достоинъ хвалъ,
 Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при
 Каннахъ палъ.

Прекрасное начертаніе добродѣтель-
 наго и дѣятельнаго мудреца ! Прекрас-
 ный и щасливый примѣръ ! — Далѣе
 продолжаемъ Поэшь :

Служишь Отечеству верховный душъ обѣщъ.
 Нашъ долгъ — шуда спѣшишь, куда оно зовешъ.
 Но если въ множествѣ ревнишелей ко славѣ,
 Мнѣ должно уступишь ; уже ли буду въ правѣ
 Пренебреженною заслугой досаждашь ?
 Мнѣ шолько чшо — служишь ; опчизнѣ — на-
 граждашь.

Изъ прехъ сошь праздныхъ мѣстъ Спартанскаго Совѣша

Народъ ни на одно не избралъ Педареша.
Хвала богамъ, сказали, народа не вина:
Есть присаа чловѣкъ достойнѣ меня.

Здѣсь каждая мысль можешь служишь правиломъ чеспному гражданину. И какаѣ ушѣшипельная мудросшь! Какое сладоспное изліяніе чиспной и праведной души! Скажемъ болѣе съ однимъ изъ лучшихъ нашихъ Писапелей: Щаспливъ шопъ, кшо могъ жишь, какъ писаль, и писашъ, какъ жилъ!

Полезнымъ можно бышь не бывши знаменишымъ;

Срѣшающъ щаспие и по шропинкамъ скрышымъ.

Сей старецъ, коего Виргилій воспѣваль,
Чшо близъ Таренпа макъ и розы поливаль,
И въ поздню ночь подъ кровъ склоняся до-
машній,

Столы ошагощаль некупленными брашны;
Онъ щаспье въ хижинѣ конечно находилъ,
И пышныхъ богачей душой превосходилъ!

Топъ испинно свободень, куда бы онъ ни былъ брошенъ фортуною, куда бы онъ ни былъ поспавленъ людьми:

управлять ими или повиноваться, сѣять
въ вѣнцѣ или скрывать себя въ пу-
сшынѣ; шопть истинно щасливъ, гово-
ришь нашъ Поэнтъ въ слѣдъ за Гораціемъ:

Кшо щастья въ крайносняхъ всегда съ со-
бою слодень;

Въ сѣяніи не гордъ, въ упадкѣ не уныль,
Въ самомъ себѣ свое величіе сокрыль.

Владыка чувствъ своихъ, иль бури усми-
ряешь,

И скуку жипія ученьемъ услаждаешь.

Въ другомъ Посланіи, въ копоромъ
Авторъ болѣе предаеися игрѣ своего
воображенія, мы находимъ блестящее
изображеніе Вольшера,

Сего чудеснаго, шолѣшняго шалбера,
По превосходству мудреца,

Который говорилъ прекрасными стихами,
Къ копорому стихи въ уша входили сами....

Въ его привѣшсвіяхъ невидѣнь шрудъ пѣвца—
Учивость шонкаго Маркиза!

Замѣшьше, чшо Маркизь не могъ воспѣть бы
Гиза,

Не могъ бы начерпашъ шесшидесяши лѣпъ
Въ Китаѣ спрашнаго Чингиза;

Пошомъ унизишь свой прагическій полешъ.
Въ Маркизѣ де Вильешъ,

И во власахъ сѣдыхъ бречашъ еще на лирѣ
Младья шалосши, иль расшворяшь въ саширѣ

Свой лицемерный слогъ ;

Иль философствовать съ величествомъ о мірѣ,
О Міроздашелѣ: — Вольшеръ все это могъ!
И славу старость вель онъ съ завистью у ногъ
Превыше хвалъ и порицаній.

Въ Парижѣ сколько восклицаній,
Когда явился онъ къ приняшю вѣнца!
Великіе умы, красавицы, вельможи,
Придворныхъ легкой рой изъ Королевской ложи,
Плескали долго въ честь безсмертнаго шворца!
За ними вся толпа плескала безъ конца! —

Такой-то нравишься намъ въ обществѣ шворецъ,
Кошорый изжилъ бы во свѣстѣ лѣша юны,
И сдѣлался мудрецъ
Волненьями форшуну,
Ошкрывшими ему излучины сердцецъ.

Къ несчастію, говоришь Поэтъ,
спрудно бышь свѣтскимъ человекомъ
и Писателемъ. Одно вредишь другому:

Условья общества для мыслящаго — цѣпи!
А шощъ, кто въ обществѣ свой выдержалъ
искусъ,

Зѣваешь въ обхожденіи Музъ.
Въ наукѣ нравишься учу я основанья;
Но старый ученикъ, не знаю ни аза,
И не задремлешь со мной доза,
Котарой общество чинишь увѣщеванья.
Межь шѣмъ замедлѣны успѣхи дарованья,

Что льстился въ юности имѣть.
 Замедлѣны? .. Я выражаюсь мало! —
 Ихъ уничтожено въ душѣ моей начало;
 Предесшна лѣнь поставила мнѣ сѣть,
 Изъ коеи я не выду.

Не бывъ Ринальдомъ, я нашель свою Армиду —
 И въ лѣни сладостной забыль искушво пѣть.
 Поэтомъ шрудно бышь, а легче офицеромъ —
 Съ Дорашомъ я успѣль сравнишь въ шомъ,
 Что онъ, какъ я былъ мушкешеромъ.

Часто въ стихахъ нашего Поэта видна сладкая задумчивость, испинный признакъ чувствительной и нѣжной души; часто, подобно Тибуллу и Горацию, сожалѣешь онъ объ упраниѣ юности, объ упраниѣ пламенныхъ восшорговъ любви и безпредѣльныхъ желаній юнаго сердца, исполненнаго жизни и силы. Въ стихошвореніи подъ названіемъ *Муза*, обращаясь къ шайной подругѣ души своей, онъ дѣлаеть ей нѣжные упреки:

Ты ушро дней моихъ прилѣжно посѣщала:
 Почшожь печальная распространилась мгла,
 И ясный поддень мой покрыла черной тѣнью?
 Иль лавровъ по слѣдамъ швоимъ не собираю,
 И въ пѣсняхъ не преиду къ другому поколѣнью,
 Или я весь умру?

Нѣтъ, мы надѣмся, что сердце чело-
вѣческое | безсмертно. Всѣ пламенные
опшечашки его, въ шаспливыхъ спи-
хахъ Поэша, побѣждаютъ и самое время.
Музы сохраняють въ своей памяти
лѣсни своего любимца, и имя его перей-
дешъ къ 'другому поколѣнію съ име-
нами, съ священными именами мужей
добродѣтельныхъ. Музы, взирая на
преждевременную его могилу, воскли-
цають съ Поэтомъ Маншумъ . . .

Manibus date lilia plenis:

Purpureos spargam flores! —

С. Петербургъ, 1814 года.

VI.

ПРОГУЛКА ВЪ АКАДЕМІЮ ХУДОЖЕСТВЪ.

ПИСЬМО СТАРАГО МОСКОВСКАГО ЖИТЕЛЯ
КЪ ПРІЯТЕЛЮ, ВЪ ДЕРЕВНЮ ЕГО Н.

Ты пребуешь ошь меня, мой старый другъ, продолженія моихъ прогулокъ по Пешербургу. Повинуюсь шебъ.

На эшонъ разъ я буду говорить объ Академіи Художествъ, копорая, послъ двадцатишляшняго нашего ошсущствія изъ Пешербурга, сполько перемънилась. . . „Говори, говори объ Академіи Художествъ!“ шакъ воскликнешь шы, начиная чпеніе моего болшливаго письма. — Мы издавна любили Живопись и Скульпшуру, и въ швоемъ маленькомъ домикъ на Пръснъ (копорого шеперь и сашдовъ не ошалось!) мы часшо заводили жаркіе споры о

головѣ Аполлона Бельведерскаго, о ми-
 зинцѣ Гебы славнаго Кановы, о конѣ
 Пепра Великаго, о кисши Рафаеля,
 Кореджіо, даже самаго Сальватора Розы,
 Мурилло, Койнеля и пр. Такъ — я во
 многомъ съ шобой соглашался, а ны
 ни въ чемъ со мною, а еще менѣе съ
 добрымъ живописцемъ Ализовымъ, съ
 шоварищемъ славнаго Лосенкова, ко-
 шорый часто смѣшилъ и сердилъ насъ
 своимъ упрямымъ и добродушіемъ.
 Мы спорили; время лезло въ прищ-
 ныхъ разговорахъ. Шаспливое, невоз-
 вращное время! Пожаръ Москвы погло-
 шилъ и домикъ швой со всеми дур-
 ными карпинами и эшампами, кошо-
 рые ны покуналь за безцѣнокъ у шорга-
 шей на аукціонахъ, а въ Нѣмецкой
 слободѣ у опешавныхъ шряпчихъ;
 онъ поглотилъ маленькую Венеру, въ
 кошорой ны находилъ нѣчто боже-
 спвенное, и бюснь Вольшеровъ съ
 опбишнымъ носомъ, и маленькаго Амура
 съ факеломъ, и бронзоваго Фавна, кошо-
 раго Ализовъ опрыль... будшо бы на
 развалинахъ какой-шо бани близъ Неа-
 поля, и кошорымъ онъ приводилъ въ

восхищеніе и себя и меня и всѣхъ знашковыхъ нашего кваршала. Пожаръ, немилосердый пожаръ поглотилъ даже акаціеву бесѣдку, съ красивыми скамейками, съ дубовымъ споломъ, на кошоромъ мы, разливая чай, любовались прелесшными видами: Москвой рѣкою, кошорая извивается по лугу вокругъ спѣнь и высокихъ башень Двничьяго Монаштыря, Васильевскимъ, Воробьевыми горами съ шѣнисшыми рощами — и закашомъ вечерняго солнца. Пожаръ поглотилъ наше убѣжище. Но въ памяти моей оспалось воспоминаніе швоей любви къ Изящнымъ Художеспвамъ, и охоты спорить, кошорая конечно укротилась ошъ времени, а болѣе всего ошъ подлишческихъ обспояшельспвъ. — И шакъ, говори объ Академіи Художеспвъ, о произведеніяхъ нашихъ аршисшовъ: я буду слушашъ съ удовольспвіемъ. Всякая новостъ изъ сполиты пріятна пушыннику, кошорый и на спаросши лѣшъ еще пламенно любитъ Олпечеспво, успѣхи и славу согражданъ.“
 Вошъ, что ты скажешъ, развернувъ

мое письмо. — Я начну мой рассказ сначала, какъ начинаешь обыкновенно болтливая старость. Слушай.

Вчерашній день по утру, сидя у окна моего съ Винкельманомъ въ рукъ, я предался сладоспному мечпанію, въ кошоромъ шебъ не могу дасть совершенно опчета; книга и чипанное мною было совершенно забышо. Помню шолько, что взглянувъ на Неву, покрышую судами, взглянувъ на великолѣпную набережную, на кошорую благодаря привычкѣ, жишели Петербургскіе шопряпъ холоднымъ окомъ, — любуясь безчисленнымъ народомъ, кошорый волновался подь моими окнами, симъ чудеснымъ смѣшеніемъ всѣхъ націй, въ кошоромъ я опличалъ Англичанъ и Азіатцовъ, Французовъ и Калмыковъ, Русскихъ и Финовъ, я сдѣлалъ себѣ слѣдующій вопросъ: что было на эшомъ мѣсцѣ до построенія Петербурга? Можешь бышь сосновая роща, сырой, дремучій боръ или шопкое болошо, поросшее мхомъ и брусникою; — ближе къ берегу — лачуга рыбака, кругомъ ко-

порой развѣшены были мережи, невода, и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можешь бышь, съ шрудомъ пробирался охотникъ, какойнибудь дашновласый Финь. . . .

За ланью быстрой и рогашой,
Прицѣлясь къ ней спрѣлой пернашой.

Здѣсь все было безмолвно. Рѣдко человѣческой голосъ пробуждалъ молчаніе пущыни дикой, мрачной; а нынѣ? . . Я взглянулъ невольно на Троицкій мостъ, пошѣмъ на хижину Великаго Монарха, къ кошорой по справедливости можно примѣнишь извѣстный стихъ:

Souvent un faible gland recéle un chène immense!

И воображеніе мое представило мнѣ Цепра, кошорый въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные! — Изъ крѣпости Нюсканць еще гремѣли Шведскія пушки; устье Невы еще было покрыто лепрѣяшелемъ, и часные ружейные выстрѣлы раздавались по болошнымъ берегамъ, когда великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. Здѣсь будешь

городъ, сказалъ онъ, чудо свѣша. Сюда призову всѣ Художества, всѣ Искусства. Здѣсь Художества, Искусства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую природу. Сказалъ — и Пешербургъ возникъ изъ дикаго болоша.

Съ какимъ удовольствіемъ я воображалъ себѣ Монарха, обзрѣвающаго начальныя работы: здѣсь валъ крѣпости, шамъ магазины, фабрики, Адмиралтейство. Въ ожиданіи обѣдни въ праздничный день, или въ день шоржества побѣды, Государь часно сиживалъ на новомъ валѣ съ планомъ города въ рукахъ, прошивъ крѣпостныхъ воровъ, украшенныхъ изваяніемъ Апостола Петра, изъ грубаго дерева. Именемъ Святаго долженъ былъ назваться городъ, и на жесшяной доскѣ, прибишой подь его изваяніемъ, изображался славный въ лѣтописяхъ міра 1703 годъ Римскими цифрами. На ближнемъ башніонѣ развѣвался желшый флагъ съ большимъ чернымъ орломъ, копорый заключалъ въ когшяхъ своихъ чешыре моря, подвласшныя Россіи. Здѣсь пол-

пились вокругъ Монарха иноспранные корабельщики, машпрозы, Художники, Ученые, Полководцы, Воины; межъ ними, проспый рожденіемъ, великій умомъ, любимецъ Царскій Меншиковъ, великодушный Долгорукій, храбрый и дьяшельный Шеремешевъ и вся фаланга героевъ, копорые создали съ Пешпромъ величіе Русскаго царства. . . .

Такимъ образомъ, погруженный въ мое мечпаніе, я не примѣшилъ, что двери комнашы опворились и сынъ моего спараго пріяшеля Н., молодой, весьма искусной Художникъ, привѣщспвовалъ меня съ добрымъ успромъ. Я пришелъ нарочно за вами, сказалъ онъ: сегодня Академія Художествъ опкрыва для любопытныхъ, и я гошовъ бытъ вашимъ пушеводишелемъ, вашимъ Чичероне, еспли угодно! — Вы увидише много хорошаго, полюбуешесь нѣкопорыми произведеніями Русскаго рѣзца и кисти; о другихъ шенерь ни слова. Посмотрите, продолжалъ онъ, опкрывая окно: какое прекрасное время! Весь городъ гуляешъ, и мы

съ толпой гуляющихъ непримѣльнымъ образомъ пройдемъ въ Академію. Съ удовольствіемъ, ошвѣчалъ я молодому челоуѣку: около двадцати лѣтъ я не видалъ Академіи, и какъ здѣсь все идешь исполнскими шагами къ совершенству, то надѣюсь, что и Художества приведушь меня въ пріятное изумленіе. Вошь мой посохъ, моя шляпа — пойдемъ!

И въ самомъ дѣлѣ время было прекрасное. Ни малѣйшій вѣшерокъ не спруилъ поверхности величественной, первой рѣки въ мірѣ, и я привѣтствовалъ мысленно Богиню Невы словами Поэза:

Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно,
И стѣнны ошрова.

Великолѣпныя зданія, позлащенныя упреннимъ солнцемъ, ярко опражались въ числомъ зеркалѣ Невы, и мы оба единогласно воскликнули: какой городъ! какая рѣка! —

Единственный городъ! повторилъ молодой человекъ. Сколько предметовъ для кисти Художника! умѣй только выбирать. И какъ жаль, что мои поварищи мало пользуются собственнымъ богатствомъ; Живописцы переспективны охотнѣе лишуть виды изъ Италіи и другихъ земель, нежели сіи очаровательные предметы. Я часто съ горестію смотрѣлъ, какъ въ прескучіе морозы они шуршаща надъ пламеннымъ небомъ Неаполя, ширяющъ свое воображеніе — и часто взоры наши. Пейзажъ долженъ быть поразитель. Если онъ несовершенно похожъ на природу, то что въ немъ? —

Надобно разсѣяться съ Пешербургомъ, продолжалъ онъ: — надобно разсѣяться на нѣкоторое время, надобно видѣть древнія столицы: великій Парижъ, закопченный Лондонъ, чтобы почувствовать цѣну Пешербурга. Смотрите — какое единство! какъ все части отвѣчаютъ цѣлому! какая красота зданій, какой вкусъ, и въ цѣломъ какое разнообразіе, происходящее отъ

смѣшенія воды со зданіями. Взгляните на рѣшетку лѣшняго сада, кошорая опражаешся зеленью высокихъ липъ, вязовъ и дубовъ! Какая легкость и спройность въ ея рисунокѣ! Я видѣлъ славную рѣшетку Тюльерійскаго замка, опягченную, раздавленную, шакъ сказашь, украшеніями — пиками, касками, шрофеями. Она безобразна въ сравненіи съ эшой.

Энпузіасмъ, съ кошорымъ говорилъ молодой Художникъ, мнѣ весьма понравился. Я пожалъ у него руку и сказалаь ему: изъ шебя будешь Художникъ! Не знаю, понялъ ли онъ мои пророческія слова, но посмопрѣвъ на меня съ улыбкою удовольствія, продолжалъ: взгляните шеперь на набережную, на сіи огромные дворцы — одинъ другаго величешвеннѣе! на сіи дома — одинъ другаго красивѣе! Посмоприше на Васильевскій оспровъ, образующій шреугольникъ, украшенный биржею, росшральными колоннами и гранишною набережною, съ прекрасными спусками и лѣспницами къ водѣ. Какъ величе-

спвенна и красива эпа часть города! Вошь произведеніе, доспойное покойнаго Томона, сего неушомимаго иностранца, кошорый посвятилъ намъ свои дарованія, и сполько способшвовалъ къ украшенію сѣверной Пальмиры! Теперь ошь биржи, съ какимъ удовольствіемъ взоръ мой слѣдуетъ вдоль береговъ, и перяется въ шуманномъ опдаленіи между двухъ набережныхъ, единственныхъ въ міръ! — Такъ, мой другъ, воскликнулъ я, сколько чудесъ мы видимъ передъ собою, и чудесъ созданныхъ въ споль корошкое время, въ спольшіе — въ одно спольшіе! Хвала и честь Великому Основателю сего города! Хвала и честь Его Преемникамъ, кошорые довершили едва начатое Имъ, среди войнъ, внутреннихъ и вѣшнихъ раздоровъ. Хвала и честь Александру, кошорый болѣе всѣхъ, въ печеніе своего царшвованія, украсилъ спольцу Сѣвера! И въ какія времена? Когда бремя и учась цѣлой Европы лежали на Его сердць, когда врагъ поглощалъ землю Русскую, когда

мечъ и пламень безумца пожиралъ шо, чшо созидали вѣки! . .

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили къ Адмиралтейству. Помню, скажешь гы, помню эту безобразную длинную фабрику, окруженную подъемными мостами, рвами глубокими, но нечислыми, заваленными досками и бревнами. Оспановись, почтенный мой пріяшель! кто не былъ двадцать лѣтъ въ Пешербургъ, шотъ его конечно не узнаешъ. Тотъ увидишь новый городъ, новыхъ людей, новые обычаи, новые нравы. Вотъ, чшо я повпоряю шебъ ежедневно въ моихъ запискахъ. И здѣсь шоже превращеніе. Адмиралтейство, перестроенное Захаровымъ, превратилось въ прекрасное зданіе, и составляетъ шеперь украшеніе города. Прихопливые знашоки недовольны спарымъ шпицомъ, копорый не соопвѣшсшвуешъ, по словамъ ихъ, новой колоннадъ, — но за шо колоннада и новые павильоны или опдѣльные флигели предешны. Вокругъ сего зданія расположенъ сей прекрасный бульваръ, обса-

женный липами, копорья всѣ принялись и защищающъ опъ солнечныхъ лучей. Прелестное, единственное гульбище, съ котораго можно видѣть все, что Пешербургъ имѣетъ величественнаго и прекраснаго: Неву, Зимній Дворецъ, великолѣпные дома дворцовой площади, образующей полукружіе, Невскій проспектъ, Исакіевскую площадь, Конногвардейскій манежъ, копорый напоминаетъ Паршенонъ, прелестное строеніе Г. Гваренги, Сенатъ, монументъ Петра I, и снова Неву съ ея набережными! —

Я хотѣлъ опдохнуть, и мы сѣли на одну изъ лавокъ бульвара. Площадь была покрыта карешами, бульваръ гуляющими. Между тѣмъ, какъ я разсматривалъ знакомыя и незнакомыя лица, нѣкто, человекъ пожилой и хворой, присѣлъ на лавку возлѣ меня. — Черты его мнѣ были знакомы, но время изгладило изъ моей памяти его имя. Знакомый *незнакомецъ* глядѣлъ на меня приспально, минушу, двѣ, три... и наконецъ — я узналъ въ немъ Спарожи-

лова. Какъ ты перемѣнился! воскликнули мы оба, глядя приспально другъ на друга. — „Какъ все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я тебя видѣлъ здѣсь!“ прибавилъ Спарожилъ съ тяжелымъ вздохомъ, онъ копорого морщины на его лбу сдѣлались еще глубже. Я не спану тебѣ говорить о вопросахъ, копорые мы дѣлали въ запуски другъ другу: можешь ихъ легко угадать; скажу шолько, что нашъ спарый знакомый, узнавъ намѣреніе наше поспѣшить Академію, взглянулъ на часы, и сказалъ мнѣ: „Теперь еще рано; къ прему часамъ я могу поспѣть въ клубъ, гдѣ я долженъ пробовать новое вино и сказанъ мое мнѣніе на щепъ важнаго поспановленія въ клубъ, о копоромъ я размышлялъ цѣлое упру.“ — Важносшь, съ копорою онъ говорилъ, заставила насъ улыбунуться. Къ щаспію Спарожилъ шого не примѣшилъ и продолжалъ: „Прогулка мнѣ будешь полезна; нбо сегодня солнце грѣеть, какъ лѣшомъ. Я побреду съ вами въ Академію — вовсе не изъ любопытства; шамъ ничего хорошаго

нѣшь. Я давно недоволенъ нашими Художниками во всѣхъ родахъ — но мнѣ нужно разсѣяніе, единственно разсѣяніе!“ прибавилъ онъ, кашляя безпреспанно. —

Между тѣмъ, какъ мы идемъ медленными шагами въ Академію, соображаясь съ походкою подагрика, я скажу тебѣ мимоходомъ, что Спарожилловъ, котораго мы знали въ молодости нашей споль блестящаго, споль веселаго, споль разсѣяннаго, нынѣ сдѣлался брюзгою, недовольнымъ, однимъ словомъ совершеннымъ образцомъ спараго холоспаго человекъ. Ты помнишь, что въ молодости онъ имѣлъ живой умъ, нѣкоторыя познанія, и большой навѣкъ въ свѣтъ. Нынѣ цвѣтъ ума его завялъ, прежняя живоспъ исчезла, познанія, неусовершенныя безпреспанными шрудами, изгладилась или преврапились въ закоренѣлые предразсудки, и все оспроуміе его погибло, какъ блестящій фейерверкъ. Конечно разсудокъ забылъ шепнуть ему: спарайся бытъ полезень общеспву! не

дѣяпельная жизнь, говоришь мудрецъ Херонейскій, расслабляешь тѣло и душу. Споячая вода гниешь; способности челоуѣка въ бездѣйствіи увядають, и за молодоспїю невидимо крадеиша время:

Прїйдушь, прїйдуть часы тѣ скучны,
 Когда твои ланины шучны
 Престанушь Граціи шрепашь!

Тогда общество справедливою холодноспїю опмешпиль шебѣ за шо, что ты былъ его безплоднымъ членомъ. Спарожилонъ, прожившїй вершопрахомъ до нѣкопорого времени, проснулся въ сорокъ лѣтъ спарикомъ, съ подагрою, съ полураспироеннымъ имѣніемъ, безъ друга, безъ привязанностей сѣрдечныхъ, копорыя соспавляють и мученіе и сладость жизни; онъ проснулся съ душевною пустошою, копорая превратилась въ эгоизмъ и мѣлочное самолюбіе. Ему все наскучило, онъ всѣмъ недоволенъ: въ его время и лучше веселились и лучше говорили и лучше писали. Трагедїи Княжнина, по его мнѣнію, лучше шрагедїй Озерова; Басни

Сумарокова предпочипшаеть онъ Бас-
 нямъ Крылова, игру Сахаровой игръ
 Семеновой, и шакъ далѣе. Какъ скучна
 пынѣшняя жизнь! говоришь онъ; и этому
 повѣришь можно. За чѣмъ, спрашиваю
 я, за чѣмъ постоянно десятишь лѣтъ
 являешся онъ въ клубъ? Чшобы слу-
 шашь, изобрѣшашь или распускашь
 городскія вѣсти или газетныя шайны,
 чшобы бранишь нещадно все новое
 и прославляшь любезную спарину,
 опобѣдашь и заснушь за чашкою кофе
 при спукѣ шаровъ и при единообраз-
 номъ щепѣ маркѣра, который, нащи-
 павъ 48, ненавистнымъ числомъ на-
 поминаешъ ему его лѣта. Сонный са-
 динся онъ въ карешу и едва просы-
 паешся въ шеашрѣ при первомъ ударѣ
 смычка.

Разговаривая съ нимъ о спаринѣ,
 кошорую я выхвалялъ изъ низхожденія,
 мы приближались къ Академіи.

Я долго любовался симъ зданіемъ,
 достойнымъ Екашерины, покровитель-
 ницы Наукъ и Художествъ. Здѣсь на
 каждомъ шагу просвѣщенный патриотъ

долженьъ благословлять память Монархини, копорая не сполько завоеваніями, сколько полезными заведеніями заслуживаетъ ошь признашельнаго пошомства имя Великой и Мудрой. Сколько полезныхъ людей приобрѣло общесство чрезъ Академію Художествъ! Рѣдкое заведеніе у насъ въ Россіи принесло сполько пользы. Но чему приписашь эшо? Поспоянному и мудрому плану, копорому слѣдуетъ съ давняго времени начальство, и доспойному выбору вельможъ дѣяшельныхъ и просвѣщенныхъ на мѣсто Президентское. Я спарь уже; но при мысли о полезномъ дѣлѣ или учрежденіи для общесства, чувствую, что сердце мое бьется живѣе, какъ у юноши, копорый не ушрашилъ еще прелесной способности чувствовать красоту испинно полезнаго, и предается первому движенію благородной души своей. Вспуна на лѣсшницу, я готовъ былъ хвалить съ жаромъ Монархиню и нѣкоторыхъ вельможъ, покровителей опечесственныхъ Музъ; но докучный Старожидовъ воскликнулъ, съ шрудомъ пере-

водя духъ и отдыхая на первыхъ спупеняхъ: „Боже мой! какая крушая лѣспница! — и какъ она узка, и какъ безобразна! — И къ чему эша Венера съ Амазонками? Я никогда не былъ охощникъ до гипсовъ; лучше ничего или все — вопшь мое правило. Здѣсь надлежало бы поставити что нибудь свое, произведеіе нашихъ Художниковъ и пр. и пр.“ — Толпа у дверей не позволила ему окончити своего крипическаго замѣчанія, и мы остановились, весьма ксшши, у двухъ превеликихъ Сапировъ, называемыхъ Теламонами или Анланшами (мужескія Каріапиды). „Вопшь украшеніе довольно спранное, замѣшилъ молодой Художникъ — и копорое новѣйшіе Художники упошребляли часто нексшши, а болѣе всего въ Парижѣ. Женскія Каріапиды еще безобразнѣе мужескихъ. Можно ли видѣти безъ опшрашенія прекрасную женщину, спрадающую подѣ шягоспнѣмъ бременемъ, и съ необыкновеннымъ усиліемъ во всѣхъ членахъ и мускулахъ поддерживающую цѣлое зданіе или огромную часпъ онаго? Одно жесшкое

сердце можешь любить такого рода изображенія, и за шѣмъ-шо, можешь бышь, Французскіе аршисты, шайно угождая вкусу Наполеона, сшавили Каріашиды вездѣ, гдѣ шолько можно было. Въ нѣкоторыхъ его замкахъ, каждую дверь поддерживаюшь двѣ справа-далицы. Въ самомъ Музеумѣ ихъ множество. Здѣсь же сін Каріашиды приличны; ибо могушь служишь образцами любопытнымъ молодымъ Художникамъ.“

Мы вошли въ рошонду, установленную гипсовыми слѣпками съ антиковъ. „Вашъ Консуль Бальбусъ, сказалъ мнѣ нашъ спутникъ, указывая на большаго всадника. Подлинникъ спашуи найденъ въ Геркуланумѣ.“ — „Но эша лошадь вовсе не красива.“ ... замѣнилъ Спарожилонъ молодому Аршисту, качая головою.

„Вы правы, ошѣбчалъ онъ: конь не весьма спашень, корошокъ, высокъ на ногахъ, шея шолстая, голова съ выпуклыми щеками, поворонъ ушей неприяшній. Тоже самое замѣнише въ другой залѣ у славнаго коня Марка

Аврелія. — Художники новѣйшіе съ большимъ искусствомъ изображаютъ коней. У насъ передъ глазами Фальконешово произведеніе, сей чудесный конь, живой, пламенный, спальный и споль смѣло поставленный, чпо одинъ иностранецъ, пораженный смѣлосію мысли, сказалъ мнѣ, указывая на коня Фальконешова: онъ скачешъ, какъ Россія! — Но я не смѣю мыслишь вслухъ о конѣ Бальбуса, боясь, чпобы меня не подслушали нѣкоторые упрямые любители древности. Вы себя предсавишь не можеше, чпо перяешъ въ ихъ мнѣніи молодой Художникъ, свободно мыслящій о нѣкоторыхъ условныхъ красотахъ въ Изящныхъ Художествахъ. . . . Пойдемше дадѣе.“

Мы вошли въ другую залу, гдѣ находящіяся слѣпки съ неподражаемыхъ произведеній рѣзца у Грековъ и Римлянъ. Прекрасное наследіе древности, драгоценныя осмашки, копорые яснѣе всѣхъ Испориковъ свидѣтельствуютъ о просвѣщеніи древнихъ; въ нихъ-шо искусство есть, щакъ сказать, онголосокъ глубокихъ познаній природы,

спраспей и челоѡческаго сердца. Какое истинное богатство, какое разнообразіе! Здѣсь вы видите Геркулеса Фарнезскаго, образецъ силы душевной и плѣсной. Вошь умирающій боець или варварь; вошь комическій Поэшь и неподобный Фаунь. Здѣсь прекрасныя группы: Лаокоонь съ дѣтьми — драматическое швореніе рѣзца неизвѣснаго! — Вошь Арія и Пенсусь, и семейство несчастной Нюбы. Здѣсь вы видите Венеру, образецъ всего красивѣйшаго, однимъ словомъ: Венеру Медицисъ. Вошь цѣлый рядъ колоссальныхъ бюсшовъ Юпитера Олимпійскаго,

Кшо маниемъ бровей колеблеть неба сводъ.

Юноны, Менелая, Аякса, Кесаря и пр.
И наконецъ, я спрашиваю себя, опъ чего сердце мое забилося сильнѣе?

Наполнилъ грудь воспоргъ священный,
Благоговѣйный обнялъ страхъ,
Пріяшный ужась пошасенный
Течешъ во всѣхъ моихъ косшяхъ;
Въ весельи сердце ушонаешъ,
Какъ будшо Бога ощущаешъ,
Присуществующаго со мной! . . .

Я вижу, вижу Аполлона
 Въ пошь мигъ, какъ онъ сразилъ Пиѳона
 Божественной своей стрѣлой!
 Зубчаша молнія сверкаешь,
 Звенишь въ рукѣ снущенный лукъ,
 Ужасная змѣя зѣяешь
 И вмигъ свой испускаешь духъ.

Вошь сей божеспвенный Аполлонъ,
 прекрасный Богъ Спихотворцевъ! Взирая
 на сіе чудесное произведеніе искусство,
 я вспоминаю слова Винкельмана.
 „Я забываю вселенную, говоришь онъ,
 взирая на Аполлона; я самъ принимаю
 благороднѣйшую осанку, чпобы до-
 спойнѣ созерцать его.“ — Имѣя споль
 прекраснаго Бога покровипелемъ, му-
 дрено ли, спрашиваю васъ, мудрено ли,
 что одинъ изъ нашихъ Поэшовъ вос-
 кликнулъ однажды въ принадкѣ лѣпни-
 ческой гордости:

Я съ возвышенною вездѣ хожу главой! —

„Вошь наши сокровища, сказалъ Ху-
 дожникъ Н., указывая на Аполлона и
 другіе ашники; вошь испочникъ на-
 шихъ дарованій, нашихъ познаній,
 испинное богатство нашей Академіи;

богатство, на кошоромъ основаны всѣ успѣхи бывшихъ, нынѣшнихъ и будущихъ воспитанниковъ. Опннмиме у насъ это драгоцѣнное собраніе, и скажите, какіе бы мы сдѣлали успѣхи въ Живописи и въ Ваяніи? — Надобно желать, чшобъ оно еще было удвоено, упроено. Здѣсь многого недоспаеть; но то, чшо есть, прекрасно: ибо слѣпки вѣрны и могутъ удовлетворить самага спрогога наблюдателя древности.“

Пройдя двѣ небольшія залы, мы увидѣли шолпу зришелей передъ большою карпиною. Вотъ новая карпина Г. Егорова! Одно имя сего почпеннаго Академика возбуждаетъ швое любопытство. . . . И шакъ, я перескажу опъ слова до слова сужденіе о его новой карпинѣ, шо есть, шо, чшо я слушала въ глубокомъ молчаніи. —

„Подойдемше поближе, сказала Спарожилость, надѣвая съ комическою важностию очки свои. Я немного слышался объ этомъ Художникѣ.“ —

Художникъ изобразилъ испязаніе Христа въ шемницѣ. — Четыре фигуры выше человѣческаго роста. Главная изъ нихъ Спаситель, передъ каменнымъ столпомъ, съ связанными назадъ руками, и при мучишеля, изъ кошорыхъ одинъ прикрѣпляетъ веревку къ столпу, другой снимаетъ ризы, покрывающія Искупишеля, и въ одной рукѣ держитъ пукъ розогъ, прешій воинъ . . . кажется, дѣлаетъ упреки Божеспвенному Справдальцу; но рѣшишельно опредѣлишь намѣреніе Аршиспа весьма прудно, хопя онъ и спарался дать сильное выраженіе лицу война, — можешъ бышь, для противуположности съ фигурою Христа.

„Посмотрите, сказала намъ молодой Художникъ, какъ чудовище Христа нарисовано правильно, просто и благородно. Кажется, что глубокой вздохъ гошовъ вырваться изъ подъяшой груди его.“ — „Но лице не соотвѣтствуетъ красотѣ всего шѣла, возразилъ Спарожилловъ: признайтесь сами, что глаза его слишкомъ велики; въ нихъ нѣтъ ничего божеспвеннаго.“ —

„Я съ вами не совсѣмъ согласенъ: положеніе головы прекрасно, и въ лицѣ вы видите сильное выраженіе спраданія, горести и покорности волю Ошца Небеснаго.“ — „Къ сожалѣнію, эша фигура напоминаетъ изображеніе Христа и другихъ Живописцевъ, и я напрасно ищу во всей картинѣ оригинальности, чего-то новаго, необыкновеннаго, однимъ словомъ своей мысли, а не чужой.“ — „Вы правы, хоща несовершенно: эшопъ предметъ былъ написанъ нѣсколько разъ. Но какая въ шомъ нужда? Рубенсъ и Пуссенъ каждый писали его по своему, и если картина Егорова уступаетъ Пуссеновой, шю конечно выше картины Рубенсовой. . . “ — Какъ, шю нужды? Пуссенъ и Рубенсъ писали испязаніе Хришова: шѣмъ я спроще буду судить Художника, шѣмъ я буду прихощливѣе. Еслибъ какой нибудь, впрощемъ и весьма искусный Живописецъ, вздумалъ написать картину Преображенія, я сказалъ бы ему: конечно вы не видали картины Рафаелевой? Еслибъ Поэтъ вздумалъ написать намъ Ифигенію въ Авлидѣ, я сказала бы

ему: ее написалъ Расинъ прежде тебя; и шакъ далѣе.“ — „Но признайшесь, по крайней мѣрѣ, что мучишель, прикрѣпляющій веревку, кошорою связаны руки Христа, написанъ прекрасно, правильно и можешь назвашься образцемъ рисунка. Онъ ясно доказываешъ, сколько Г. Егоровъ силенъ въ рисунокѣ, сколько ему извѣсна анапомія человѣческаго шѣла. Волгъ оригинальность нашего Живописца!“ — „Это все справедливо; но къ чему усиліе сего человѣка? Чшобы зашянушь узелъ? Я вижу, что Живописецъ хошѣлъ написашъ Академическую фигуру, и написалъ ее прекрасно; но я не однѣхъ побѣжденныхъ шрудностей ищу въ картинѣ. Я ищу въ ней болѣе: я ищу въ ней пищи для ума, для сердца; желаю, чшобъ она сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе; чшобъ она оставила въ сердцѣ моемъ продолжительное воспоминаніе, подобно прекрасному драматическому предствавленію, если изображаешъ предместъ важный, шрогашельный. Къ шому же согласишесь, что другой мучишель посщавленъ дурно. А воинъ? . . . онъ

вовсе лишній, онъ ни на кого не глядишь . . . хошя глаза его опшверзшы не-обыкновеннымъ образомъ. Къ чему, спрашиваю васъ, на Римскомъ воинѣ шлемъ съ змѣемъ, и почему въ шемницѣ Хришовой лежишь желѣзная рукавица? Ихъ начали упошребляшь десятишь вѣковъ, или болѣе — послѣ Рождества Хришова; не значишь ли эшо. . . . “

„Конечно такъ! сказала Старожилу какой-шо незнакомецъ, кошорый долго вслушивался въ разговоръ, (мы приняли его за Художника); конечно такъ! — Если Художники наши будишь болѣе чишашъ и разсмашривашъ прилѣжнише книги, въ кошорыхъ предсшавлены обряды, одежды и вооруженіе древнихъ, шо подобныхъ анахронизмовъ дѣлашь не будишь.“ — „Но признайшесь, Государь мой, признайшесь, опшложя всякое присшрасшіе, что эша картина обѣщаешъ дальнѣйшіе успѣхи.“
 Если обстоятельштва, кошорыя часшо не благопріятшвовали нашимъ Аршисшамъ, если обстоятельштва позволяшь ея Живописцу занимашься по-

споянно сочиненіемъ большихъ кар-
шинъ; по можно ожидать, что онъ,
ушвердясь въ выборъ, въ употребленіи
и согласованіи красокъ и познакомясь
со многими механическими приемами
(шайны, копорья долженъ угадывашь
Художникъ въ живописномъ дѣлѣ), при-
швердой, правильной и красивой его
рисовкѣ, при изобрѣшательномъ и бла-
горазумномъ дарованіи, со временемъ
не уступитъ лучшимъ Живописцамъ
Италіянской, Французской и Испанской
школы. “

Будучи ошъ природы снисходитель-
нѣе, и любя наслаждашься всемъ пре-
краснымъ, я съ большимъ удоволь-
ствіемъ смошрѣль на картину Г. Егго-
рова и сказала мысленно: „Вопшь Ху-
дожникъ, копорый приносишь честь
Академіи, и копорымъ мы Русскіе,
можемъ справедливо гординься.“ —

Въ слѣдующихъ комнашахъ продол-
жались высшавки и по большей часши
молодыхъ воспитанниковъ Академіи. —
Я смошрѣль съ любопытствомъ на
ландшафтъ, изображающій видъ окресп-

носшей Шафгаузена, и хижину, въ которой Государь Императоръ съ Великою Княгинею Екатериною Павловною угощены новымъ Филемономъ и Бавкидою. Вдали видно паденіе Рейна, не весьма удачно написанное.

Въ шой же самой комнаѣ прозкъ на Соборную церковь и два прозкъ для монумента изъ опіяныхъ у неріяшеля пушекъ: оба не соопвѣпсвуютъ прекрасной и высокой мысли. — Въшъ празднованіе Пасхи въ Парижѣ, Александромъ и его побѣдоносными войсками. Какой предметъ для папріяша! Съ какимъ чиспѣйшимъ удовольствіемъ смопрѣлъ я на эту каршину! Толпы народа и войска предспавлены ясно; — но я замѣпиль, что цвѣпшь неба и облаковъ холодень и шяжель.

Множество зрптелей всякаго званія полпились передъ большою каршиною, изображающею Христа съ учениками и блудницею. Одни хвалили съ жаромъ, другіе осуждали: *De gustibus non est disputandum!*, „Видно, что Живописецъ, — сказалъ

намъ молодой нашъ пушеводипель, — Живописецъ, скупый на искусство и вкусъ, не пощадилъ полотна, розовой и голубой краски. “— „И времени“ — прибавилъ Спарожилъ. — Вы видите здѣсь и другую каршину — Венеру розовую, на голубомъ полѣ, съ голубками и съ Купидономъ; неудачное подражаніе Тиціану, или Кишайскимъ карпинамъ безъ пѣней; Венеру, копорая не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ Венерою Омера, Овидія или Лукреція, но живымъ образомъ напоминаетъ намъ какую нибудь богиню изъ шуточной поэмы Майкова или изъ Энеиды, вывороченной на изнанку. Вы видите шамъ, на другой спѣнь, приумѣъ Государя, наподобіе Рубенса. — Теперь взгляните на эшого больнаго спарика съ факеломъ, подражаніе Жирару дела Нопше, и признайтесь, что эши Живописцы въ своемъ подражаніи оригинальны. Они - шо могутъ назваться со временемъ основателями новой Ипаліанской школы, la Scuola Petroborghese, и заимите свою чудесною киспію славу своихъ

соотечественниковъ — славу Рафаеля, Корреджіо, Тиціана, Альбана и проч.

Пускай глаза наши, ослѣпленные яркими красками сихъ живописей, на копорыхъ Нюшонъ могъ бы опкрышь всѣ преломленія луча солнечнаго, пускай глаза наши опдохнуть на произведеніи Г. Есакова. Вопшь его рѣзные камни: одинъ изображаетъ Геркулеса, бросающаго Яоласа въ море, другой Кіевлянина переплывшаго Дибирь. Большая швердоспъ въ рисункѣ! — Пожелаемъ искусному Художнику * болѣе навыка, безъ копораго нѣпъ легкости и свободы въ опдѣлкѣ мѣлкихъ часшей. Смѣлости у него довольно; а знаній? . . . „Вѣкъ живи, вѣкъ учишь, сказала Старожилость. Согласишесь одинакоже, шенцуль онъ молодому Художнику, согласишесь, что кромѣ картины Егорова, мы ничего еще не видѣли совершеннаго или — близкаго къ совершенству.,,

* Пожалѣемъ объ этомъ искусномъ Художникѣ: ранняя смерть похишила съ нимъ хорошія надежды. *Изд.*

„Можешъ бышь! ошвѣчалъ онъ; но прошу васъ взглянуть на рисунокъ Ушкина. Эшонъ превосходный рисунокъ, какъ вы виднше, изображаешъ свяшую фамилю съ Гвидо Рени. Другой рисунокъ — поршрешъ Князя Александра Борисовича Куракина, и съ него гравированный поршрешъ сего вельможи.“ „Вошь истинное Искусшво!“ сказалъ Спарожидовъ, измѣняя своему прекрасному правилу: *Nil amirare*. — Г. Ушкинъ, извѣстный и уважаемый въ Парижъ, можешъ спашъ на ряду съ лучшими гравёрами въ Европѣ. Конечно и въ Опечесшвѣ своемъ найдешъ онъ людей просвѣщенныхъ, досшойныхъ цѣнителей его рѣдкаго таланта!

Но съ какимъ удовольствіемъ смотрѣли мы на поршрешы Г. Кипренскаго, любимаго Живописца нашей публики! Правильная и необыкновенная пріятность въ его рисункѣ, свѣжестъ, согласіе и живостъ красокъ — все доказываешъ его дарованіе, умъ и вкусъ нѣжный, образованный. *

* Въ собраніи поршрешовъ Г. Кипренскаго, по важности предмета и по ошдѣлкѣ,

Спарожидовъ , къ удивленію нашему, плѣнился масперскою его киспью, и опсривъ въ своей памяти два Ипалдіанскіе спиха, сказалъ ихъ съ необыкновенною живоспїю....

занимающъ первое мѣсто два поршрета Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича. — Голова спарика съ сѣдою бородою, или образецъ для Апосшольской головы; — имъ же гравированный поршреть и весьма сложїй славнаго Акшѣра Дмишревскаго, и рисованный чернымъ карандашемъ — Фигнера , славнаго Соглядаша нашей арміи , о кошоромъ можно сказать, что Тассъ говорилъ о Вафринѣ...

.... per dritto sentier tra regie porte
 Trapassa; e or dimanda, e or risponde.
 A dimande, e risposte astute, e pronte
 Accoppia baldanzosa, audace fronte.
 Di qua, di là sollecito s'aggira
 Per le vie, per le piazze, e per le tende.
 I guerrier, i destrier, l'arme rimira;
 L'arti e gli ordini osserva, e i nomi apprende.
 Né di ciò pago a maggior cose aspira;
 Spia occulti disegni, e parte intende.
 Tando s'avvolge, e così destro, a piano....

„То есть : прямымъ путемъ проходишь
 чрезъ враша Царскіе. Дѣлаешь вопросы,
 даешь отвѣсы; хиспримъ вопросамъ и бы-
 спрымъ отвѣсамъ соотвѣстствуешь его

Manca il parlar, di vivo altro non chiedi.
 Me manca questo ancor, s'agli occhi credi.

„Видише ли, продолжалъ онъ, видише ли, какъ образуются наши Живописцы? Скажише, чшобъ былъ Г. Кипренскій, еслибъ онъ не ѣздилъ въ Парижъ, если бы...“ — „Онъ не былъ еще въ Парижъ, ни въ Римъ, ошвѣчалъ ему Художникъ.“

смѣлое и гордое чело. Туда и сюда проходишь шоропливыми шагами, черезъ пути и площади между шашровъ непріятельскихъ. Осматривая ряды воиновъ, коней и оружія, замѣчаешь порядокъ, искусство воиновъ; познаешь ихъ имена. Сего недовольно: онъ стремится къ высшей цѣли; проникаешь въ тайные замыслы и лишрѣя намѣренія враговъ....

Нашъ Фигнеръ шарцемъ въ шанъ враговъ

Идешь во мракъ ночи :

Какъ шѣнь прокраяся вкругъ шашровъ,

Все зрѣли быстры очи.

И шанъ еще въ глубокомъ снѣ,

День свѣшлый не проглянулъ,

А онъ ужъ вишязь на конѣ,

Уже съ дружиной грянулъ....

Жуковскій.

— „Это удивительно! удивительно!“ повторилъ Спарожилъ. — „Почему? Развѣ нѣтъ образцевъ и здѣсь для портретнаго Живописца? Развѣ Эрмишажъ закрытъ для любопытнаго, а особенно для Художника? Развѣ не позволяешся Художнику списывать съ Вандика, Пейзажиску учишься надъ богатымъ собраніемъ картинъ единственныхъ въ своемъ родѣ? Или вы думаете, что нуженъ непременно воздухъ Римскій для Архиста, для любителя древности; что ему нужно долгое время пребываніе въ Парижѣ? Въ Парижѣ?—Согласенъ; но сколько дарованій погибло въ этой Столицѣ? Разсѣяніе, всѣ прелести свѣта, не только пренебрегали развитію дарованія, но губили его на вѣки.“

Вотъ Московскіе виды, сказалъ молодой Художникъ, указывая на картины, изображающія каменный мостъ, Кремль и пр. съ большою испиною и искусствомъ. — Какія воспоминанія для Московскаго жителя! Разсмагривая живопись, я погрузился въ сладо-

спнос мечпаніе , и гошовъ былъ воскликнушь почши поже , чшо Эней у Гелена , въ долинахъ Хаонейскихъ , гдѣ все чудеснымъ образомъ напоминало изгнаннику его священную Трою , рощи , дуга и испочники родины незабвенной: * я гошовъ былъ сказаць моимъ шоварищамъ :

Чшо машушки Москвы и краше и милѣе ? Но Старожилъ разсѣялъ воспоминаніе о древней бѣлокаменной Сполицѣ громкимъ и безпрерывнымъ смѣхомъ , разманиривая чудесныя мозаики , въ шой же комнашѣ выспавленные . — Я взглянулъ на нихъ съ негодованіемъ , пожалъ плечами , и пошелъ въ другую комнашу , гдѣ ожидалъ насъ поршреть покойнаго Гр. А. С. Шпроганова , писанный Г. Варникомъ . Вокругъ него мы нашли толпу зришелей : одни хвалили смѣлосць кишни , ошдѣлку плашья , бѣлаго глазеша , и весь рисунокъ каршины ; другіе на-

* Procedo, et parvam Trojam, simulataque magnis Pergama, et arentem Xanthi cognomine rivum, Agnosco, Scaetaeque amplector limina portae. и пр.

Aeneid. liber III. —

прошивъ того, утверждали, что краски вообще шусклы, онѣлка груба, нещашельна и пр. и пр. и пр.; а я восхищалься удивительнымъ сходствомъ лица.

„Такъ, это онъ! точно онъ! сказала какой-то пожилой человекъ нашему пущеводителю. — Эта прекрасная картина Г. Барника возбуждаетъ въ моей памяти тысячу горесныхъ и сладкихъ воспоминаній! Она живо представляетъ лице покойнаго Графа, сего просвѣщеннаго покровителя и друга Наукъ и Художествъ, вельможу, кошораго мы будемъ всегда оплакивать, какъ дѣши нѣжнаго и попечительнаго ошца. Полезные совѣшы, лесное одобрение знашока, рѣдкое добродушіе, испинный признакъ великой и прекрасной души, желаніе бышь полезнымъ каждому изъ насъ, пламенная, но просвѣщенная любовь къ Отечеству, любовь ко всему, что можетъ возвысить его славу и сіяніе: вошь чѣмъ опличался почтенный Президентъ нашей Академіи, вошь что мы будемъ

воспоминанъ со слезами вѣчной признательности, и что искусная кисть Г. Варника столь живо напоминаетъ всѣмъ Академикамъ, копорые имѣли щаснѣе пользовашься покровительствомъ любезнѣйшаго и добрѣйшаго изъ людей. Чершы, незабвенныя чершы нашего Мецената будутъ намъ всегда драгоценны!“

Художникъ говорилъ съ большимъ жаромъ, и слезы навернулись на его глазахъ. Я былъ въ себя ошъ радости; ибо я раздѣлялъ вполне его чувства. Самъ Спарожилловъ былъ пронупъ и долго стоялъ въ молчаніи предъ почтеннымъ ликомъ почтеннаго спарца, преспарълаго Неспора Искусшвъ, истиннаго образца людей государспвенныхъ; вельможи, копорый доказалъ краснорѣчивымъ примѣромъ цѣлой жизни, что вышній санъ заимспвуетъ прочное сіяніе не ошъ богатства и почестей наружныхъ, но ошъ истиннаго, неощемлемаго достоинства души, ума и сердца.

Долго сладкое впечатлѣніе оставалось въ моей душѣ, и я, занятый разговоромъ почтеннаго Художника, прошелъ безъ вниманія мимо пѣкопорыхъ картинъ ученической работы иностранцевъ, копорые на сей разъ, какъ будто нарочно согласились уступитъ безспорно преимущество нашимъ Художникамъ, выставляя безобразныя и уродливыя произведенія своей кисти. Мы остановились у подножія Акшеона (изобрѣшенія Г. Маршоса), большой статуи, ошлишой для Гр. Н. П. Румянцева Г. Екимовымъ: прекрасное произведеніе Русскихъ Художниковъ! Забѣшьте, сказалъ намъ услужливый путешеводитель нашъ, забѣшьте, что дѣшнейное искусство сдѣлало большой шагъ въ Россіи, подъ руководствомъ Г. Екимова. *

Ошлишая Г. Екимовымъ фигура Акшеона, по разобраніи формы, не была ни ошлилена, ни ошчеканена; но ошлишіе оной шакъ совершенно, что по ошлишіи *путцевъ*, чрезъ копорые печешъ въ форму расплощенный мешаль, оставалось шолько всю фигуру прои-

Карпина Г. Куршеля: Спаршанецъ при Оермопилахъ, привлекла наше вниманіе. Прекрасный юноша, сразившійся за свободу Греціи, умираешь одинъ, безъ помощи, безъ друга, въ мѣспахъ пущынныхъ. Кровавый долгъ Спаршъ онданъ, оружіе избишо, кровь пролиша ручьями изъ ранъ глубокихъ и смершельныхъ, и послѣднія минушы убѣгающей жизни принадлежатъ ему: послѣдніе взоры, исполненные спраданія и любви, усшремлены на медальонъ, изображающій чершы ему любезныя. Вошь прекрасная мысль, сказала я моимъ поварищамъ, и выраженная мащперскою киспюю. Но они замѣщили, и справедливо, что въ фигурѣ нѣщъ ни соразмѣрнощ, ни согласія. — „Эшо шуловище небольшого Фавна, присшавленное къ ногамъ Боргезскаго борца —, сказала молодой Художникъ. Конечно

ши пескомъ, для шого, чтощобъ ей данъ общій цвѣщъ. Хвала Г. Екимову, особливо за удачное во всѣхъ часпяхъ ошлишіе колосальныхъ спашуй для Казанскаго Собора, шакже конщенныхъ безъ щеданки!

много истины въ выраженіи лица и мершвенности другихъ членовъ ; но , признаюсь вамъ , я неохотно смопрю на подобныя сему изображенія ! И можно ли смопрѣшь спокойно на карпины Давида и школы, имъ образованной, копорая напоминаешъ ламъ одни ужасы революціи : терзаніе умирающихъ насильственною смертію , оцепенѣніе глазъ, шрепещущія, поблѣднѣлыя уста, глубокія раны, судороги — однимъ словомъ, ужасную побѣду смерти надъ жизнью. Согласенъ съ вами , что эпо предспавлено съ большою живоспію ; но эта самая истина опшращипельна, какъ нѣкоторыя истины, изъ природы почерпнушыя , копорыя не могушь бышь приняшы въ карпинѣ , въ спашуѣ, въ Поэмѣ и на шеашрѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы оставили Академію, — Если мое письмо не наскучило пусшыннику, то я сообщу шебѣ продолженіе нашей прогулки и разговора о Художесшвахъ. Просши до первой почты.

Р. С. На прешій день моей прогулки въ Академію, я кончилъ мое письмо къ шебъ, и гошовъ былъ его запечатанъ, какъ вдругъ мнѣ пришла на умъ слѣдующая мысль: Если кто нибудь прочитаешь шо, что я сообщалъ пріятелю въ офкроевной бесѣдѣ?....

„Что нужды! отвѣчалъ молодой Художникъ Н., которому я прочиталъ мое письмо. Что нужды? Развѣ вы обидѣли кого нибудь изъ Художниковъ, доспойныхъ уваженія? Высптавъ картину для глазъ цѣлаго города, развѣ Художникъ не подвергается себя похвалѣ и крипикъ добровольно? Одинъ маляръ гнѣвается за сужденіе знашока или любителя; испинный талантъ не спрашнися крипики: напрошивъ шого, онъ любитъ ее, онъ уважаетъ ее, какъ испинную, единспвенную пушеводишельницу къ совершенству. Знаете ли, что убиваетъ дарованіе, особливо если оно досшалось въ удѣль человѣку безъ швердаго характера? Хладнокровіе общеспва: оно ужаснѣе всего! Какія сокровища могутъ замѣнишь леспное одобреніе людей чувспвишель-

ныхъ къ прелестямъ Искусствъ! Одинъ богатой невѣжда заказалъ картину моему пріятелю; картина была написана, и Художникъ получилъ кучу золота... Повѣрите ли, онъ былъ въ опчаяніи. Ты недоволенъ плашою? спросилъ я.— О нѣтъ! я награжденъ слишкомъ щедро! — Чшо же оторчаешъ себя? — Ахъ, любезный другъ, моя картина доспалась невѣждѣ и сгніесть въ его кабинетъ: чшо мнѣ въ золотѣ безъ славы! Въ Парижѣ Художники знаютъ свою выгоду. Они живутъ въ тѣсной связи съ Писателями, копорые за нихъ сражающся съ Журналистами, съ знапками и любителями, и проливаютъ за нихъ испочки чернилъ. Двѣ, при недѣли, часпо мѣсяцъ занимающъ они публку послѣ перваго выснавленія картинъ.“ — „Это все справедливо; но я могъ ошибашся.“ — „Чшо нужды, если безъ намбренія!“ — „Но я упошребилъ въ моемъ письмѣ новыя выраженія, на примѣръ: *механической пріемъ* (въ живописномъ дѣлѣ), желая изъяснить то, чшо Французы называютъ *le faire*, и боюсь...“ — „Пускай другіе переведущъ

лучше, исправитѣ; у насъ еще не было своего Менгса, копорый опкрылъ бы намъ пайны своего Искусства, и къ Искусству Живописи, присоединилъ другое, споль же шрудное: искусство изъясняишь свои мысли. У насъ не было Винкельмана. . . . Но запечатаише, запечатаише письмо: его никшо не прочишаешъ!“ повшорялъ Художникъ съ хипрою улыбкою. И его слова успокоили меня, хоша несовершенно. — Признаюсь шебъ, любезный другъ, я боюсь огорчишь нашихъ Художниковъ, копорые не рѣдко до шого проспираюшь ревность къ своей славъ, что малъйшую крипику, самую умъренную, самую оспорожную, почишаюшь личнымъ оскорбленіемъ.

VII.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ ПИСЕМЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА

О Ф И Н Л Я Н Д И И.

Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣдную Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣеть постоянно — только въ печеніе двухъ мѣсяцевъ; но гдѣ, также какъ въ странахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастье. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи, въ бурное, военное время, и слышу сообщенія о тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажется видѣ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма *. Здѣсь льшо

* Особенно въ старой Финляндіи.

продолжаеяся не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ шененіе девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна не рѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитныя, на кошорыхъ вѣсперъ съ шумомъ качаешь сосновыя роши; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлишемъ океана. Въ концѣ Апрѣля начинаеяся весна;— снѣгъ шаетъ поспѣшно, и испочники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергающя въ озера, кошорыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Бонническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро шихо, шо высокіе, пирамидальныя утесы, по берегамъ споящіе, начерпываются длинными полосами въ зеркаль водъ. — На нихъ-шо хищныя шщицы вьюшъ свои гнѣзда, и по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера

вызываютъ крикомъ своимъ бурю, — изъ пайной глубины пещеръ. Въверхъ повѣялъ съ сѣвера и поверхность соннаго озера пробудилась, какъ ошъ сна! . . Видишь ли, какъ она пѣнилась? слышишь ли, съ какимъ глухимъ и пропѣжнымъ шумомъ разбиваеися о гранишныя, неподвижныя скалы, копорыя нѣсколько вѣковъ презирають порывъ бурь и ярость волнь? — Сосѣднiе лѣса повшоряють голосъ бури, и вся природа являеися въ ужасномъ разспройспвѣ. Си спрашныя явленiя напоминають мнѣ мрачную Мисологiю Скандинавовъ, копорымъ божеспво являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человекеспво. —

Лѣса Финляндскiе непроходимы; они распушь на камняхъ. Вѣчное безмолвiе, вѣчный мракъ въ нихъ обипаеишь. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновениемъ бури, заграждають пущь предпримчивому охопнику. Въ сей ужасной и бесплодной пущыишь, въ сихъ проспранныхъ вершепахъ, пущникъ слышишь только рѣзкiй крикъ площад-

ной птицы; завыванія волка, ищущаго добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою всеокрушающаго времени; или ревъ испочника, образованнаго снѣгомъ, кошорый снѣглою прошекаешъ по каменному дну между скалъ гранишныхъ, быспро превозмогаешъ всѣ препяшствія и увлекаешъ въ печеніи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! — Посмотри далье: огонь небесный, или неушомимая рука пахаря зажгли сей боръ; опаленныя сосны, испоргнушыя изъ упробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ ошъ сего огнища: все это образуешъ каршину споль дикую, споль мрачную, чшо пупешественикъ невольню содрогаешся и спѣшишь опдохнушь взорами или на ближнемъ озерѣ, кошорое величественно дремлетъ въ оплогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ вошь жуешъ сочную и густую шраву, орошенную водами испочника. —

Какіе народы населяли въ древноспи землю сію? — Гдѣ признаки ихъ

бытія?—Гдѣ слѣды ихъ? — Время все изгладило; или сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и Исторія, начерпавшая малѣйшія событія спранъ полуденныхъ и воспочныхъ, молчипъ о народахъ Сѣвера. — Но существовали народы сіи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобынной природы, или изгнанники изъ спранъ щасливѣйшихъ: * они населяли сіи пещеры, пипались млекою звѣрей, и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, или побѣду надъ врагомъ, изъ черепа кошораго (спрашное воспоминаніе!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сынала иней и снѣга, тогда дикіе чада лѣсовъ выходили изъ договищей своихъ, и пролагали путь по морьямъ Гинерборейскимъ къ новымъ пущынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палицей, они идущъ

* Руны, кошорыя я видѣлъ въ Финляндіи и пошомъ въ Швеціи, принадлежашъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ. До сихъ поръ Историки не могушь ушвердительно сказашъ, кшо были первые обитатели Финляндіи.

войной на спада пустынныхъ чудовищъ; ихъ мчашъ быстрые олени; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ, они сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ кровавую шрапезу! — Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и смерть и жизнь, — не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ изшупленіи наполняютъ крикомъ лѣса — и эхо повсюду гласъ ихъ въ пространной пустыни. — Но сіи пустыни, сіи вершины, сіи непроходимые лѣса, въ среднихъ вѣкахъ, повсюду гласъ Скальда. — И здѣсь Поэзія разсыпала цвѣты свои: она смягчила нравы, укронила звѣрство и упѣшила спраждущее человѣчество своими волшебными пѣснями о бѣгахъ, о герояхъ, о лучшемъ мірѣ, и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались во едино, составили селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій. —

Можешь бышь на сей скаль, осѣненной соснами, у подошвы кошорой ды-

ханіе зефира колеблеть глубокія воды залива, можешь бышь на сей скаль воздвигнушь былъ храмъ Одена. Здѣсь Поэпъ любишь мечшапъ о временахъ пропекшихъ и погружаешься мыслями въ оныя вѣки варварства, великодушія и славы; здѣсь съ удовольствіемъ зриаешь онъ на волны морскія, нѣкогда спруимыя кораблями Одена, Арпура и Гаральда; на сей мрачный горизонтъ, по копорому носились шѣни почившихъ вниязей; на сіи камни, оспакки съдой древноспи, на конхъ видны шайнспвенные знаки, рукою неизвѣспною начертанные. Здѣсь, погруженный въ сладкую задумчивоспъ —

Въ полночный часъ
Онъ слышитъ Скальда гласъ
Прерывистый и томный.
Зришь: юноши безмолвны

Склоняся на щисы, спояшь кругомъ коспровъ,
Зажженныкъ въ полъ брани;
И древній Царь нѣвцовъ
Просперъ на арфу длани,
Могилу указавъ, гдѣ Вождь героевъ спишь:
„Чья шѣнь, чья шѣнь, гласишь
Въ священномъ изспупленъи, —

Тамъ съ дѣвами плывешь въ шуманныхъ обла-
кахъ ?

Се ты, младый Иснелъ, иноплеменныхъ спрахъ,
Со славою падшій на сраженьи!
Миръ, миръ тебѣ, Герой!
Твоею сѣкирою спальной
Пришельцы гордые побишы...
Но ты днесь палъ на грудахъ шѣлъ!
Опъ шучи вражьихъ спрѣлъ,
Палъ вишязь знаменишый!

И се... ужъ надъ шобой Посланицы небесны,
Валкирии прелестны,
На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарми, коняхъ,
Съ злаными копытами въ рукахъ,
Въ безмолвіи спустились!

Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ — и вновь
Глаза твои открылись:
Течешь по жиламъ кровь
Чистѣйшаго эѳира;
И ты, безплошный духъ,
Въ страны безвѣсны міра
Летишь спрѣлой... и вдругъ!

Открылись предъ шобой шѣ радужны чертоги,
Гдѣ угошоваи для сонма храбрыхъ Боги
Любовь и вѣчный пиръ. —

При шумѣ горныхъ водъ и шихосшрунныхъ
лиръ,

Среди полянь и свѣжихъ сѣней
Ты будешь поражашь шамъ скачущихъ еленей
И златорогихъ сернь. —
Склонясь на зланный дернь!

Съ дружиною младою,
 Тамъ снова съ арфою злашою
 Въ воспоргѣ Скальдъ поешъ
 О славѣ древнихъ лѣшъ.
 Поешъ, и храбрыхъ очи,
 Какъ звѣзды тихой ночи,
 Ушѣхою блестяшъ.
 По вечерь пришекаешъ —
 Часъ нѣги и прохладѣ, —
 Гласъ Скальда замолкаешъ;
 Замолкъ — и храбрыхъ соимъ
 Идешъ въ Оденвъ домъ,
 Гдѣ дочери Верисшы
 Власы свои душисшы;
 Раскинувъ по плечамъ,
 Прелеспницы младыя,
 Всегда полунагія,
 На пиршесшва гостямъ
 Обильны ясшвыносяшъ,
 И пищу умильно просяшъ
 Изъ чаши сладкій медъ. . . .

Такимъ образомъ и въ снѣгахъ, и
 подъ суровымъ небомъ, пламенное во-
 ображеніе создавало себѣ новый міръ, и
 украшало его прелесными вымыслами.
 Сѣверные народы съ избыткомъ ода-
 рены воображеніемъ: сама природа ди-
 кая и неплодная, непоспоянспво спи-

хій и образъ жизни, дѣятельной и уединенной, дающъ ему пищу. —

Здѣсь царство Зимы. — Въ началѣ Октября все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину; иней падаетъ въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ упреннѣ морозѣ, блистаютъ радугю, отражая солнечные лучи тысячею пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ взираетъ на опустошеніе зимы; едва явився и уже погружено въ багровый шуманъ, предвѣстникъ сильной снужи. Мѣсяць, въ печеніе всей ночи, изливаетъ сребренныя лучи свои и образуетъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, обледенныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище сія необыкновенная пишина и въ воздухѣ и на землѣ! — Повсюду безмолвіе! Робкая лань шорошко пробирается въ чащу, отрясая съ роговъ

своихъ оледенѣлый иней; спадо шепере-
вей дремлетъ въ глубокой тишинѣ
лѣса, и всякій шагъ спранника слы-
шенъ въ снѣжной пущинѣ.

Но и здѣсь природа улыбается (ве-
селою, но крашкою улыбкаю.) Когда снѣга
распаяли отъ теплаго лѣшняго вѣпра
и яркихъ лучей солнца; когда воды съ
шумомъ ушекли въ моря, образовавъ
въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ,
тысячи водопадовъ; тогда природа
примѣнно выходитъ изъ лѣтоснаго
и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ
озимыя поля одѣваются зеленымъ бар-
хашомъ, луга душистыми цвѣтами.
Ходъ расшительной силы примѣшенъ.
Сегодня все мертво, завтра все цвѣ-
шетъ, все благоухаетъ. Народныя
басни всегда имѣють основаніемъ исти-
ну. Древніе Скандинавы полагали, что
Одень, сей великій чародѣй, чуткимъ
ухомъ своимъ слышитъ, какъ вес-
ною прозябають травы. Конечно бы-
строе, почти невѣроятное ихъ возра-
станіе подало поводъ къ сему вымы-
слу. — Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно

пріятны. Дню предшесивуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ величіи на концѣ озера, позлащенного внезапно румяными лучами. Пустынные птицы радостно сопрясаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу: рѣзвые бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подѣ шѣнь березокъ, распущихъ на оплогомъ берегѣ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера злыми чешуями, между шѣмъ какъ мѣлкіе жищели влажной стихіи играютъ спадомъ у подошвы скаль или близъ песчаного берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медлѣнно умираютъ на граничныхъ скалахъ, копорыхъ цвѣтъ измѣняется безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жищели сихъ предеспныхъ пустынь) по плаваютъ на поверхности озера, по кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Спада дикихъ ушокъ и крикливыхъ журавлей лепшатъ въ сосѣднее болопо, и важныя лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣл-

сплвуютъ вечернее солнце. — Оно погружается въ безднѣ Бопническаго залива, и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, воцарился въ пущынѣ. . . Но какой предметъ для кисти Живописца: рашный спанъ, расположенный на сихъ скалахъ, когда лучи мѣсяца проливаются на упругденныхъ рашниковъ и скользящъ по блестящему мешалу ружей, сложенныхъ въ пирамиды! — Какой предметъ для Живописи и сіи великіе огни, здѣсь и тамъ раскладенные, вокругъ копорыхъ воины полпящя въ часы холодной ночи? Эпопъ лѣсь, хранившій безмолвіе можешъ бынѣ опъ созданія міра, вдругъ оживляешя при внезапномъ пришествіи полковъ. Войско расположилось; все приходилъ въ движеніе: пуки зажженной соломы, переносимые съ одного мѣста на другое, пылающіе коспры хворосша, древніе пни и часпо цѣлыя деревья, внезапно зажженныя, опъ копорыхъ густыи дымъ клубилъ и восходилъ до небесъ: однимъ словомъ, движеніе рашныхъ снарядовъ, ржаніе и шопопъ коней, блескъ оружія, и смѣшенные голоса воиновъ, и звуки бара-

бана и копнои пубы; все эшо представляешъ зрѣлище новое и разишельное! Вскорѣ гласы умолкають; огонь пылающихъ коспровъ потушаешъ; рапники почили, и прежнее безмолвіе водворилось: — изрѣдка прерываемо оно шумомъ горнаго водопада, или просяжными опшкликами часовыхъ, расположенныхъ на ближнихъ вышинахъ, прошивъ ла-теря непріательскаго: мѣсяць, склоняясь къ своему западу, освѣщаешъ уже безмолвный станъ. —

Теперь всякій шагъ въ Финляндіи ознаменованъ происшествіями, копорыхъ воспоминаніе и сладосно и при-скорбно. Здѣсь мы побѣдили; но цѣлые ряды храбрыхъ легли, и вопъ ихъ могилы! Тамъ упорный непріатель вы-бишь изъ укрѣпленій, прогнанъ; но эши уединенные креспы, вдоль песчанаго берега или вдоль дороги водруженные, эшошь рядъ могилъ Русскихъ въ спра-нахъ чуждыхъ, опдаленныхъ опъ ро-дины, кажешся, говоряшь мимоидущему воину: и тебя ожидаешъ побѣда — и смершь! — Здѣсь на каждомъ шагу вспрѣ-

чаемъ мы или оставленную бапарею, или древній замокъ съ гошическими оспрыми башнями, копорья возбуждающъ воспоминаніе о древнихъ рыцаряхъ; или передовой непріапельскій лагерь, или мосшь недавно выжженный, или опустыльную деревню. Повсюду слѣды побѣдъ нашихъ, или слѣды вѣковъ, давно прошекшихъ, — пагубные слѣды войны и разрушенія! — Иногда лагерь располагается на оплогихъ берегахъ озера, гдѣ до сихъ поръ спокойный рыбакъ бросалъ свои мрежи; иногда видимъ рвы, бапареи, укрѣпленія и весь снарядъ воинскій близъ мирной кущи селянина. Разипельная прошивуподожностъ!

Финляндія, 1809.

VIII.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВЪ ЗАМОКЪ СИРЕЙ.

ПИСЬМО ИЗЪ ФРАНЦІИ КЪ Г. Д.

Изъ деревни Болонь, лежащей близъ города Шомона, я поскакалъ верхомъ въ Сонкуръ, гдѣ ожидали меня Б. де Д. и Г. П., съ кошорыми на канунъ уговорился я посѣпить замокъ Сирей и поклониться пѣнямъ Вольпера и его пріятельницы. Въ окрестностяхъ Сирей назначены были кварширы, нашему опряду; полки пянулись по дорогѣ, и мы ихъ опередили въ ближнемъ селеніи. Сначала погода намъ вовсе не благопріятствовала: холодный и рѣзкій вѣтеръ наносилъ снѣгъ и дождь; наконецъ небо прояснилось и солнце освѣпило прекрасныя долины, роци и горы. Мы проѣхали чрезъ мѣстечко Виньори, гдѣ замѣтили развалины весьма древняго

замка на высококомъ утесѣ, копорый господствуетъ надъ селеніемъ и близълежащими долинами.

Ein bethürmtes Schloss, voll Majestät,
Auf des Berges Felsenstirn erhöht!

Кому принадлежитъ эпопѣ замокъ?— спросилъ я у спарика, сидящаго на порогѣ сельскаго домика, плѣсно примыкающаго къ развалинамъ. „Какой-то спарой дворянкѣ“ опвѣчалъ онъ, приподнявъ красный колпакъ, спарый, изношенный, и копорый конечно игралъ большую ролю въ бурные годы революціи. Это замѣчаніе я сдѣлалъ мимоходомъ, и продолжалъ вопросы: Когда построень замокъ? — „Во время Шампанскихъ Графовъ, сказывалъ мнѣ покойный дѣдъ *. Храбрые рыцари искали

* Французы и шеперь мало заботятся о древнихъ памятниклахъ. — Развалины, временемъ сдѣланныя, ничего въ сравненіи съ опустошеніями революціи: бурныя времена прошли, но невѣжство или корыстолобіе самое варварское пережили и революцію. Одинъ путешественникъ, копорый недавно объѣхалъ всю полуденную Францію, увѣрялъ

здѣсь убѣжища отъ народныхъ возмущеній и укрѣпили замокъ башнями, рвами, палисадами. Время и революція все разрушили. Здѣсь не одна была революція, господинъ Офицеръ! не одна

меня, что цѣлые замки продаются на свозъ, и такимъ образомъ вдругъ уничтожаются драгоценные историческіе памятники. Напрасно Правительство хотѣло остановиться сіи свяшопашства; ничто не помогало, ибо для нынѣшнихъ Французовъ ничего нѣтъ ни священнаго, ни свашаго, — кромѣ денегъ, разумѣется. Какая разница съ Нѣмцами! Въ Германіи вы узнаете отъ крестьянина множество историческихъ подробностей о малѣйшемъ остаткѣ древняго замка или гошической церкви. Всѣ Рейнскія развалины описаны съ возможною историческою точностію учеными путешественниками и Художниками, и сіи описанія вы нерѣдко увидите въ хижинѣ рыбака или земледѣльца. Пришомъ же Нѣмцы издавна любяшь все сохраняшь, а Французы разрушають: вѣрный знакъ съ одной стороны добраго сердца, уваженія къ законамъ, къ нравамъ и обычаямъ предковъ; а съ другой стороны, легкомыслія, суешности и жестокаго презрѣнія ко всему, что не можешь насытить корысшоплюбія — ошца пороковъ.

одна революція! Я на вѣку моемъ пере-
 жилъ одну; тяжелыя времена. . . не лучше
 нынѣшнихъ. Посадили дерево вольно-
 сти. . . . я самъ имѣлъ честь садить его,
 вошь шамъ, на зеленомъ лугу. . . Разорили
 храмы Божіи. . . у меня рука не подни-
 малась на злое! . . . Но чѣмъ же эшо все
 кончилось? Дерево срубили, а надписи
 на паперіи церковной: *вольность, брат-*
ство или смерть — мѣломъ забѣлили.
 Чего я не насмотрѣлся въ жизни? и
 неприятели на родинѣ моей увидѣлъ,
 и съ офицеромъ *Козацькимъ* шенерь раз-
 говариваю! Чудеса! по совѣсти чу-
 деса!“ — Ты разорился ошъ войны, доб-
 рый старичокъ? — „Много поспрадалъ,
 а бѣдные сосѣди еще болѣе. Мы все
 желаемъ мира.“ — О! мы знаемъ эшо: но
 Императоръ вашъ не желаетъ. — „Пря-
 мой Корсиканецъ! Знаете ли, что онъ
 объявилъ намъ?“ — Здѣсь старикъ пока-
 чалъ головою, посмотрѣлъ на меня при-
 сшально, и—конечно ошъ робости заик-
 нулся. — Говори, говори! — „Охошно,
 если прикажете. Императоръ. . .“ (эшо
 было сказано важнымъ и шоржесшвен-
 нымъ голосомъ) „Императоръ объявилъ

намъ, что онъ не хочеть пракшовать о миръ съ плѣнными; ибо онъ почишаеть васъ въ плѣну. Онъ нарочно завель васъ сюда, чтообы испребинь до послѣдняго человѣка: это была военная хипросшь, понимаете ли? военная хипросшь, ни что иное. . . Но вы смѣшесь; . . . и намъ это смѣшно показалось, такъ смѣшно, что мы Префекпа, прїѣхавшаго сюда съ эшимъ объявленіемъ, камнями и грязью закидали. Il s'en souviendra! Но вамъ пора догоняшь поварищей. — Добрый нушь, господинъ офицеръ!“

Размышляя о спранномъ характерѣ Французовъ, копорые смѣются и плачуть, рѣжуть ближнихъ, какъ разбойники, и дають себя рѣзать, какъ агнцы, я догналь моихъ поварищей.

Чась ошь часу дорога спановилась прїяшнѣ: холмы, одѣные виноградникомъ и плодоносными деревьями, между коими мелькали прїяшные сельскіе домики, напоминали намъ Саксонію, благословенныя долины Дрездена, мѣста очаровательныя! Разговаривая съ поваріщами

и любуясь красою видовъ, мы непримѣнно проѣхали нѣсколько миль; каждый замокъ, каждое мѣстечко мы принимали за Сирей и смѣялись своей ошибкѣ. Наконецъ, поворотя въ правую большую дороги, вдоль по рѣчкѣ Блезь, мы увидѣли жилище славной Нимфы Сирейской, копорой одно имя раждаетъ столько пріятныхъ воспоминаній. . . .

Во спа шагахъ отъ селенія возвышается замокъ на высокому усупѣ; кругомъ — роши и куспарники. Все просто, но природа все украсила.

Къ замку примыкаетъ Англійскій садъ и нѣсколько пѣнистыхъ аллей, къ копорымъ никогда не прикасались ножницы, даже въ пѣ времена, когда безжалостный Ленопръ оспригаль боскелы Версальскіе, когда послѣдній провинціальный дворянинъ разсаживалъ по шнуру смиренныя акаціи и овощи въ своемъ огородѣ. Вольперъ, говоря о замкѣ Сирейскомъ, описывая красоту его окрестностей — кажется въ письмѣ къ Королю Прусскому — прибавляетъ:

Trop d'art me révolte et m'ennuie:
J'aime mieux ces vastes forêts!

Эти леса и понынь украшаютъ Сирей своєю дикосцію. Замокъ сохранилъ древнюю наружность; можно оплечить новыя присройки и балконы. Они принадлежатъ къ Вольперову времени. На крупной кровль (a la Mansarde) я замѣнилъ нѣкопорыя украшенія и высокія продолговатыя шрубы, обложенныя льпыными изображеніями, похожія на шрубы замка Pont-sur-Seine, принадлежащаго Лепици, мапери Наполеона. Мы вошли въ Сирей и удивились обширнымъ заламъ, убраннымъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Наружность того не обшчала. —

Замокъ принадлежитъ Гжъ де Семіанъ, женщины весьма умной, нѣкогда прекрасной. Онъ былъ разграбленъ въ революцію и послѣ того времени все спроеіе возобновлено. * Къ сожалѣ-

* По опсшупленіи Русскихъ, Сирей былъ снова разграбленъ Французами, за шо именно, что Русскіе варвары его пощадил!

ню, мы нашли мало слѣдовъ прежней обдашельницы и ея славнаго друга, кошорый, какъ говоришь Лебрюнь, *утомила стогласную Славу* —

Въ столовой нѣсколько каршинъ, изображающихъ звѣрей и охоту. Эша живопись, довольно пріятная, существовала уже при Маркизѣ, и мы сморгъли на нее съ большимъ удовольствіемъ. Пройдя нѣсколько покоевъ, въ правомъ флигелѣ замка намъ отворили дверь въ залу Вольшеру. —

Здѣсь мы нашли большой мраморный камень, плоть самый, кошорый согрѣвалъ Вольшера; нѣсколько новыхъ мебели: клависинъ, маленькій органъ и два комода. Окны до полу. Двѣ круглыя стеклянныя двери въ садъ: одна изъ нихъ украшена надписями, на камнѣ высѣченными. На фроншонѣ мы прочитали *Виргиліевъ стихъ: Deus nobis haec otia fecit*, изъ первой *Эклоги*; на косякѣ нѣсколько стиховъ изъ *Попе*, кошораго Вольшеръ всегда любилъ, и наконецъ:

Azile des beaux arts, solitude où mon coeur
 Est toujours occupé dans une paix profonde,
 C'est vous qui donnez le bonheur,
 Que promettoit en vain le monde.

спихи, написанные Вольперомъ въ счастливую минушу наслажденія душевнаго, въ глазахъ божественной Эмили, единственной женщины, кошорую онъ любилъ наравнѣ со славою, кошорой онъ былъ обязанъ всѣмъ, и кошорая достойно гордилась дружбою творца Заиры. * Изъ оконъ сей залы видны ближнія деревни и два ряда холмовъ, заключающихъ прелесную долину, по кошорой извивается рѣчка Блезъ. Въ глубокомъ молчаніи и я и поварщици долго любовались пріятнымъ видомъ отдаленныхъ горъ, на кошорыхъ пошехали лучи вечерняго солнца.

* Напрасно мы искали въ саду мраморнаго Амура, кошорый нѣкогда стоялъ подъ балкономъ, съ надписью изъ Антологіи: *Qui que tu sois, voici ton maître*, и пр. кошорую перевелъ Г. Дмишривъ:

Кшобъ ни былъ ты, пади предъ нимъ:
 Былъ, есть, иль будетъ онъ владыкою
 швоимъ!

Можешь бышь совершенная пишина, царспвующая вокругъ замка, печальное спокойствіе зимняго вечера, зелень, кое-гдѣ одѣшая снѣгомъ, высокія сосны и древніе кедры, осѣняющіе балконъ густыми, наклоненными вѣтвями, и едва колеблемые дыханіемъ вечерняго вѣтра, наконецъ сладкія воспоминанія о жипеляхъ Сирея, кошорыхъ имена принадлежашь Ишоріи, кошорыхъ имена опѣдѣшсва намъ были драгоценны — погрузили насъ въ шихую задумчивосшь. —

„Здѣсь Фернейскій мудрецъ — шакъ воскликнулъ Г. Р-нъ, жипель Сирея, прервавъ наше молчаніе: здѣсь славнѣйшій мужъ своего вѣка, чудесный, единспвенный, кошорый, какъ говоряшь, вырѣзывалъ на мѣди для попомсва, * кошорый все зналъ, все сказалъ, ** кошорый имѣлъ доброе, рѣдкое сердце, умъ гибкій, обширный, блестящій, способный на все, и наконецъ,

* Qui gravoit pour la postérité — выраженіе Паллисоша, если не ошибяюсь.

** Qui a tout dit, — Шашобрианъ, говоря о Вольшерѣ.

характеръ вовсе несообразный ни съ умомъ его, ни съ сердцемъ — здѣсь онъ жилъ, сей Прошей ума человѣческаго; здѣсь во цвѣтѣ лѣтъ своихъ наслаждался онъ уединеніемъ и свободою, которыми зналъ цѣну, и долго не покидалъ ихъ для *коронованной Сирены*, для рукоплесканій, и для прихожей Г-жи Помпадуръ. Спранный человѣкъ! Онъ многое предвидѣлъ, многое предсказалъ въ полшникѣ; но могъ ли онъ предвидѣшь, что нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, вы придете въ замокъ Эмилии съ оружіемъ въ рукахъ, съ толпою жителей береговъ Волги и людей піющихъ воды Сибирскія; и что тамъ, гдѣ Маркиза прекрасною рукою поливала макъ, розы и лилеи, кормила голубей ячменемъ, вошь у эшой самой голубяшнн — что тамъ, гдѣ она любила опдыхашь подъ шѣнью древнихъ кедровъ, у входа въ *Заирину* аллею, * гдѣ Вольшеръ у ногъ ея въ восторгѣ чиналъ первые

* И до сихъ поръ одна аллея называется *Заириною*. Тамъ сочинялъ Вольшеръ свою прегедію.

стихи безсмертной трагедіи, и искалъ похвалъ и одобренія въ голубыхъ глазахъ своей Ураніи, въ божественной ея улыбкѣ: шамъ, милосливые государи, шамъ вы распавише часовыхъ съ ужасными усами, гренадерь и козаковъ, кошорые приводяшь въ шренешъ всю Францію. . . ?“ — Мы засмѣялись словамъ Г. Р-на, и онъ продолжалъ, понизивъ немного свой голосъ.

„Здѣсь долгое время былъ счастливъ Вольшеръ въ объятіяхъ Музъ и попечительной дружбы. Тамъ, гдѣ я обитаю, земной рай, писалъ онъ къ пріятелю своему Теріо. — Немудрено! Предсхавъше себъ лучшее общество, ученѣйшихъ людей во Франціи, придворныхъ, оспроумныхъ Поэшовъ — такихъ напрімѣръ, какъ С. Ламберъ, кошорый умѣлъ соединяшь любезность съ глубокими свѣденіями, Философію съ людкостію, и въ кругу такихъ людей — Маркизу, кошорая умѣла все одушевишь своимъ присущствіемъ, всему давала неизьяснимую прелесшь: и вы будете имѣшь поняшіе о земномъ раѣ Вольшера. Она

чудо во Франціи! говорилъ Вольперъ.* Умъ необыкновенный, лице прекрасное, душа Ангела, ошкровенность ребенка и ученость глубокая: — все было очаровашельно въ эпоху волшебницъ! Она, вопреки Г-жѣ Жанлисъ, вопреки Журналисту Жоффруа и всѣмъ врагамъ Философіи, была доспойна и пламенной любви С. Ламбера и дружбы Вольпера, и славы вѣка своего. Здѣсь Маркиза кончила жизнь свою, на лонѣ дружештва. Всѣ живели плакали о ней, какъ о нѣжной, попечительной мащери. Убѣднхъ память въ сердцѣ: они еще благословляли прахъ ея, когда Липшеращоры наши начали возмущашь его спокщисвѣе клеветашами и пощыднымъ ругашельщивомъ. Но Вольперъ былъ неущшенъ. Вы помните его письмо, въ кошоромъ онъ изъ Баръ-Сюръ-Оба увѣдомляешь о болѣзни и пощомъ о смерти Маркизы. Безпорядокъ эпого письма

* Madame du Châtelet sera comptée au rang des choses qu'il faut voir en France, parmi celles, qu'on y regrettera toujours, писалъ Вольперъ къ Кейзерлингу.

доказывалъ его глубокую горестъ. И могъ ли онъ не сожалѣть объ утратѣ единственной женщины, о которой и вы, иноспранцы, — неприятели, говорите съ любовію, съ уваженіемъ!“

Нашъ учинивый пушеводитель продолжалъ бы болѣе рѣчь свою, если бы не позвали къ обѣду.

Споловая была украшена Русскими знаменами. . . Но мы утѣшили пугливыя пѣни Сирейской Нимфы и ея друга, прочитавъ нѣсколько стиховъ изъ Альзиры.

Такимъ образомъ примирились мы съ Пенамами замка, и съ нѣкоторою гордостію, проспишительною воинамъ, въ пѣхъ покояхъ, гдѣ Вольшеръ написалъ лучшіе свои стихи, мы читали съ восхищеніемъ Оды Пѣвца Фелицы и бессмертнаго Ломоносова, въ которыхъ вдохновенные Лирики славянтъ чудесное величіе Россіи, любовь къ Отечеству сыновъ ея и славу меча Русскаго.

C'est du Nord à présent que nous vient la lumière.
Ошь Сѣвера шеперь сіяеть свѣтъ наукъ.

Обѣдъ продолжался долго. Вечеръ заспалъ насъ, какъ Героевъ древняго Омера, съ чашею въ рукахъ, и въ сладкихъ разговорахъ, основанныхъ на опроверженности сердечной, извѣстныхъ болѣе добродушнымъ воинамъ, нежели вамъ, жителямъ Сполиты и блестящаго большаго свѣта.

Но мы еще воспользовались сумерками: обошли нижнее жильё замка, гдѣ живешь Г-жа де Семіанъ; осмошрѣли ея библиотеку, — прекрасный и сирогій выборъ лучшихъ Писателей, составляющихъ любимое чтеніе сей умной женщины, достойной племянницы Г-жи дю Шапле: любезность, умъ и красота наследственны въ этомъ семействѣ. Есть другая библиотека въ нижнемъ этажѣ; она, кажется, предоспавлена гостямъ. Древнее собраніе книгъ, важное по многимъ отношеніямъ, совершенно расхищено въ революцію. — Вольперовыхъ книгъ и не было въ замкѣ со времени его опьѣзда; по смерти Маркизы онъ увезъ съ собою книги, ему принадлежавшія, и нѣ-

кошорья рукописи. Надобно ѣхашь въ Ферней, говорилъ Г. Р-нь; шамь можешь бышь находящися сии драгоценности. — Надобно ѣхашь въ Пешербургъ, замъшилъ справедливо Г. П.; въ Эрмишажъ и рукописи и библіотека Фернейскія.

Спужа увеличилась съ насшупленіемъ ночи. — Въ Вольперовой галлерей мы развели большой огонь, кошорой не могъ насъ согрѣшь совершенно. Передъ нами на столѣ лежали всѣ Вольперовы сочиненія, и мы чипали съ большимъ удовольствіемъ нѣкошорья мѣсша его переписки, въ кошорыхъ онъ говоритъ о Г-жѣ дю Шапле. Въ шумѣ военномъ пріяшно опдохнушь мыслями на предметъ, столъ любви достойномъ. — Глубокая ночь заспала насъ въ разговорахъ о прошекшемъ вѣкѣ, о Великой Екашеринѣ, лучшемъ его украшеніи, о ссорѣ Короля Прусскаго съ своимъ Камергеромъ, и пр. у шого самаго камна, на шомъ самомъ мѣсшѣ, гдѣ Вольперъ сочинялъ свои Посланія къ славнымъ современникамъ, и шѣ без-

смертные списки, для копорыхъ единственно проспишь его памяши справедливо раздраженное попомство. — Г. П. былъ въ восхищеніи. — Наконецъ надобно было разспашься и думашь о поспелѣ. Миѣ отвели комнапу въ верхнемъ жилѣѣ, весьма покойную, но гдѣ съ шрудомъ можно было развеспи огонь. Старый ключникъ объявилъ миѣ, чпо въ эпомъ покоѣ обыкновенно живесть Г. Монпешкью, родспвенникъ хозяйки, весьма умный и благосклонный человекъ; и чпо онъ, ключникъ, радуешя шому, чпо миѣ доспалась его спальня. Vous avez l'air d'un bon enfant, mon officier, продолжалъ онъ, дружелюбно ударивъ меня по плечу. Прекрасно; но опъ его *утиностей* комнапа миѣ не показалащ пещлѣ. Во всю ночь я раскладывалъ огонь, проклиналъ Французскіе камины, и шолько на разсвѣтѣ заснулъ *желѣзнымъ* сномъ, позабывъ и Вольшера, и Маркизу, и войну, и всю Францію. —

Проснувшись довольно поздно, подхожу къ окну, и съ гореспью смо-

пру на окреспность, покрывшую снѣгомъ.

Я не могу изъяснить того чувства, съ копорымъ стоя у окна, высчитывалъ я всѣ переменны, случившіяся въ замкѣ. Сердце мое сжалось. Все, что было пріятно моимъ взорамъ на канунѣ, — и луга, и рощи, и рѣчка близъ пекущая по долину между веселыхъ холмовъ, украшенныхъ садами, виноградникомъ и сельскими хижинами, — все нахмурилось, все уныло. Въперъ шумишь въ кедровой роцѣ, въ темной аллеѣ *Заирной* и клубишь сухіе лисья вокругъ цвѣтниковъ, испопшанныхъ лошадми и обезображенныхъ снѣгомъ и грязью. Въ замкѣ напрошивъ того тишина глубокая. Въ каминѣ пылають два дубовые корня и приглашають меня къ огню. На столѣ лежатъ письма Вольперовы, изъ сего замка писанныя. — Въ нихъ все напоминаетъ о временахъ прошедшихъ, о людяхъ, копорые всѣ исчезли съ лица земнаго съ своими спрасями, съ предразсудками, съ надеждами, и съ печалами, неразлучными

спутницами бѣднаго челоувѣчества. Къ чему столько шуму, столько беспокойства? къ чему эта жажда славы и почестей? спрашиваю себя, и спрошусь найши отвѣтъ въ собственномъ моемъ сердцѣ.

Н а д р у г о й д е н ь .

Ввечеру я проснулся съ товарищами, какъ будто предчувствуя, что ихъ долго, долго не увижу. Печалень

Come navigante

Ch'a detto a dolci amici addio. —

На дворѣ ожидалъ меня козакъ съ верховою лошадыю. *Поздно мы пустились въ путь!* сказалъ онъ, какъ мершвецъ въ Балладѣ. Чшо нужды? отвѣчала я, дорога извѣсна. При шомъ же...

Вошь и мѣсяць величавой

Встала надъ шихою дубравой. —

Топоншь конскихъ ногъ раздался по мосшовой обширнаго двора. Мы удалились опъ замка... Между шѣмъ ночь спановилась темнѣе и темнѣе. Съ прудомънаходилимы дорогу, пробирались по высокимъ горамъ дремучимъ лѣсомъ въ

виду древняго замка Виньори, гдѣ Австрийцы расположились биваками посреди лошадей и высокихъ фуръ въ различныхъ положеніяхъ, доспѣйныхъ кнѣзи Орловскаго. Одни спокойно спали на соломѣ, кошорая начинала загораться; другіе распѣвали Тирольскія и Богемскія пѣсни вокругъ пылающаго пня, кошорый осыпалъ ихъ искрами при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра; другіе оборачивали вершель съ большою часнею барана, въ ожиданіи шоварищей, кошорые толпились вокругъ маркишанша, разливающаго имъ вино и водку. Одѣяніе и лица ихъ еще спрашнѣе казались; освѣщенные пламенемъ бивака, и напоминали мнѣ Вааленштейновъ лагерь, описанный Шиллеромъ, или Сбировъ Сальвадора-Розы. — Изъ Виньори мы поворошили вправо по дорогѣ, проложенной по лѣсу. Поднялась спрашная буря: конь мой ошъ спраху оспанавдывался, ибо вдали раздавался вой волковъ, на кошорой собаки въ ближнихъ селеніяхъ ошвѣчали проняжнымъ лаемъ. . . .

Вопшъ, скажете вы, прекрасное предисловіе къ рыцарскому походу! Бога ради, сбейся съ пуши своего, избавь какую нибудь красавицу опшъ разбойниковъ, или заѣзжай въ древній замокъ. Хозяинъ его, спарый дворянинъ, роялишь, если шебъ угодно, примешь шебя какъ спранника, угоспишь въ залъ Трубадуровъ, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцырями, мечами и шлемами; хозяйка осыплеть шебя ласками, спанешь спрашивать о родинѣ швоей, будешь выхвалять дочь свою, прелесшную, томную Агнесу, копорая пошупя глаза, покраснеть какъ роза — а за десертномъ, въ угожденіе родителямъ, запоешь древній романсъ о древнемъ рыцарѣ, копорый въ бурную ночь нашель пристанище у невѣрныхъ — и проч. и проч. и проч. Напрасно, милый другъ! — Со мной ничего подобнаго не случилось. Не стану слѣдовать похвальной привычкѣ путешественниковъ, не стану украшать истину вымыслами; а скажу просто: чпо не желая ночевать на дорогѣ съ волками, я пришпорилъ моего коня и

благополучно возвратился въ деревню
Болонь, откуда пишу эпи спроки въ
сладоспной надеждѣ, что онѣ напо-
мянѣ вамъ о спранѣствующемъ прія-
тель. — Сказанѣ походѣ — вдали слы-
шны выспрѣлы. — Простите! —

26 Февраля, 1814.

IX.

ДВѢ АЛЛЕГОРІИ.

I.

Еслибъ доспапокъ позволялъ мнѣ исполнять по волѣ всѣ мои прихоти, то я побѣжалъ бы къ Художнику N. съ полнымъ кошелькомъ, и предложилъ ему двѣ *мысли* для двухъ картинъ. Вообще аллегоріи холодны, особливо тѣ, которыми Живописцы хотѣли изобразить историческія происшествія; но мои будущи говорилъ разсудку, потому что онѣ ясны и прочны: онѣ будущи говорилъ воображенію и сердцу, если Художникъ выразишь то, что я шеперь мыслю и чувствую.

Напишишь, сказалъ бы я Живописцу, — который до сихъ поръ не написалъ ничего оригинальнаго, а только рабски подражалъ Рафаелю; но который можешь изобрѣстишь, ибо имѣешь умъ, сердце и воображеніе, — напишишь мнѣ

Генія и Форшуну, обрѣзывающую у него крылья.

Х. А! Я васъ понимаю! (*немного подумавъ*) Вы хотѣли изобразить жес-спокою побѣду несчастія надъ шалан-шомъ. — Генія Живописи. . .

Я. Я не назначаю именно какого Генія; отъ васъ зависитъ выборъ: Генія По-эзии, Генія Войны, Генія Философii, Науки или Художества, какого вамъ угодно; только Генія пламеннаго, пыл-каго, наполненнаго гордостью и себя-познанiя, котораго крылья неушоми-мы, котораго взоръ орлиный прони-цаетъ, объемлетъ природу, ему подчи-ненную; котораго сердце ушопаетъ въ сладострасiи чистѣйшемъ и неизъяс-нимомъ для простаго смертнаго, при одномъ помышленii о добродѣтели, при одномъ именованii славы и безсмертiя.

Х. (*Съ радостiю взявъ мѣлъ, подбѣ-гаетъ къ грунтованному холсту*). Я васъ понимаю, очень понимаю. . .

Я. Я увѣренъ, что Художникъ N. меня пойметъ, когда дѣло идетъ о славъ.

Х. (*Взявъ меня за руку и краснѣя при каждомъ словѣ*). Вы не повѣрите, какъ я люблю славу: спѣшно признаюсь; но вы хопише... (*терпите мѣломъ абрисъ фигуры*) вы хопише...

Я. Генія. Чшобъ изобразить живо, какъ я его чувствую, прочитайше жизнь Ломоносова, эшого рыбака, копорый, по словамъ другаго Поэта, изъ проспой хижины шагнулъ въ Академію; прочитайше жизнь Петра Великаго, копорый самъ себя создалъ и попомъ Россію; прочитайше жизнь чудеснаго Суворова, копорого душу, сердце и умъ природа ошлала въ особенной формѣ, и попомъ изломала ее въ дребзги; взглянише, если угодно, на пворенія вашего Рафаеля, въ памяши копорого помѣщалась вся природа! Напшавши воображеніе идеаломъ величія во всѣхъ родахъ, пишше смѣло; вашъ Геній будешъ Геній, а не фигура Академическая. Теперь вообразите себѣ, чшо онъ борется съ враждебнымъ рокомъ; занушайше его ноги въ сѣняхъ нещасія, брошенныхъ коварною рукою

Форшуну; пусть сльная и жесткокая богиня обрѣзываетъ у него крылья съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ Лахетиса прерываетъ иишь жизни героя, или лучшаго изъ смертныхъ, — Сократъ или Моро, Ласъ-Казаса или Еропкина, благодѣтеля Москвы.

Х. Я разумѣю. Форшуну изображу, какъ обыкновенно: съ повязкою на глазахъ, съ колесомъ подъ ногами.

Я. Это ваше дѣло! Теперь замѣните, что побѣжденный Геній пошущаетъ свой пламенникъ, Нѣшь крыльцевъ, нѣшь и пламенника!

Х. Справедливо.

Я. Но за то, нѣшь слезъ въ очахъ, ни малѣйшихъ упрековъ въ уснахъ божественнаго. Чувство негодованія, и — если можно слыть другое чувство, совершенно шому прошивное — сожалѣніе объ упраченной Славѣ, которая съ ужасомъ направляетъ полень свой, куда персшь Форшуну ей указуетъ.

Х. Геній мой будетъ походитъ на Аполлона Дельфійскаго. . .

Я. Если бы Аполлонъ промахнулся, мѣняя въ чудовище, то выраженіе лица его могло бы имѣть нѣкоторое сходство съ лицомъ несчастнаго Генія, у кошораго Форшуна обрѣзала крылья.

Х. (*Задулавшись, и лопотомъ съ глубокимъ вздохомъ*). Я васъ понялъ совершенно: Художникъ не всегда былъ бальвнемъ Форшуны. Мы все, дѣти Аполлоновы, меньше или больше боролись съ несчастіемъ. Многіе побѣдили его, многіе упрямили свои крылья въ жестокій борьбѣ, и пламенникъ шазанна пошухъ самъ собою. Вы будете довольны карпиною. Теперь - же спану ее компоновашь. Просише. —

II.

Я. Картина ваша прелестна! Для васъ Геній не пошушилъ своего пламенника, когда вы изображали его божественное лице.

Х. Я доволенъ: но спросише у меня, какъ я спрадалъ! Сколько печальныхъ мыслей бродило въ головѣ моей, когда

я изображалъ Генія, попушившаго пламенникъ свой, и лице эшой неумолимой, безразсудной Форцуны, кошорая, исполняя доиъ свой, такъ спокойна! *ибо не въдаетъ, что пвоимтъ!* — она съ повязкою на глазахъ. Върнше ли, что сердце мое обливалося кровью, при одной мысли объ участи Художниковъ, кошорые въ опечесствъ своемъ не находяшъ пропшанія. . .

Я. (Разсматривая картину). Прекрасно! . . . Но знаете ли, что можно воскресить вашего Генія?

Х. (Съ радостію) Воскресить?

Я. Выслушайте меня: я шель однажды въ дикомъ лѣсу и пошерялъ дорогу. Выхожу на свѣшъ, вижу пещеру, освещенную густыми вѣшвами, и въ эшой пещерь . . . вашего Генія.

Х. Моего Генія?

Я. Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости, опершись на одну руку. Пошухшій свѣшльникъ лежалъ у ногъ, а кругомъ — обрѣзанныя крылья, кошорыя развѣвально пустынный вѣшеръ, съ шу-

момъ пролетающій въ пещерѣ: я ужаснулся.

Х. Далѣе. —

Я. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди сирадалца; онъ взглянулъ на пошухшій пламенникъ, и мнѣ показалось, что слезы его падали на холодный помостъ пещеры.

Х. Слезы, одному дарованію извѣстныя! Такъ плакалъ умирающій Рафаель! Далѣе...

Я. Вдругъ вся пещера освѣсилась необыкновеннымъ сіяніемъ. Вспунаются два божества: Любовь и Слава. За ними влечется окованная Форшуна.

Х. Опять эша слѣпая колдунья!

Я. Вы ошибаетесь. Любовь оковала ее, сдернула повязку съ очей и привела въ пещеру, гдѣ сирадалъ бѣдный Геній.

Х. Я воображаю удивленіе Форшуны, кошорая въ первый разъ въ жизни разглядѣла тлущость, сдланную въ слѣпошъ.

Я. Слава отдаетъ свои крылья Генію; Любовь зажигаетъ его пламенникъ; Геній прощаетъ изумленной Форшунѣ,

и въ лучахъ торжественнаго сіянія
воспаряешь медлѣнно къ небу.

Х. Вошь карпина!

Я. Вы угадали. — Берите живописную кисть вашу.

Х. Я напишу эту карпину. Эша ра-
бота облегчитъ мое сердце... Такъ!
надобно, непременно надобно воскре-
ситъ бѣднаго Генія!

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ.

Письмо къ Редактору Вѣстника Европы.

Пускай утверждаютъ, что хопяпъ, прихонливые люди и спрогіе умы; а я утверждаю, М. Г., что Науки и Словесность у насъ въ самомъ блистательномъ соснояннн. — Укажу вамъ на книгопродавцевъ. Посмотрите, какъ они разживаются: *по домикъ выстроитъ, по кулятъ деревеньку*. Чѣмъ же? — Торговлею. Какою? Книжною. Слѣдственно у насъ пишуць, у насъ читають, и изъ одного слѣдствія къ другому я могу вывести, что Словесность Русская въ самомъ цвѣтущемъ соснояннн. Вонъ что хонгъль я доказать и что вы знаете безъ моихъ доказательствъ; ибо вы, М. Г., наблюдаете постоянно ходъ нашихъ успѣховъ, какъ Аспрономъ наблюдаетъ теченіе любимой пла-

непсы. Вы замѣшили конечно, что мы заняли всѣ пуши къ славѣ, и многія машеріи исчерпали до дна, такъ что нашимъ пошомкамъ надобно будетъ умирашь отъ жажды. — Просише мнѣ это выраженіе, и сосчишайше со мною Эпическія Поэмы, въ честь Петра Великаго написанныя. — Счишайше отъ Ломоносова до Сл.скаго и далѣе, отъ кедра до сосновъ, и замѣшьте, что всѣ Поэмы исполнены красотъ, что въ нихъ все было сказано, кромѣ того только, что Ломоносовъ намѣревался сказать, и не успѣлъ: но это сущая бездѣлка! Теперь прошу взглянуть на обширную область Талии и наконецъ Мельпомены, которая безпрестанно обогащается новыми пріобрѣтеніями и скоро испошитъ всю священную древность отъ сотворенія міра. — У Французовъ одна Ашалія; у насъ, благодаря усердію Писателей, не одна праведія переноситъ насъ въ землю Иудейскую. Я ни слова не скажу о Россійскомъ Оеапрѣ, на которомъ основана слава нашихъ праошцевъ; о журналахъ, романахъ и пр., изданныхъ на-

зядь пому двадцашь лѣтъ и болѣе. — Ихъ маю чашають; но время доказало, что они безсмертны: они уцѣляли въ пожарѣ Спѳлицы. Добро не горить, не понешъ — говорить пословица. Сердце мое дрожитъ отъ радости, когда я начинаю исчислять на досугъ всѣ наши сокровища. Тогда я похожу на Аншикварія, кошорый, не дѣлая никакого употребленія изъ своего золотиа, любуется имъ и говоритъ: вошь червонецъ! вошь рубль! вошь старинная монеша! шакого-шо года! при шакомъ-шо Царь! Кшо ее опливаль? изъ какого рудника эшо золотио? кшо употребляль эшу монешу? А я говорю: вошь Трагедія 1793 года! Кшо ее писалъ? кшо чиналь ее? — Творца не мудрено отъ искашь по шворенію; но чинашелей найши не легко: мы еще не любимъ *опегественнаго*. Чшо нужды мнѣ до другихъ! Я день и ночь роюсь въ моихъ книгахъ; разшавляю ихъ по порядку хронологическому, и горжусь моимъ богатшвомъ. Чего у насъ нѣтъ? Боже мой! Найдите хошя одинъ предметъ, одну опрасль ума человекешаго, кошо-

рую бы мы *не обработали* по своему? Поэзии — море! и поле Краснорѣчія необозримое! — Загляните только въ Журналы, но безъ предубѣжденія, и вы найдете — сокровища! Здѣсь похвальное слово шакому-то, шамъ надгробное слово шакому-то; здѣсь привѣщивіе, шамъ благодарный гласъ общества: *и все то благо, все добро!* Всѣ Герои, всѣ Полководцы, всѣ Писатели увѣнчаны пальмами Краснорѣчія, и шагають торжественно въ храмъ безсмертія. — Мы не ограничили себя великими людьми; мы хвалили даже блохъ, * и будемъ хвалишь все, что пресмыкается и ползаешъ въ царствѣ живошныхъ. — И шакъ мудрено ли, что какому-то чудачу вздумалось написать Похвальное слово Сну? Случай мнѣ доставилъ исправный списокъ и вовсе непохожій на шопъ, которій напечатанъ въ вашемъ Вѣспникѣ. Если вы найдете, что чинашели ваши не заснушь надъ эшимъ панегирикомъ, то покорнѣйше прошу напечатанъ его въ Журналъ и сохра-

* Смощри Вѣспникъ Европы 1810 года. —

ннпъ для попомства, которе конечно благодарнѣе современниковъ, зависпливыхъ, спрощихъ и вовсе неспособныхъ цѣннпъ дарованія. Это не мои слова, М. Г., а моего пріятели Н. Н... который пишеть стихи и прозу, но только не печатаетъ ихъ въ вашемъ Журналѣ, и пошому вамъ неизвѣснень. —

Имѣю честь бытъ и проч.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 18... году, лѣтъ нѣскольکو до нашествія просвѣщенныхъ и ученыхъ Вандаловъ на Москву, жилъ на Прѣсенскихъ прудахъ нѣкто Н. Н.; оригиналь весьма отличный отъ другихъ оригиналовъ Московскихъ. — Всю жизнь провелъ онъ лежа, въ совершенномъ бездѣйствіи шѣлесномъ и, сколько возможно было, душевномъ. Умъ его, хотя и образованный воспитаніемъ и прилѣжнымъ чтеніемъ, не хотѣлъ, или не въ состояніи былъ побѣднть упрямую напуру. — Имѣя большой доспашокъ при щаспливыхъ, общояшельспвахъ (копорья единственно могутъ сохранить въ полношъ характеръ человека), онъ не имѣлъ нужды покоряпсь условіямъ общеспва и шребованіямъ должностей. Онъ дѣлалъ, что хотѣлъ; а хотѣлъ одного спокойспвія. — Великій Конде говаривалъ: если бы я былъ царемъ моей постели, то никогда бы съ нее не вспавалъ. — Нашъ оригиналь былъ совершенный царь своей постели. — Цѣлой день онъ лежалъ по на одномъ

боку, но на другомъ, и всю ночь лежалъ! Рѣдко, очень рѣдко мы видѣли его сидящаго у окна съ длинною Турецкою птрубкою, въ Татарскомъ, или Кишайскомъ шлафрокъ, и то когда онъ занимался домашними дѣлами. Два чшеца попеременно читали ему книги; ибо лѣнь не позволяла заниматьса самому чтеніемъ: но лѣнь не мѣшала дѣлать добро. Онъ сыпалъ золото нищимъ, и подѣ непроницаемою корою безспрашнаго спокойствія шалъ горячее сердце. Въ уединенномъ кварталѣ города онъ воспитывалъ на свой счетъ двѣнадцать бѣдныхъ дѣвушекъ, кормилъ и одѣвалъ нѣсколько заслуженныхъ воиновъ и — спранные дѣла! — не лѣнился посѣщать ихъ по воскреснымъ днямъ. „Опъ этого лучше спишся!“ — говорилъ онъ шѣмъ, кошорые выхваляли его благошворительность. — Равнодушный ко всему, онъ слушалъ спокойно самыя важнѣйшія новости; но при разсказѣ о несчастномъ семействѣ, о спрадани челоѣчеспва, вдругъ оживлялся, какъ разбишый параличемъ опъ прикосновенія элекшрическаго прущика.

Впрочемъ онъ былъ самый безспра-
 сный *автоматъ*: никого не обижалъ,
 ни съ кѣмъ не заводилъ шаяббы, ни
 надъ кѣмъ не смѣлся, никому не про-
 шиворѣчилъ, не имѣлъ никакихъ спра-
 сшей: спросить его была лѣнь. Скучалъ
 ли онъ? Утвердительно оприцаешь не
 могу; но заключаю, что скука ему
 была извѣсна, и вопъ по какому
 обстоятельству. — Однажды онъ по-
 слалъ за мною. „Садись или ложись на
 диванъ;“ сказалъ онъ, указывая на Ту-
 рецкую поспелю: „я намѣренъ ѣхать
 въ деревню, и воспользоваться пер-
 вымъ весеннимъ воздухомъ. Снѣгъ рас-
 паялъ и спукъ по московой карешъ и
 дрожекъ начинаешь меня беспокоить.
 Но въ деревнѣ не лѣзя бышь безъ обще-
 ства; сосѣди мои люди дѣшительные; съ
 ними надобно говоришь, ѣздишь на охо-
 шу, заводишь шаяббы, миришь, ссоришь
 и пр. и пр. . . о! это меня разспроишь
 совершенно! Двери на крюкъ сосѣдямъ.
 Съ кѣмъ же я буду убивать время?
 Съ такими друзьями, какъ ты, напри-
 мѣръ!“ Я привсала и хошѣлъ благо-
 дарить за учтивость; но лѣншвецъ мой

замахалъ обѣими руками и продолжалъ. „Я знаю въ Москвѣ человѣкъ до шести, людей пріятныхъ въ обществѣ, и совершенно праздныхъ. Двое изъ нихъ могутъ назваться по справедливости добрыми людьми. Лѣность не позволяетъ другимъ пускаться на злыя дѣла: и это хорошо! Мы пригласимъ ихъ къ себѣ. Но теперь надобны женщины: вошь истинное затрудненіе. Безъ женщинъ общество мужчинъ скоро наскучитъ. . . А гдѣ найши женщинъ лѣнливыхъ?“ — Боже мой! какъ не найши! — вскричалъ я. „То есть лѣнливыхъ по моему образу мыслей;“ возразилъ Н. Н., покачавъ головою и насуя брови: „ихъ языкъ вѣчно дѣяшелевъ, въ вѣчномъ движеніи; это ригушь, это бѣлка на привязи у колеса, это маешникъ, копорый. . . (лѣность или доброша сердца не дозволили кончить сравненій). Но пакъ и бышь, продолжалъ лѣнливый съ глубокимъ вздохомъ: я согласенъ пригласить вдову пріятеля моего Генерала А. съ двумя дочерьми, добрыми и любезными дѣвушками. Дружба меня едѣлаешь снисходительнымъ. Толстая

жена опкушника нашего Ж. съ племянницею; лѣнивая Софья, ея дородная сестра, не будутъ лишнія. Впрочемъ мы не наскучимъ другъ другу: свобода все украситъ. Обществу мое пусть называютъ какъ хочешь Московскіе наемѣшники; но оно будетъ приятно мнѣ и господамъ. Возьми же листъ бумаги, милый другъ, и пиши учрежденіе общества лѣнивыхъ.“ — Я взялъ перо и бумагу; и написалъ подѣ дикшапурою нашего лѣнизя условія, подѣ коими всѣ члены согласились подписать свои имена, и мы на канунѣ 1го Мая отправили въ подмосковную. . .

Въ шестидесяти верстахъ отъ города, на концѣ густаго сосноваго лѣса, котораго покойствіе ни что не можетъ нарушить, стоитъ большой господской домъ, архипекшуры изрядной. Къ нему примыкаетъ озеро, усѣянное островами. Вдали синѣетъ колокольня уѣзнаго городка и нѣсколько деревень. Кажется, что все было пожертвовано мирной обители: всѣ службы, начиная съ кухни до конюшни,

расположены въ нѣкошоромъ разспояніи одна опъ другой и закрышы рошицами. Передъ окнами большія *плакущія* ивы, березы и цвѣшники, засѣянные Кишайскимъ макомъ. — Здѣсь все посвящено лѣни, все пипаетъ ее, все приглашаетъ ко сну: подъ каждымъ спариннымъ деревомъ дерновая скамья; въ каждой бесѣдкѣ канане, или пошпель, съ большими занавѣсами и со всѣми предошпорожносшиями опъ комаровъ и мошекъ; а на дверяхъ надпись изъ нашего Циндара - Анакреона:

Сядь, милый гѣшь! здѣсь на пуховомъ
 Диванѣ мягкомъ, опдохни;
 Въ семь шонкомъ пологу, перловомъ,
 И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
 Вздремли послѣ шола немножко:
 Пріятно часикъ похрапѣшь!
 Злашой кузнечикъ, сѣра мошка,
 Сюда не могушь залешѣшь! —

Ни крикъ пѣшуховъ, ни спукъ шопора, ни шопошь, ни конское ржаніе, ничшо не нарушаетъ глубокаго молчанія. — Кромѣ ручья, журчащаго подъ навѣсомъ берега, кромѣ озера, кошорое ласкаетъ шихимъ плесканіемъ пологіе

берега свои, вы ничего не слышите. Сія пищина бываетъ прервана, или очарована роговою музыкою, которая при закатѣ солнца провожаетъ умирающій день, и нѣжными, сладосными и пропяженными звуками пригошляешь сладкое усыпленіе и веселыя мечты хозяину помѣстья. — Но это рѣдко случается; ибо онъ боится безпокою своихъ музыкантовъ. — У него нѣтъ ни одного дѣятельнаго или суешливаго человѣка: все подчинено какимъ-то правиламъ особеннаго порядка; одинъ поваръ имѣетъ право разнообразнаго наслажденія Эпикурейца. Я не стану описывать его дома. — Каждый угадаетъ, что онъ покоенъ, шепель и не слишкомъ свѣшель, ибо Архипекшоромъ располагалъ по своей волѣ приходливый хозяинъ. Но одна зала доспойна вашего замѣчанія. — Ея большія полуовальные окна освѣнены со всѣхъ сторонъ густыми вѣшьями вязовъ и липъ, копорыя въ Іюнь наполняютъ бальзамическимъ испареніемъ своихъ цвѣтовъ окресный воздухъ. Всѣ сѣны обширной залы украшены карпинами.

Двѣ — изображаютъ Идилліи изъ золотѣ-
 оу вѣка; другія рожденіе Морфея, его пе-
 щеру и владычество его надъ небомъ
 и землею. Здѣсь видите Смерть въ видѣ
 усыпленнаго Генія; тамъ Эрмینیю,
 опцдыхающую у насуховъ; спящаго
 Эндиміона, который, кажется, весь
 осребренъ сіяніемъ влюбленной Діаны,
 и во снѣ вкушаетъ сладости, неизьясни-
 мыя языкомъ смертнаго. Здѣсь вы ви-
 дите мальчика, уснувшаго на краю
 колодца; Форшуна поддерживаешь его
 рукою, но такъ оспорожно, что, ка-
 жется, боится разбудить безпечнаго:
 прелестное изображеніе счастливецевъ
 и баловней слѣпой богини, которые
 забываются на краю своей гибели! На-
 конецъ, на колоннадѣ, украшающей
 преддверіе залы, вы читаете имена
 знаменитыхъ лѣнливцевъ: Лукулла, Сар-
 данапала, Анакреона, Лафоншена, Шо-
 ліо, Лафара, пусть же имена Русскихъ
 Стихотворцевъ, и имя того, который
 вынесетъ прелестныя Басни и Комедіи,
 и неборимую лѣноснѣ свою умѣетъ
 украшать прочнѣйшими цвѣтами По-
 эзіи и Философіи.

Въ этой залѣ открыто первое засѣданіе Общества лѣннвыхъ; нѣсколько словъ было сказано хозяиномъ; поданъ имъ знакъ, и одинъ изъ членовъ, Орашоръ лѣннвыхъ, произнесъ похвальное слово Сну.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ.

Пока еще сладосный сонъ не сомкнулъ рѣсницъ вашихъ, и подуопкрытые глаза могутъ взирать на Орашора, лежащаго на мягкомъ пуховикѣ, посреди храмины, посвященной лѣноспи, почтенные слушатели и прекрасныя слушательницы! преклоните ухо ваше къ словамъ моимъ. — Не грозныя бипвы, не шумъ воинскій, не гибельные подвиги Героевъ, обрызганныхъ кровію, подвиги, клонящіеся къ опняшію сна у бѣдныхъ челоуковъ, нѣтъ! я хочу выхвалять способность спать; и ежели душа есть источникъ прекрасныхъ мыслей, то повѣрьте, что рѣчь моя, испекающая изъ оной, должна вамъ нравиться: ибо душа моя исполнена любовію къ благодарному богу лѣсовъ Кимвернскихъ. —

(Громкія рукоплесканія раздались въ залѣ. Орандоръ покраснѣлъ опъ радосши. Женщины шептали между собою и поглядывали на него съ усмѣшкою. Хозяинъ закричалъ: вниманіе! вниманіе! какъ членъ Парламента, пребующій вниманія посреди шумнаго народа, когда Фоксъ и Пиннъ разсуждали о войнѣ или мирѣ. — Все умолкло, и Орандоръ продолжалъ):

Вы улыбаешесь, слушатели, вы опдѣляете медлѣнно головы свои опъ мягкихъ подушекъ, чшобы не пропустишь ни одного слова краснорѣчиваго Виши; и я, ободренный симъ геройскимъ подвигомъ, смѣлю всшупаю въ обширное морѣ краснорѣчія, бурное море, въ кошоромъ погибала слава многихъ новѣйшихъ и древнихъ говоруновъ. —

Кшо не спить, слушатели, кшо не вкушаетъ сладосши сна? Злодѣй, пресшупникъ! нбо и невинный, приговоренный къ смерши, и нешасный спрададецъ подъ бременемъ бѣдосши и зла, — и они смыкають вѣжды свои,

омоченныя слезами и они усыпляютъ свои горести. — Сладостное усыпленіе, истинный даръ небесъ, оставшійся на днѣ сосуда неоспороженной Пандоры! ты вмѣстѣ съ надеждою, швоею сестрою, украшаешь жизнь волшебными мечтами!... Ахъ! сонъ есть свидѣтель и порука совѣсти нашей! *Сонъ, надежда, и добрая совѣсть*, какъ три Харишны неразлучны: они суть братья и сестры одного семейства. Бросьте взоръ свой на сего спящаго младенца: (здѣсь Орапоръ — указалъ на картину). Это ангелъ, который покоится на лонѣ невинности; розы горятъ на ланищахъ малюшки; уста его улыбаются... они ищутъ, кажется, поцалуевъ матери: дыханіе ихъ легко и сладостно, какъ дыханіе упренята вѣшерка, посъпившаго благоуханную розу.

Спи же, малюшка! пока спрасти и люди, *ненавистники сна* не лишили тебя способности спать, и пока Форшуна поддерживаешь тебя благодѣтельной рукою на краю зіяющей бездны!

Взгляните на сонъ благошворительнаго смершнаго: онъ тихъ и спокоенъ, какъ ночь весенняя. (Орапоръ взглянулъ на хозяина, котораго съ шрудомъ могъ сокрышь сладкія слезы на глазахъ). Душа его, которой ничто не препяшсвуешъ излишься наружу, дышешъ на его устахъ, на ясномъ чель его, даже на опущенныхъ рѣсницахъ. — Сердце его *утолаешъ* въ веселіи, пульсъ его ударешъ тихо и ровно, — онъ щасливъ, онъ совершенно благополученъ: ибо онъ учинилъ доброе дѣло, ибо сонъ напоминаетъ ему несчастнаго, котораго онъ извлекъ изъ пропасти, съ которымъ плакалъ наединъ. — Кажешся, Ангель-хранитель присушествуешъ у ложа праведника и олгоняешъ благошными крилами мечшы и призраки; кажешся, сама Надежда сылаешъ на него цвѣшны свои обильною рукою, и онъ, сказашъ ли горькую истину? онъ просыпаешся едвали столько щасливъ: ибо первый взоръ его часшо, очень часто встрѣчаешъ неблагошарнаго. Чшо нужды? онъ уже наслаждался во снѣ!

(Мы замѣтимъ, что хозяинъ, вздохнувъ очень горестно, прошепсала между прочимъ: друзья мои! я жалѣю оцъ искренняго сердца о томъ, кто не заснулъ послѣ добраго дѣла).

Взгляните теперь на орашая, кошорый засыпаешъ на жесткомъ ложѣ; взгляните на поденщика, кошорый, окончивъ трудъ свой, бросаешся на голый камень, и съ ношею плечъ своихъ слагаешъ все бремя душевное; взгляните на рапника, упружденнаго походомъ, дождемъ, холодомъ: онъ нѣсколько дней сражался со стихіями и со смертію, кровь и потъ лились ручьями, голодъ изнурялъ его; — но онъ заснулъ — и все забыло, и онъ щасливѣе Сапрапа, засыпающаго понкимъ сномъ на персяхъ воспочной Одалиски. Скажите мнѣ теперь: что награждаешъ спрадалицевъ сихъ за труды, потъ и раны? Конечно не скупныя награды царей и вельможъ, но сонъ, благодѣшель челоувковъ!

Кто изъ насъ не любилъ, и кто не спалъ вопреки любви своей?

(Послѣ этого вопроса крашкое молчаніе. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ пошупила черные глаза, другая покраснѣла. Старая вдова А. открыла шабашку и поднесла ее съ ласковою улыбкою хозяину, усмиривъ на него спрашивные взоры, кошорые, казалось дѣлали слѣдующій вопросъ: — и ты любишь меня въ молодости, другъ мой, но любовь не лишала тебя сна; не правда ли? — Орапоръ продолжалъ).

Сладоспень сонъ любовника: онъ видишь бархашные дуга, орошенные ручьями, сады Армидины, царство Луны и Сильфовъ; всѣ предметы и всѣ мѣста укращены присущивіемъ его возлюбленной. Вездѣ она съ нимъ, ходишь рука съ рукою, вездѣ неразлучна, и въ хижинѣ, и въ палашахъ, и въ обществѣ, и въ пущынѣ. Сонъ и самыя печали услаждаетъ. Любовница тебѣ измѣнила, или новая Галадея невнимательна къ швоимъ пѣснямъ; цѣломудренна какъ Цинція, или какъ Зиновія, едва, едва склоняешь къ тебѣ суровые взоры?.. Упѣшься, печальный спрадалецъ! я не

спану шебѣ совѣшовашь вооружашься терпѣніемъ Снѣжка, или пошопляшь любовь свою въ чашѣ вина, * или забьшь въроломную. Но никто не ошнймаль у шебя сна, никто не лишаль шебя способности усыплять сердце швое посредствомъ сладостныхъ мечтаній? Спи же, любовникъ, спи опъ вечера до ушра, опъ ушра до вечера, и, къ наказанію швоей каменной Лауры, шы върно когда нибудь проснешься съ прежнимъ спокойшвіемъ, съ прежнимъ равнодушіемъ; ибо сонъ, успокоивая спрашпи, истребляеть даже ихъ вредное начало. Чшо ешь сердце наше? Море. Удержи дыханіе въшровъ, и оно спокойно.

(Море — сердце — дыханіе въшровъ — спокойно! . . повшорали слушашели, и громкія рукоплесканія раздались въ залѣ).

Природа, благая мать смершныхъ! шы пачинаешь наказывать прешупника, оскорбштеля правъ швоихъ, прежде за-

* Ou bien buvez, c'est un parti fort sage. Volt.

коновъ человѣческихъ. — Взгляните на юношу, который въ первый разъ нарушилъ священные законы нравственности: взоръ его пасмурень, нешершливъ; онъ ищетъ чего-то, ибо убѣгаень самаго себя, сего *внутренняго полубога*, котораго мы носимъ въ груди своей; онъ ищетъ разсѣянiя въ шумномъ свѣпѣ, въ опасныхъ удовольствiяхъ, и горе ему, если новыя пресупленiя изгладятъ слѣды первыхъ! Но если, ведомый рукою совѣсти, онъ скроется на минушу отъ взоровъ человѣческихъ, и тамъ, въ безмолвномъ уединенiи, предастся размышленiю: то слезы — вѣспники добраго сердца — слезы раскаянiя омочатъ его ланины, душа его успокоится, прояснѣетъ, подобно мутной водѣ, яснѣющей отъ времени въ чистомъ сосудѣ; душа его придетъ въ лучшее соспоянiе, и сонъ, — награда великаго, добраго дѣла, — сонъ заключитъ его въ *мягкія объятiя*: ибо сонъ, во преки всѣмъ наблюдателямъ спрасней человѣческихъ, идетъ непосредственно за первымъ раскаянiемъ, — явная премудрость попечительнаго Промысла,

кошорый врачуешь язвы сердца нашего посредствомъ благошворнаго усыпленія.

Но теперь, какія ужасныя картины представляются взорамъ нашимъ? Преспуникъ, преспуникъ закоренный въ злодѣянїяхъ! Гласъ оскорбленной природы подобно грому раздался въ его сердце, и гласъ сей былъ ужасенъ: *Злодѣй! ты не будешь слаты!* Вотъ приговоръ пиранамъ, сластолюбцамъ, рупниелямъ спокойствія общеспвеннаго! Повторимъ сильныя слова Лапшинскаго Спихотворца: „Уже ли спрашный ревь быка Фаларидова, уже ли мечъ, прищипленный къ зланию крову и висящій надъ главою вѣчнаго пирана, спрашнѣе, ужаснѣе грызеній совѣсти того нещаснаго, кошорый блѣднѣя говоришь, и сидѣшь тихо, что жена, лежащая съ нимъ на одномъ ложѣ, слышашъ не можешъ: я бѣгу, бѣгу къ погибели?“⁶⁶ Знали ли сонъ Діонисей Сиракузскій и шѣ изверги природы, шѣ ряды вѣчныхъ злодѣевъ Рима, кошорыхъ, какъ говоришь Расинъ, одно имя есть ужа-

сная обида ужасному пирану? Вкушаль ли сонъ и шотъ щасливый злодѣй Бришани (Кромвель), кошораго жизнь была загадка, кошорый, подобно древнему пирану, укрывался каждый день въ новомъ убѣжищѣ? Между шѣмъ какъ Герой Сѣвера, сей великій мужъ, кошораго жизнь доспойна пера Плушархова, — ибо малѣйшее его дѣяніе ешь подвигъ ума — между шѣмъ, говорю я, какъ Суворовъ спалъ на плащѣ подъ ошкрытымъ небомъ, въ виду огней непріятельскихъ и на канунъ рѣшишельнаго сраженія!

И такъ, почщенные слушатели! способность снашь во всякое время ешь признакъ великой души. (Надобно замѣлишь, что это весьма поправилось собранію лѣнивыхъ). Древность, неисчерпаемый источникъ истины и басень, древность, хранилище опытности, развершываешь передъ нами свои харшіи. — Примѣры обильны и убѣдительны. Александръ на канунъ ужасной битвы съ Даріемъ засыпаетъ ввечеру; Парменионъ принужденъ его

будить; ибо знамена Персскія блискали уже вблизи стана Греческаго. Кашонъ имѣлъ привычку засыпать при наступленіи опасности; ибо ничто не могло поколебать великаго духа Героя Споковъ. *Mediis tempestatibus placidus*. Августъ спитъ мертвымъ сномъ во время упорнаго морскаго сраженія, происходившаго у береговъ цвѣтущей Сициліи. Марій — и что всего чудеснѣе — Марій засыпаетъ подъ деревомъ во время послѣдней битвы съ Силлою, и тогда только сонъ покидаетъ неуспрашаемаго вождя, когда сонмы непріятелей обратили въ бѣгство его воинство. Гибельный сонъ, но не менѣе того славный! Мудрый Эпименидъ, если вѣришь Исихорикамъ (*когда не вѣришь имъ, то вѣришь ли кому?*) проспалъ 57 лѣтъ сряду; и я вамъ клянусь Геродотомъ, опцомъ лѣтописцевъ, что есть народы на Сѣверѣ, которые спятъ въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ, подобно суркамъ, не просыпаясь. Ученые ошыскали, что сіи народы обитали въ Россіи; и это не подлежитъ шеперь

ни какому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ въ обществѣ нашемъ.

Изъ всего мною сказаннаго ясно извлекается слѣдующее заключеніе: сонъ есть признакъ великаго духа и доброй души. Доброй души, — ибо сонливый человекъ не способенъ дѣлать зла, которое требуетъ великихъ усилій, безпокойства и безпреспанной дѣятельности. — Посмотрите, какъ говоритъ о безнечномъ снѣ Лафонненъ, жертвовавшій ему половиною жизни своей, и котораго добродушіе вошло въ пословицу:

Je ne dormirai point sous de riches lambris:
 Mais voit-on que le somme en perde de son
 prix?
 En est-il moins profond, et moins plein de
 délices?
 Je lui voue au desert de nouveaux sacrifices.

Но почему сонъ есть спихія лучшихъ Поэтовъ? отъ чего они предаются ему до издешества, забываютъ все — и славу, и попомство, и золотое правило древности, которое говоритъ именно, что праздность безъ науки — смерть, *otium sine litteris mors*

est? Вопросъ важный, достойный вниманія мудрецовъ и копорого я рѣшишь не смѣю, боясь вооружить противъ себя неусыпныхъ, но усыпительныхъ Писателей, которые — о свяшопашество! — и самое божество Ночи * оскорбляютъ кропаніемъ стиховъ. Знаю только, что Поэты всегда прославляли сладость сна; подобно нѣжнымъ дѣвкамъ, ласкающимъ добраго родителя, они давали ему множество пріятныхъ названій: сонъ утѣшитель смертныхъ! опрадный! тихій! сладостный и пр. Начиная отъ Омара, всѣ они, всѣ до одного описывали меньше или больше, хуже или лучше сіе успокоеніе души и шѣла. Тибулль, копорого вся жизнь была одно сладостное мечтаніе безъ пробужденій (проснише мнѣ это выраженіе), Тибулль не въ одномъ мѣстѣ выхваляетъ сонъ. — Я всегда съ живымъ удовольствіемъ привожу на память стихи его:

Подъ шѣнію древесной ошдыхаю,
Копорая меня прохладою даритъ.

* У древнихъ Ночь была сгарѣйшимъ всѣхъ божествомъ.

Сквозь солнце иногда дождь мѣлкой чуюсь
шумишь :

Я слушаю его, помалу погружаюсь
Въ забвеніе и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь.

Дмитріевъ.

Какая истинная любовь къ наслажденіямъ спихимъ! какая любовь ко сну!
Далѣе:

Иль въ мрачну, бурну ночь въ объятіяхъ
драгой

Не слышу и грозы, шумящей надо мной!
Вошь сердца моего желанья и утѣхи!

Дмитріевъ.

Первые два спиха показываютъ масштапера наслаждаешься; послѣдній принадлежитъ къ малому числу спиховъ, написанныхъ оныи души.

Ахъ! почтенное сословіе сонныхъ! если бы я не боялся прапы времени, кошорое можно посвящать съ шакою пользою на сонъ; . . .

(И въ самомъ дѣлѣ Орапоръ началъ замѣчать нѣкошорую наклонность ко сну въ своихъ благосклонныхъ слушащеляхъ. Лучшія, краснорѣчивыя слова,

имбюшь спранное дѣйствіе на лѣни-
выхъ духомъ, дѣйствіе, подобное жур-
чанію ручейка: сперва ирвляшся, а по-
томъ клоняшъ ко сну).

...Еслибъ шомные глаза ваши не пока-
зывали, что онъ вамъ шановишся ну-
жиѣ краснорѣчивѣйшаго панегирика....
(Этомъ вторый членъ длиннаго пе-
ріода былъ прерванъ сперва званіемъ
слушашелей, а потомъ и самаго Ора-
тора, который однакожъ сдѣлалъ герой-
ское усиліе и продолжалъ): то вѣрнобъ
я предложилъ вамъ убѣдительное срав-
неніе двухъ народовъ: одного воин-
ственнаго, другаго мирнаго; одного,
жрвождающаго дни и ночи на спражѣ съ
копьемъ въ рукахъ; другаго, изгнавшаго
изъ предѣловъ своихъ все, что кло-
нишся къ нарушенію сна: и пѣшуховъ,
вѣспниковъ ушра, и шумныя Художе-
сшва, и снаряды воинственныя; — я
сдѣлалъ бы сравненіе Спаршанцевъ со
щасшливыми Сибаришами, и сравне-
ніе мое клонилось бы въ пользу послѣд-
нихъ; — я доказалъ бы, что нѣшъ ща-
стїя въ дѣяшельности народной, и чрезъ

но открылъ бы несповѣдимыя истины
и новое поле Полншикамъ, поле вовсе
незвѣстное.

(При словѣ *Полншика*, хозяинъ на-
чалъ зѣвать такъ сильно, что Орашоръ
съ трудомъ кончилъ):

Но я вижу, что Морфей сыплетъ
на васъ зернистый макъ свой! Я ощу-
щаю и самъ тайное присушествіе бога
Киммеринскаго. Крыле его сопрясаяють
благовонную росу на любимцевъ. . . .
Перси его смыкають уста мои. . . языкъ
косиѣшь. . . и я засыпаю.

Любитель сна Дормидонъ Тихинъ.

ХІ.

АРІОСТЬ и ТАССЪ.

Ученіе Италіянскаго языка имѣеть особенную прелесть. Язык' гнбкій, звучный, сладоспный, языкъ воснишанный подь щаспливымъ небомъ Рима, Неаполя и Сициліи, среди бурь полипическихъ и попомъ при блестящемъ дворѣ Медисовъ, языкъ образованный великими Писателями, лучшими Поэтами, мужаи ученыи, Полипиками глубокомысленными,—эпошъ языкъ сдѣдался способнымъ принимапъ всѣ виды и всѣ формы. Онъ имѣеть характеръ, опличный опъ другихъ новѣйшихъ нарѣчій и коренныхъ языковъ, въ копорыхъ менѣ или болѣ примѣпна суровость, глухіе или дикіе звуки, медлѣнность въ выговорѣ и нѣчно принадлежашее Сѣверу.—Великіе Писатели образуюшъ языкъ; они даюшъ ему нѣкоторое направленіе, они оспавляюшъ на

нѣмъ неизгладимую печашь своего Генія: но обратнo, языкъ имѣетъ вліяніе на Писателей. Трудносшь выражаешь свободно нѣкоторыя дѣйствія природы, всѣ ошпѣнки ея, всѣ измѣненія, оспанавливаешь не рѣдко перо искусное и опышное. — Аріосшь, напримѣрь, выражаешь свободно, описываешь вѣрно все, что ни видишь, (а взоръ сего чудеснаго Протешя обнимаешь все мірозданіе); онъ описываешь сельскую природу съ удивительною точносшю, благовошнные луга и роши, прохладные ключи и пещеры полуденной Франціи, — лѣса, гдѣ Медоръ ушомленный нѣгою почиваешь на сладосшномъ лонѣ Анжелики; роскошныя чершogi Альцины, гдѣ Волшебница сіаешь между Нимфами (*si come è bello il sol più d'ogni stella!*); все живешь, все дышешь подъ его перомъ. Переходя изъ шона въ шонъ, ошъ каршины къ каршинѣ, онъ изображаешь звукъ оружія, шрескъ щиповъ, свисшь пращей, преломленіе копій, нешерпѣливосшь коней, жаждушихъ боя, единоборсшьво рыцарей и неимовѣрныя подвиги мужесшва и храбросши; или брань

спихій, и природу всегда прелестную, даже въ самыхъ ужасахъ (*bello è l'orgogio*)! — Онъ рассказываетъ, и рассказъ его имѣетъ живость необыкновенную. Вся выраженія его вѣрны и съ строгою точностію прозы передаютъ чиншаселю блестящія мысли Поэна. Онъ шутишь, и шулки его, легкія, веселія, игривыя и часно незлобныя, распворены Аллшическимъ оспроуміемъ. Часно онъ предаешя движенію души своей, и удивляешя васъ, какъ Орашоръ, порывами и силою мужешвеннаго краснорѣчія. Онъ прогаешя, убѣждаешя, онъ невольнo испоргаешя у васъ слезы; самъ плачешя съ вами, и смѣешя надъ вами и надъ собою; или увлекаешя васъ въ міръ неизвѣсшный, созданный его Музою; заспабляешя спраншвовашя изъ края въ край, поднимашя на воздухъ; — онъ всшупаешя съ вами въ царешво Луны, гдѣ находишя все ушраченное подъ Луною и все, что мы видимъ на земноводномъ шарѣ: но все въ новомъ, премѣнномъ видѣ; снова спускаешя на землю, и снова описываешя знакомыя спраны, и человекка и спрасши его. —

Вы безъ малѣйшаго усилія слѣдуете за чародѣемъ, вы удивляешесь Поэту и въ сладосномъ воспоргѣ восклицаете: Какой умъ! какое дарованіе! а я прибавлю: какой языкъ!

Такъ, одинъ языкъ Италіянскій (изъ новѣйшихъ разумѣенся) столь обильный, столь живой и гибкій, столь свободный въ словосочиненіи, въ выговорѣ, въ ходѣ своемъ, одинъ онъ въ сосшоаніи былъ выражанъ всѣмъ игривымъ мечныи и вымысламъ Аріосна, и какъ еще? въ шѣснѣйшихъ ухахъ стихошворенна: (Аріоснъ писалъ окшавами). Но перенесите этого чародѣя въ другой вѣкъ, менѣе свободный въ мысляхъ,* болѣе порабощенный правиламъ сочиненія, основаннымъ на опытноспи и размышленіи, дайте ему языкъ сѣвернаго народа, какой заблагоразсудите, — Англійскій,

* Аріоснъ писалъ, что хотѣлъ, прошивъ Папъ. Онъ смѣлся надъ подложной харшіей, кошорою Имп. Конспаншинъ усшунаешъ Викарію С. Пешра Римъ въ попомственное правленіе, и книга его напечатана въ Римѣ — *con licenzia de superiori.*

или Нѣмецкій, напримѣръ: — и я твердо увѣренъ, что Пѣвецъ Орланда не въ силахъ будетъ изображать природу такъ, какъ онъ поспиталъ ее и какъ описалъ въ своей Поэмѣ: ибо (еще повшорю) Поэма его заключаетъ въ себѣ все видимое твореніе и всѣ спрасни чловѣческія: эпо Иліада и Одиссея; однимъ словомъ, природа, поработенная жезлу волшебника Аріоспа.* Но щасливому языку Ишаміи, богашѣйшему наслѣднику древняго Лашинскаго, упрекающъ

* Напрасно будущъ мнѣ указывать на Англійскихъ и Нѣмецкихъ Писателей, подражавшихъ Аріоспу. Я отдаю полную справедливостъ Виланду, остроумному Поэту и зиждшелю новаго языка въ своемъ опечесствѣ; но скажу, и должно со мною согласиться, что въ Оберонѣ менѣе *вещей*, нежели въ Орландѣ; языкъ не столь полонъ, и заснавляешъ всегда чего нибудь жедашъ; Поэшь не договариваетъ, и — весьма часто. Позвольте сдѣлать слѣдующій вопросъ: если бы Виландъ писалъ въ Ишаміи, во время Аріоспа, то какой видъ получила бы его Поэма? — Языкъ у Спихшворца шже, что крылья у пшицы, что машеріаль у ваяшеля, что краски у живописца.

въ излишней избѣженности? Эпопѣ упрекъ совершенно несправедливъ и доказываетъ одно невѣжество; знапки могутъ указать на множество мѣстъ въ Тассѣ, въ Аріостѣ, въ самомъ нѣжномъ Поэтѣ Валлакиусскомъ, и въ другихъ Писателяхъ, менѣе или болѣе славныхъ, множество стиховъ, въ которыхъ сильныя и величественныя мысли выражены въ звукахъ сильныхъ и совершенно сообразныхъ съ оными; гдѣ языкъ есть прямое выраженіе души мужественной, исполненной любви къ отечеству и свободѣ. Не одно — *Chiama gli abitator* — найдете въ Тассѣ; множество другихъ мѣстъ доказываютъ силу Поэта и языка. Сколько описаній битвъ въ Поэмѣ Торквато! И мы смѣло сказать можемъ, что сіи картины не уступаютъ, или рѣдко ниже картинъ Виргилія. Онѣ часто напоминаютъ намъ самаго Омера.

Посмотрите на это ужасное послѣдствіе войны, на груды блѣдныхъ тѣлъ, по кошорымъ бѣгутъ изнеможенные воины, преслѣдуя машерей, прижавшихъ

пренешныхъ младенцевъ къ персямъ
своимъ :

Ogni cosa di strage era già pieno ;
Vedeansi in mucchj ein monti i corpi avvolti.
La i feriti su i morti, e quì giaceano
Sotto morti insepolti, egri sepolti.
Fuggian premendo i pargoletti al seno,
Le meste madre, co capègli sciolti:
E'l predator di spoglie e di rapine
Carco, stringea le vergine nel crine. —

„Всѣ мѣсна преисполнились убій-
„сшвомъ. Груды и горы убіенныхъ!
„Тамъ раненые на мершвыхъ, здѣсь
„мершвыми завалены раненые; прижавъ
„къ персямъ младенцевъ, убѣгающъ оп-
„чаянныя машери съ раскиданными вла-
„сами; и хищникъ, ошягченный огра-
„бленными сокровищами, хвашаетъ за
„власы дѣвъ ускрашенныхъ.“

Желаете ли видѣть поле сраженія,
покрытое нешерпѣливыми воинами, —
картину единсшвенную, величешвен-
ную! Солнце проливаетъ лучи свои на
долину; все сіяетъ: и оружіе разно-
цвѣшное, и шпальныя доспѣхи, и шле-
мы, и щиты и знамена. Слова Поэша
имѣютъ нѣчто блестящее, шорже-

ешвенное, и мы невольно восклицаемъ
съ нимъ: bello in sì bella vista anco è l'or-
rore!

Grande e mirabil cosa era il vedere
Quando quel campo, e questo a fronte venne;
Come spiegate in ordine le schiere;
Di mover già, già d'assalire accenne:
Sparse al vento ondeggiando ir le bandiere,
E ventolar sù i gran cimier le penne;
Abiti, fregj, imprese, arme e colqri
D'oro e di fero al sol lampi e folgori.

Sembra d'alberi densi alta foresta
(L'un campo e l'altro, di tant'aste abonda!)
Son tesi gli archi, e son le lance in resta:
Vibransi i dardi, e rotasi ogni fionda. —
Ogni cavallo in guerra anco s'appresta:
Gli odj e'l furor del suo signor seconda:
Raspa, batte, nitrisce e si raggira;
Confia le nari, e fumo e foco spira.

Bello in sì bella vista anco è l'orrore!

„Открылось великолѣпное и удиви-
„тельное зрѣлище, когда оба войска
„выстроились одно противъ другаго,
„когда развернулись въ порядкъ пол-
„чища, двигаются и нападаютъ гошговья!
„Распушенные по въпру знамена вол-
„нуются; на высокихъ гребняхъ шле-
„мовъ перья колеблются; испещренные
„одежды, вензели и цвѣсны оружій,

„злато и спаль яркимъ блескомъ и сія-
„ніемъ лучи солнечные опражають.

„Въ гуспой и высокой лѣсъ сомкну-
„лись копыя: споль многочисленно и
„шо и другое воинство! Натянушы
„луки, обращены копыя, сверкають
„дрошки, пращи крутятся, самый
„конь жаждеть кровавой бишвы: онъ
„раздѣляеть ненависть и гнѣвъ ожес-
„шоченнаго всадника; онъ роеть зем-
„лю, бьеть копышами, ржеть, кру-
„тишся, раздуваешь ноздри, и дымомъ
„и пламенемъ пышеть.“

Но бишва закипѣла, часъ опъ часу
спановишся сильнѣе и сильнѣе. Въ сра-
женіи ешь минушы рѣшишельныя; я
на опытъ знаю, что онъ не споль ужас-
ны. Побѣдишель преслѣдуешь, побѣж-
денный убѣгаешь; и шопъ и другой
увлекающя примѣромъ шоварищей сво-
ихъ, и шопъ и другой заняшы собою. —
Но минута ужасная ешь та, когда оба
войска, послѣ продолжшельнаго и упор-
наго сопротивленія, изшощивъ всѣ
усилія храбросши и искусства воин-
скаго, ожидають рѣшишельнаго конца, —
побѣды, или пораженія; когда всѣ гласы,

всѣ громы, солююща во едино и соспавляя нѣчто мрачное, неопредѣленное и безпрестанно возрастающее: эту минуту Поэшь описываетъ съ необыкновенною вѣрностію:

Così si combatteva: e in dubbia lance
 Col timor le speranze eran sospese.
 Pien tutto il campo è di spezzate lance,
 Di rotti scudi, e di troncato arnese:
 Di spade ai petti, alle squarciate pance
 Altre confitte, altre per terra stese:
 Di corpi altri supini, altri co'volti
 Quasi mordendo il suolo, al suol rivolti. —

Giace il cavallo al suo signore appresso,
 Giace il compagno appo il compagno estinto,
 Giace il nemico appo il nemico, e spesso
 Sul morto il vivo, il vincitor sul vinto.
 Non v'è silenzio, e non v'è grido espresso,
 Ma odi un non sò che roco, e indistinto.
 Fremiti di furor, mormori d'ira,
 Gemiti di chi langue, e di chi spira.

L'arme, che già si liete in vista foro,
 Faceano or mostra spaventosa e mesta.
 Perduti ha i lampi il ferro, i raggi l'oro,
 Nulla vaghezza ai bei color più resta.
 Quanto apparia d'adorno, e di decoro
 Ne'cimieri, e ne fregi, or si calpesta.

¶ La polve ingombra ciò ch'al sangue avanza,
 Tanto i campi mutata avean sembianza! *

* Въ снхъ шрехъ Окшавахъ безсмершннй
 Тассъ превзошелъ себя. — Здѣсь полная кар-

„Такъ рашовало воинство съ равнымъ
 „спрахомъ и надеждою. Все поле зава-
 „лено преломленными копьями, разби-
 „тыми щитами и доспѣхами. Мечи
 „вонзилися въ грудь, въ прободенные
 „панцыри; иные по землѣ размешаны.
 „Здѣсь шрупы ницъ поверженныя въ
 „прахъ; тамъ шрупы лицомъ обращен-
 „ныя къ солнцу.

„Лежишь конь близъ всадника, ле-
 „жишь поварищъ близъ бездыханнаго
 „шоварища; лежишь врагъ близъ врага
 „своего и часно мершвый на живомъ,
 „побѣдшпель на побѣжденномъ. — Нѣшь
 „молчанія, нѣшь криковъ явственныхъ;
 „но слышится нѣчто мрачное, глухое:
 „кляки опчаянія, гласы гнѣва, воз-
 „дыханія спраждущихъ, вопли уни-
 „рающихъ.

шина. Ничего лишняго, ничего напьянушаго,
 сверхъ естественнаго. Non v'è silenzio non v'è
 grido espresso, и при слѣдующія стиха живо-
 писны. — Въ послѣдней оклавѣ стихошворецъ
 повторяеть всѣ подробности и кончитъ
 какъ масперъ: — Tanto i campi avean mutata
 sembianza.

„Оружіе, дошолъ прїятное взорамъ,
 „является зрѣлице ужасное и плачев-
 „ное. Упращила блескъ и лучи свои
 „гладкая спаль. Упращили красошу
 „свою разноцвѣтныя доспѣхи. Богатые
 „шлемы, прекрасныя ланы въ прахъ
 „ногами пограны. Все покрыто пылью
 „и кровью: споль ужасно премѣнилось
 „воинство! *

Мы не можемъ оспанавливаться на
 всѣхъ красошахъ освобожденнаго Іеру-

* Сія картина поля сраженія напоминаетъ
 намъ прекрасныя стихи Ломоносова:

Различнымъ образомъ повержены шѣла:
 Иной съ размаху мечъ занесъ на сопоспаша,
 Но прежде прободенъ, удара не скончалъ.
 Иной, забывъ врага, прельщался блескомъ
 злата;

По мертвый на корысть желанную упалъ.
 Иной отъ сильнаго удара убѣгаешъ,
 Сшремглавъ на низъ слетѣлъ и стонетъ
 подъ конемъ;

Иной пронзенъ, *цгасъ*, прошивника сражая;
 Иной врага повергъ, и *цмеръ* самъ нанемъ.

Замѣшимъ мимоходомъ для стихотворцевъ,
 какую силу получаютъ самыя обыкновенныя
 слова, когда они поставлены на своемъ мѣстѣ.

саалма; ихъ множество! Прелестный Эпизодъ Эрминн, смерть Клоринды, Армидины сады и единоборство Танкреда съ Арганшомъ: кто чиналь васъ безъ восхищенія? Вы оспанешесь незабвенными для сердець чувствительныхъ и для любительей всего прекраснаго! Но въ Поэмъ Тассовой естъ красота другаго рода; и на нихъ должно обратишь вниманіе Поэту и Крипику.— Описаніе нравовъ народныхъ и обрядовъ вѣры естъ лучшая принадлежность Эпопеи. Тассъ оспичился въ ономъ. Съ какимъ искусствомъ изображалъ онъ нравы рыцарей, ихъ великодушіе, смиреніе въ побѣдѣ, неимовѣрную храбрость и набожность! Съ какимъ искусствомъ приводитъ онъ крестоносцевъ къ стѣнамъ Іерусалима! Они горятъ нестерпимѣе увидѣшь священные верхи града Господня. Изъ дали воинство привѣщиваетъ его безпрерывными восклицаніями, подобно мореплавателямъ, открывшимъ желанный берегъ. Но вскорѣ священный страхъ и уныніе смѣняютъ радость: никто безъ ужаса и сокрушенія не дерзаетъ взглянуть на

священное мѣсто, гдѣ Сынъ Божій искупилъ человѣчество спрдаіемъ и вольною смертію. Главы и ноги начальниковъ обнажены; все воинство послѣдуешь ихъ примѣру, и гордое чело рыцарей смиряешь предъ Тѣмъ, кто располагаетъ по волѣ и побѣдою, и лаврами, и славою земною, и царствомъ неба. Такого рода красоты, суровыя и важныя, почерпнушы въ нашей религіи: древніе ничего не оставили намъ подобнаго. Всѣ обряды вѣры, всѣ спрашныя таинства обогатили Тассову Поэму. — Ринальдо вырывается изъ объятій Армиды; войско встрѣчаетъ его съ радостными восклицаніями. Юный вицязь бесѣдуетъ снова съ товарищами о войнѣ, о чудесахъ очарованнаго лѣса, копорыя онъ одинъ можетъ разрушить: но простый опшелъникъ Пепръ совѣщаетъ рыцарю исповѣдью очистишься отъ заблужденій юности, прежде нежели онъ приступитъ къ совершенію великаго подвига. „Сколько ты обязанъ Всевышнему! говоритъ онъ. Его рука спасла тебя; она спасла заблуждшую овцу и причислила ее къ

своему спаду. Но ты покрышь еще
шиною міра, и самыя воды Нила, Ган-
геса и Океана не могутъ очистишь
тебя: одна благодать совершитъ сіе.,,
Онъ умолкъ, и сынъ прелестной Софіи,
сей гордый и непергъливый юноша,
повергаешся къ стопамъ смиреннаго
опшельника, исповѣдуешъ ему прегрѣ-
шенія юности своей, и очищенный опъ
оньхъ идешь безпрепешно въ лѣса,
исполненные очарованій волшебника Ис-
мена. — Годофредъ, желая осадить го-
родъ, пригошовляешъ махины, спѣно-
бишныя орудія; но спрогий Пешръ
являешся въ шашеръ къ военачальнику.
„Ты пригошовляешъ земныя орудія, го-
воришь онъ набожному повелишелю, а
не начинаешъ, опшколь надлежитъ, На-
чало всего на небѣ. Умолай Ангеловъ и
полки Свяшыхъ; подай примѣръ набож-
ности войску.,, И на утро опшельникъ
развѣваешъ спрашное знамя, въ самомъ
раю почишаемое; за нимъ слѣдуешъ ликъ
медьнымъ шагомъ; священнослужи-
тели и воины (соединившіе въ рукъ
своей кадильницу съ мечемъ), Гвильемъ
и Адимаръ, заключаютъ шесшвіе лика;

за ними Годофредъ, начальники и войско обезоруженное. Не слышно звуковъ прубы и гласовъ бранныхъ; но гласы молищвы и смиренія: . . .

Te genitor, te figlio eguale al Padre,
 E te, che d'ambo uniti amando spiri,
 E te d' Uomo, e di Dio Vergine Madre,
 Invocano propizia a i lor desiri, и пр. и пр.

Такъ шествуешь поющее воинство, и гласы его повсюрюютьъ глубокія долины, высокіе холмы и эхо пущынь опдаленныхъ. Кажешся, другой ликъ проходишь въ лѣсахъ, досель безмолвныхъ, и явственнo великія имена Маріи и Христа воспѣваешь. Между стѣмъ со стѣмъ города взираютьъ въ безмолвіи удивленные поклонники Могаммеда на обряды чуждые, на велельпіе чудесное и пѣніе божественное. Вскорѣ гласы проклящій и хуленій невѣрныхъ наполняютьъ воздухъ: горы, долины и попоки пущынные ихъ съ ужасомъ повсюрюютьъ.

Такимъ образомъ великій Спихопворецъ умѣлъ прошивуноспавишь обряды, нравы и религіи двухъ враждебныхъ

народовъ, и изъ садовъ Арמידинныхъ, ошь сельскаго убъжища Эрминіи, перенесись въ спань Хрисціанскій, гдѣ все дышешъ благочесніемъ, набожносію и смиреніемъ. Самый языкъ его измѣняешся. Въ черпогахъ Армиды онъ сладоспешъ, нѣженъ, изобилешъ; здѣсь онъ мужеспивешъ, величеспивешъ и даже суровъ.

Тѣ, которые упрекають Ишаліянцевъ въ излишней изнѣженности, конечно забываютъ прехъ Поэшовъ: Альфьери — душою Римлянина, Данша — зиждителя языка Ишаліянскаго, и Пепрарка, копорый нѣжностъ, сладоспешъ и поспоянное согласіе умѣль сочешашъ съ силою и крапкостію.

XII.

ПЕТРАРКА.

S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento?
Что же я чувствую, если и это не любовь?

Вошь что говоришь Петрарка, котораго одно имя напоминает Лауру, любовь и славу. Онъ заслужилъ славу трудами посюянными и пользою, которую принесъ всему человѣчеству, какъ Ученый прилѣжный, неушомимый; онъ первый возстановилъ ученіе Латинскаго языка; онъ первый занимался криптическимъ разборомъ древнихъ рукописей, какъ испинный знатокъ и любитель всего изящнаго. — Не по однимъ заслугамъ въ учености имя Петрарки сіяетъ въ Исторіи Италианской; онъ участвовалъ въ распряхъ народныхъ, былъ употребленъ въ важнѣйшихъ переговорахъ и посольствахъ, осыпанъ милостіями Императора Римскаго, и наконецъ отъ Роберта, Короля

Неаполитанскаго — названъ и другомъ и величайшимъ Геніемъ. Замѣшьте, что Робертъ былъ ученѣйшій мужъ своего времени, и предпочишалъ (эшо собственныя его слова) науки и дарованія самой діадимъ. Наконецъ Пешрарка сдѣлался безмеренъ стихами, которыхъ онъ самъ не уважалъ *, — стихами, писанными на языкъ Италіянскомъ, или народномъ нарѣчіи. — И такъ, славы никто не оспариваетъ у Пешрарки; но многіе сомнѣвались въ любви его къ Лаурѣ. Многіе Французскіе писатели утверждали, что Лаура никогда *не существовала*, что Пешрарка воспѣвалъ одинъ призракъ, красону созданную его воображеніемъ, какъ создана была Дульцинея Серваншовымъ героемъ. —

* Въ эшомъ неуваженіи къ стихамъ своимъ Богдановичъ много сходствовалъ съ Пешраркомъ. Онъ часто говаривалъ М.у: „Стихи мои, которые вамъ такъ нравятся, умрушь со мною; но моя Русская Исторія переживетъ меня. Стихи мнѣ не много стоили труда; надъ Исторіей я много пролилъ пошу: на ней-шо основана моя слава. . . .“
Пешрарка и Богдановичъ, обманулись!

Испаліянскіе кришики, ревнивели славы божественнаго Пепрарки, ушвердили существіованіе Лауры; они входили въ малѣйшія подробности ея жизни, и на каждый стихъ Пепрарки написали цѣлыя страницы полкованій. — Сія дань учености дарованію покажется инымъ излишнею, другимъ смѣшною; но мы должны признахся, что только въ нѣхъ земляхъ, гдѣ умѣють такимъ образомъ уважать отличныя дарованія, родятся великіе авторы. Любили Поэзіи и чувствительные люди, которые по движеніямъ собственнаго сердца, пламеннаго и возвышеннаго, угадываютъ сердце Поэта и истину его выражений, не будучь сомнѣваться въ любви Пепрарки къ Лаурѣ: каждый стихъ, каждое слово носитъ неизгладимую печать любви.

Любовь способна принимать всѣ виды. Она имѣетъ свой особенный характеръ въ Анакреонѣ, Феокритѣ, Катуллѣ, Проперціѣ, Овидіѣ, Тибуллѣ и въ другихъ древнихъ Поэтахъ. Одинъ сладоспрасненъ, другой нѣженъ, и такъ да-

лве. Пешарка, подобно имъ, испыталъ всѣ мученія любви и самую ревность; но наслажденія его были духовныя. Для него Лаура была нѣчто невещественное, чистѣйшій духъ, излившійся изъ нѣдръ божества и облекшійся въ прелести земныя. — Древніе Спихопворцы были идолопоклонники; они не имѣли и не могли имѣть сихъ возвышенныхъ и ошвлеченныхъ понятій о чистотѣ душевной, о непорочности, о надеждѣ увидѣться въ лучшемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ничего земнаго, преходящаго, низкаго. Они наслаждались и воспѣвали свои наслажденія; они спрадали и описывали ревность, шоску въ разлукѣ, или надежду близкаго свиданія. — Слезы горести или воспора, нѣкоторыя обряды идолопоклонства, очарованія какой-нибудь волшебницы (любовь всегда суевѣрна), воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ и вѣчныя сожалѣнія о юности, улешающей какъ призракъ, какъ сонъ, — вошь изъ чего были составлены любовныя Поэмы древнихъ, вошь по чему въ ихъ твореніяхъ мы видимъ болѣе движенія и лучшее развитіе спрасстей, однимъ

словомъ, болѣе драматической жизни, нежели въ одахъ Пепрарки: — но не болѣе пещины.

Тибулль, задумчивый и нѣжный Тибулль, любилъ напоминать о смерти своей Деліи и Немезидѣ. „Ты будешь плакать надъ умирающимъ Тибулломъ; я сожму руку твою хладящею рукою, о Делія!..“

*Te spectem, suprema mihi cum venerit hora,
Te teneam moriens, deficiente manu....*

И сіи слова драгоценны для сердець чувствительныхъ! Но послѣ смерти всему конецъ для Поэта; самый Элизій не есть вѣрное жилище. Каждый Поэтъ передѣлывалъ его по своему и переносилътуда грубыя, земныя наслажденія. Пепрарка напрошивъ того: онъ надѣясь увидѣть Лауру въ лонѣ божества, посреди Ангеловъ и Святыхъ; ибо Лаура его есть ангель непорочности; самая смерть ея — шоржество жизни надъ смертію. „Она погасла какъ лампада; говоришь Стихотворецъ; — смерть не обезобразила ея предесней; нѣтъ! не смертная блѣдность покрыла ея лице:

близна его подбилась снѣгу, медлѣнно падающему на прекрасный холмъ въ безвѣтренную погоду. Она покоилась, какъ человекъ по совершеніи великихъ трудовъ: и это называютъ смертію слабые человекѣ!⁶⁶

Петрарка девять лѣтъ оплакивалъ кончину Лауры. Смерть красавицы не испрѣбила его спроси; напропихъ того, она дала новую пищу его слезамъ, новые цвѣты его дарованію: гимны Поэта сдѣлались божественными. Никакая земная мысль не помрачала его печали. Горесъ его была вѣчная, горесъ христіянина и любовника. Онъ жилъ въ небесахъ: тамъ былъ его умъ, его сердце, всѣ воспоминанія; тамъ была его Лаура! — Стихи Петрарки, сіи гимны на смерть его возлюбленной, не должно переводить ни на какой языкъ; ибо ни одинъ языкъ не можетъ выразить постоянной сладости Тосканскаго, и особенной сладости Музы Петрарковой. Но я желаю оправдать Поэта, кошораго часто кришка (опдавая впрочемъ похвалу гармоніи стиховъ

его) спавишь наравнѣ съ обыкновенными Писателями по часпи изобрѣненія и мыслей. Въ прозѣ оспаюся однѣ мысли.

„Исчезла пвоя слава, мѣрь неблагодарный! и ты сего не видишь, не чувствуешь. Ты не достойна была знашь ее, земля неблагодарная! ты не достойна бышь попираема ея священными стопами! Прекрасная душа ея преселилась на небо. Но я, несчастный! я не могу любить безъ нее ни смерпной жизни, ни самага себя! Лаура! шебя призываю со слезами! слезы послѣднее мое ушѣшеніе; онѣ меня подкрѣпляютъ въ горести. Увы! въ землю превратились ея прелести; онѣ были здѣсь залогомъ красоты небесной и наслажденій райскихъ. Тамъ ея невидимый образъ: здѣсь покрывало зашемнявшее его сіяніе. Она облечешся снова и на вѣки въ красоту небесную, кошорая, безъ сравненія превосходитъ земную. Ея образъ являешся мнѣ одному (ибо кто могъ обожашъ ее, какъ я?), онъ являешся и прелестнѣе и свѣплѣе. Божеспвен-

ный образъ ея, милое имя, которое произносится столь сладостно въ моемъ сердцѣ, — вы единственные опоры слабой жизни моей. . . Но когда минувшее заблужденіе исчезаетъ, когда я вспоминаю, что лишился надежды моей въ самомъ цвѣтѣ и сіяніи: любовь! ты знаешь, что со мною тогда бываетъ, знаешь и она, та которая приблизилась къ божественной истинѣ. . . Я спрадаю; а она изъ жилища вѣчной жизни съ гордою улыбкою презрѣнія взираетъ на земное одѣяніе свое, здѣсь оставленное. Она о тебѣ одномъ вздыхаетъ, и умоляетъ тебя не затѣмнишь сіянія славы ея, шобою на землѣ распроспраненнаго; да будешь гласъ швоихъ пѣсней еще звучнѣе, еще сладостнѣе, если сладостны и драгоценны были очи ея швоему сердцу!“ —

Древность ничего не можетъ предшавишь намъ подобнаго. Горестъ Пепшаррки ушладается мыслію о безмертвѣ души, шпрогою мыслію, которая одна въ силахъ искоренишь шспрасши земныя; но Поэзія не перешетъ своихъ

красокъ. Спихошворецъ умѣлъ сочешашъ землю и небо; онъ заспавиль Лауру заболшшсья о славѣ земной, единшвенномъ сокровищѣ, кошорое оспалось въ рукахъ ея друга, осирошѣлаго на землѣ. Иначе плачешъ надъ урною любовницы древній Поэшъ; иначе Овидій съшпуешъ о кончинѣ Тибулла: ибо всѣ поняшя древнихъ о душѣ, о безсмершшн были неопредѣленны. — Пешрарка, пораженный ужасною вѣсшю о кончинѣ Лауры, написалъ нѣсколко спрокъ на заглавномъ листѣ Виргилія, кошорый всѣ наполненъ былъ его замѣчаніями: ибо Пешрарка чшпалъ Виргилія и училъ наизусть безпрешанно. Сія рукопись, драгоцѣнный оспашокъ двухъ великихъ людей, хранилась въ Амброзіанской библіотекѣ, а нынѣ, если не ошибаюсь, находишся въ Парижѣ. Прешоша немногихъ спрокъ, начерпанныхъ въ глубокой горесшн, прелешсна и спошшъ лучшаго гимна. Изъ нихъ-шо можно видѣшъ, что Пешрарка не *сочинялъ* свою спрасть, и что спихи его были шолько слабымъ восшоминаніемъ шого, что онъ чувшшвовалъ.

Вошь сіи спроки. „Лаура, славная по качествамъ души своей и споль долго мною прославляемая, предспала въ первый разъ моимъ глазамъ въ началъ моего юношескаго возраста, въ 1327 году 6 Апрѣля, въ церкви С. Клары, въ Авиньонѣ, въ первомъ часу по полудни. И въ томъ же самомъ городѣ, въ томъ же мѣсяцѣ, 6 числа, въ первомъ часу, 1348 года, сія небесная лампада пошухла, когда я находился въ Веронѣ, не вѣдая ничего о моемъ нещасіи. — Въ Пармѣ узналъ я эту плачевную новость чрезъ письмо друга моего Лудовика, того же года, въ Маѣ, по утру. Ея числѣйшее, ея предеспное шѣло было положено, въ самый день ея смерти, въ церкви Кармелиншвъ. Я увѣренъ, что ея душа возвратилась на небо, ошкуда она пришла, такъ какъ Сципіонова, по словамъ Сенеки.“ —

Петрарка любилъ; но онъ чувствовалъ всю суешность своей спраспи, и съ нею боролся не однажды. Любовь къ Лаурѣ и любовь къ славѣ подъ конецъ жизни его слились въ одно. Лю-

бовъ къ славъ, по словамъ одного Русскаго писателя, есть послѣдняя спрашь, занимающая великую душу. — Поэмы: — Триумфъ Любви, — Непорочно-спи, — Смерпи — Божества, въ кошорыхъ и самый снисходительный крипникъ найдетъ множесство несообразностей и оскорбленій вкуса, заключающъ одинакоже въ себѣ неувядаемыя красоты слога, выраженія и особенно мыслей. Въ нихъ-то Спихопворецъ описываетъ все мученія любви, кошорой мръ, какъ ширану, приносятъ безпреспанныя жершвы. — „Я знаю, говоритъ онъ, какъ непоспоянна и премѣнчива жизнь любовниковъ. Они то робки, то предпримчивы. Немного радостей награждаютъ ихъ за непрерывныя мученія. Знаю ихъ нравы, ихъ воздыханія, ихъ пѣсни, прерывные разговоры, внезапное молчаніе, крашкій смѣхъ и вѣчныя слезы. Любовь подобна сладкому меду, распущенному въ соку полыномъ.“ *

* Гордый и пламенный Альфиери называетъ Пешрарку учителемъ любви и Поэзіи. *Maestro in amare ed in Poesia.*

Сію послѣднюю мысль Тассъ повторишь въ своей поэмѣ. Пѣвецъ Герусалима испышалъ всѣ мученія любви.

Во времена Пепрарковы, споль смежныя съ временами рыцарства, любовь не ушрашила еще своего владычества надъ людьми всѣхъ сослодій. Во Франціи, оцъ Короля до проспаго воина, каждый имѣлъ *свою даму*: *Madame et St. Denis!* восклицали Французскіе рыцари въ пылу сраженій, и совершали неимовѣрные подвиги. Рыцарь Сиръ де Флеранжъ, водружая знамя на спѣнѣ крѣпости, взяшой приснупомъ, кричалъ своимъ поварищамъ: Ахъ! если бы видѣла красавица своего рыцаря! — Трубадуры воспѣвали красону; за ними и всѣ Поэпы (не изключаая важнаго и мрачнаго Данше, оспроумнаго и веселаго Боккачіо), всѣ прославляли своихъ красавиць, и имена ихъ оспались въ памяци Музь. Испорія Парнасса Ипаліянскаго еспь испорія любви. Въ одномъ изъ своихъ *Тріумфовъ* Пепрарка исчисляеть великихъ мужей древнихъ и новѣйшихъ, кошорые всѣ учинились

жертвами спраши. Конечно здравый вкус негодуешь на сочешаніе имени Давида и Соломона съ именами Тибулла и Проперція; но нѣкоторыя мѣста сей Поэмы имѣють особенную прелесть, а болѣе всего тѣ, въ копорыхъ Спихошворецъ исчисляешъ своихъ друзей въ плѣну у суроваго бога.

„Я увидѣлъ Виргилія, говоришь онъ: съ нимъ Овидія, Капулла и Проперція, копорые всѣ споль пламенно воспѣвали любовь — и наконецъ нѣжнаго Тибулла. Юная Гречанка (Сафо) шеспевовала рядомъ съ возвышенными пѣвцами, воспѣвая сладкіе гимны. Бросивъ взоры на окресшныя мѣста, я увидѣлъ на цвѣшущей зеленой долинь толпу, разсуждающую о любви. Вопъ Данте съ Беаприксою! вопъ Сельважіа съ Чино! и пр. и пр. . . . Но шеперь я не могу соккрышь моей гореспи: я увидѣлъ друзей моихъ, и посреди ихъ Томасса, украшеніе Болоніи, Томасса, копорого прахъ исплѣваешъ на землѣ Мессинской. О минушныя радости! гореспная жизнь! кшо опшнялъ у меня шакъ рано мое сокровище, моего друга:

безъ котораго я не могъ дышать? Гдѣ онъ теперь находишься? — Прежде онъ былъ со мною неразлученъ. . . . Жизнь смертныхъ, гореспная жизнь! ты ни что иное, какъ сонъ больного спрадалца, пущая басня романа! — Уклонясь въ сторону отъ прямого пути я встрѣтилъ моего Сократа и Лелія. Съ ними желалъ бы я долѣе шестповать. Какая чеша друзей! Ни проза, ни стихи мои не могушь ихъ достойно прославить; ихъ нагая добродѣшель и безъ пѣсней Музь заслуживаешь почщеніе міра. Съ ними я похипилъ слишкомъ рано славный лавръ, который доселѣ украшаетъ мою главу, въ воспоминаніе той, которую обожаю!“ — Лавръ (Lauro) напоминаетъ имя Лауры, и потому былъ вдвое драгоцѣненъ сердцу Поэта. По смерти славнаго Колонны и Лауры Стихотворецъ воскликнулъ:

Rotta è l'alta Colonna, è l verde Lauro!

Мы замѣтили уже, что неумѣренная любовь къ славы равнялась или спорила съ любовью къ Лаурѣ въ пламенной душѣ Петрарки. Одна чистѣйшая

набожность и возвышенныя мысли о безсмертіи души могли уменьшать ихъ силу, и по временно; но искоренишь совершенно не имѣли власти. Съ какимъ чиспосердечнымъ сокрушеніемъ описываетъ онъ борьбу Религіи съ любовью къ славъ! Въ каждомъ словѣ видѣнь Хриспіянинъ, который знаетъ, что ничто земное ему принадлежать не можеть; что всѣ труды и усилія челоуѣка напрасны, что слава земная исчезаетъ, какъ слѣдъ облака на небѣ: знаетъ швердо, убѣжденъ въ сей истиннѣ, и все не престаеть жершвоватъ своей спрасши! „Мой умъ занятъ сладкою и горесшною мыслию (говоритъ онъ), мыслию, кошорая меня утруждаетъ и исполняетъ надеждою мяшежное сердце. Когда вообразу себѣ сіяніе славы, шо не чувствую ни хлада зимы, ни лучей солнечныхъ, забываю спрашную блѣдность моего чеда и самыя недуги. Напрасно желаю умершвинъ сію мысль; она снова и сильнѣе рождается въ моемъ сердцѣ. Она вспрѣшила меня въ пеленахъ младенчества, день оно дня со мною возрастала, и

спрашусь, чшобы со мною не заключилась въ могилѣ. Но къ чему послужанъ мнѣ сіи льспивыя желанія, когда моя душа опдѣлилась опъ брэннаго шѣла? Послѣ кончины моей если и вся вселенная будетъ обо мнѣ говоришь... суеша! суеша! Одинъ мигъ разрушаетъ всѣ пруды наши. Такъ! я желалъ бы обняшь исшину и забышь на вѣки суешную шѣнь славы!“ —

И самый слогъ Пешрарки сообразно съ предметами измѣняется: важность мыслей въ Триумфѣ Смерши и Божешва даюшь слогу особенную силу, возвышенность и крапкось. Чашо два или при слова заключаюшь въ себѣ мысль или глубокое чувшво. Ода, въ кошорой Поэшь обращается къ Ріензи (такъ полагаешъ Вольшеръ, а другіе кришки ушверждаюшь, чшо сія Ода писана не къ Ріензи, а къ Колоннѣ), сія Ода въ кошорой онъ умоляетъ народнаго Трибуна священными именами Сципіоновъ и Брушовъ, распоргнушь оковы Рима и поставишь его на древнюю спешень сіянія и славы,

напоминаешь намъ прекрасныя Оды Го-
рація. Она исполнена древняго вкуса и
того величія, которое Италіяны, чув-
ствительные ко всему изящному, назы-
ваютъ Grandioso въ Поэзи, въ Ваяніи,
въ Живописи, во всѣхъ Искусствахъ.
Римъ былъ спасію Пепрарки. Онъ не
могъ просить Папѣ перенесенія про-
на въ Авиньонъ, и вопъ въ какихъ
словахъ изливаешь свое негодованіе
передъ защитникомъ правъ народныхъ;
вопъ какимъ образомъ зываешь къ
воскресшю столицы міра:

„Сіи древнія стѣны, предъ коими
міръ благоговѣшь и смертные спра-
шався, когда обращаютъ всякъ взоры
на давно минувшіе вѣки, сіи камни
надгробные, подъ коими исплѣваешь
прахъ великихъ людей, славныхъ даже
до разрушенія міра: всѣ сіи развалины
древняго величія надѣются воскреснушь
тобою. — О великіе Сципіоны! о вѣр-
ный Брушь! съ какою радостію по-
знаете вы благодаріе поваго Героя! съ
какимъ веселіемъ и пы, Фабрицій,
узнаешь вѣсть сію! Ты скажешь: мой
Римъ еще будешь прекрасенъ!“

Надежды Петрарки не сбылись. Но любители изящной Поэзии знают наизусть прекрасные стихи любовника Лауры, обожающего древняго Рима и древней свободы. Ни любовь, ни мѣлкія выгоды самолюбія, ни опасность — говоришь истину въ смущенныя времена междуусобія, ничто не могло ослабить въ немъ любви къ Риму, къ древнему опечесству добродѣтелей и Музъ, ему драгоценныхъ: ибо ничто не могло погасить любви къ изящному и къ истинѣ въ его сердцѣ. Узнавъ неисповѣдныя поступки Ріензи, съ чистосердечною гордостью, достойною лучшихъ временъ Рима, Петрарка писалъ къ нему: „Я хотѣлъ прославить тебя; спросишь теперь, чтобы я не превратилъ моей похвалы — въ жестокую Сатиру!“ Но всѣ угрозы и совѣты Петрарки были напрасны. Свобода, дарованная Риму испуганнымъ Трибуномъ, походила на свободу Робеспьера: началась убійствами, кончилась тиранствомъ. —

Всѣ знаютъ, что Петрарка воспользовался пѣснями Сицилійскихъ Поэтовъ

и Трубадуровъ щаспливаго Прованса, копорые много заняли у Мавровъ, народа образованнаго, госпенримнаго, учпиваго, ученаго и одареннаго самымъ блестящимъ воображеніемъ.— Онь нихъ онъ заимспвоваль игру словъ, изыскачнныя выраженія, опвлеченныя мысли и наконецъ излишнее упопробленіе аллегоріи; но сіи самыя недоспашки дають какую-шо особенную оригинальность его Сонешамъ и прелеснь чудесную его неподражаемымъ Одамъ, копорыя ни на какой языкъ перевести не возможно. Слога не лзя присвоить, говоришь Бюффонъ, сей исполинъ въ искусствѣ писать: и особенно слуга Пешрарки. — Любовь къ цвѣтамъ господспвовала на Воспокъ. До сихъ поръ Арабскіе и Персидскіе Спихотворцы безпреспанно сравнивають красоту съ цвѣтами и цвѣты съ красотою. Цвѣты играють большую роль у любовниковъ на Воспокъ. Раждающаяся любовь, ревность, надежда, однимъ словомъ вся суешная и прелеспная испорія любви изьясняешя посредспвомъ цвѣтовъ. Трубадуры также любили

воспѣвашь цвѣшы, — а за ними и Петрарка. Желаете ли видѣшь, какимъ образомъ онъ воспользовался цвѣшами? Еще разъ повшоряю: я удерживаю одну шѣнь слога живаго, исполненнаго нѣги, гармоніи и эшого сердечнаго изліянія, которое только можно чувствовашь, а не описывашь. Ксашь о цвѣшахъ: слогъ Петрарки можно сравнить съ симъ чувствительнымъ цвѣшкомъ, который вянеть ошъ прикосновенія.

„Если глаза мои остановятся на розахъ бѣлыхъ и пурпуровыхъ, собранныхъ въ золотомъ сосудѣ рукою прелестной дѣвицы; тогда мнѣ кажется, что вижу лице шой, которая всѣ чудеса природы собою зашѣмѣваеть. Я вижу бѣлокурые локоны ея, по лилейной шѣ развѣянные, бѣлизною и самое молоко зашѣмѣвающей; я вижу сіи ланишы, сладосшнымъ и шихимъ румянцемъ горящія! Но когда легкое дыханіе зефира начинаешь колсашь на долинь цвѣшочки желшые и бѣлые, тогда воспоминаю невольню и мѣшо и первый день, въ который увидѣль Лауру

съ развѣянными власами по воздуху, и вспоминаю съ горестію начало моей пламенной сшрасши.“

Такимъ образомъ цвѣшокъ въ полѣ, закашъ солнца, водопадъ шумящій въ уединенной рощѣ, малѣйшее обспольсельство въ природѣ напоминали Пешраркѣ красосу, вѣчно любезную его сердцу. Пущешествіе Спихошворца чрезъ лѣса Арденскіе или чрезъ Альпы, прогулка Лауры въ лодкѣ по озеру, или обряды набожности ея совершенные при наступленіи какого нибудь празднесшва, — все служило поводомъ къ Сонешу или новой Одѣ; ни одно чувспво, ни одно духовное наслажденіе, ни одно огорченіе не было упращено для Музь. Сіе смѣшеніе глубокой чувспвишельности и набожности чиспосердечной съ шонкимъ познаніемъ свѣпа и людей, съ обширными свѣденіями въ испоріи народовъ, — сіи слѣды и воспоминанія классическиххъ красосхъ древнихъ Авшоровъ, разсѣянные посреди блестящихъ и романическиххъ вымысловъ Сициліанскиххъ Поэшовъ, нако-

нець сей очаровашельный языкъ Тосканскій, исполненный величія, сладости и гармоніи неизъяснимой, сіе щасливое сочешаніе любви, религіи, учености, философіи, глубокомыслія и суешности любовника: все эшо вмѣспіть въ стихахъ Петрарки предшавляеть чшеніе усладительное и совершенно новое для любителя Словесности. Надобно предаться своему сердцу, любить изящное, любить шизину души, возвышенныя мысли и чувства, однимъ словомъ, любить сладостный языкъ Музы, что бы чувствовать вполнѣ красоту сихъ волшебныхъ пѣсней, копорыя предали пошомспиву имена Петрарки и Лауры. Мы знали людей, копорые смотрѣли холодными глазами на Аполлона Бельведерскаго; мы знали людей, копорые никогда не прешепали ошъ восхищенія при чшеніи стиховъ Державина; и мы не удивляемся, что еспіть писатели, для копорыхъ слагатель мадригаловъ, Дорашъ и Петрарка — одно и шже. Чашо умные люди опказывали ему въ уваженіи! Умъ не рѣдко бываетъ шупой судія произведеній сердца. Но для

пѣхъ, копорые любили хопя одинъ разъ въ жизни, спойшь только назвашь Петрарку: они знаютъ ему цѣну, и чувшвуютъ вполне прелесть Поэзии, копорая не разъ опзывалась въ ихъ сердце. — *Il cantar che nell'anima si sente!*

Прилѣжаніе. Я сдѣлалъ открытіе въ Италіанской Словесности, къ копорому меня не руководшвовали иноштранные Писатели, покрайней мѣрѣ шѣ, кои мнѣ болѣе извѣстны. Я нашель многія мѣста и цѣлые стихи Петрарки въ Освобожденномъ Іерусалимѣ. Такого рода похищенія доказывають уваженіе и любовь Тасса къ Петраркѣ. Мудрено ли? Петрарка былъ его предшественникомъ; онъ и Данте открыли новое поле Словесности своимъ соощественникамъ; безпрестанное чтеніе сихъ образцевъ, особенно пѣвца Лауры, споль близкаго сердцу чувшвишельнаго пѣвца Танкреда и Эрминіи, — это чтеніе врьзало въ памяти его многіе стихи и выраженія, копорыя онъ невольнымъ образомъ повшорялъ въ своей Поэмѣ. Кто не знаетъ прелестной Оды: *Chiare, fresche e dolci acque*, копорой Вольшеръ подражалъ споль удачно, и неподражаемаго Эпизода Эрминіи въ 7 пѣсни Освобожденнаго Іерусалима? Нѣшь сомнѣнія,

что Тассъ имѣлъ въ памяти стихи Пешрарки, которые можно назвать сокровищемъ Испанской Поэзіи. Любовникъ Лауры обращается къ Тριάдѣ, источнику окрестности Авиньона *, котораго воды прохлаждали красавицу. На благовоинныхъ берегахъ его, освященныхъ нѣкогда присуществіемъ единственной для него женщины (*she sola a me par donna*), онъ желаетъ, чтобы покоились его ошашки. Можешь быть, говоришь онъ, можешь быть шамъ, гдѣ увидѣла меня въ благословенный день перваго свиданія, шамъ любопытный взоръ ея будетъ меня искашь снова, и увы! прахъ одинъ найдетъ, прахъ между камней разсыянный, и пр. — Опъ сихъ унылыхъ мыслей Поэтъ переходитъ снова къ роскошному описанію Лауры, оставяющей студеныя воды источника; облако цвѣтновъ разсыпалось на красавицу — *ed ella si sedea umile in tanta gloria*. Древность не производила ничего подобнаго. Самое рождение Венеры изъ пѣны морской и пришествіе ея на землю, которая запрешала опъ сладострастія, почувствовавъ прикосновеніе богини; не сшолько плѣняетъ воображеніе. — Но перейдемъ къ Тассу. — У него Эрминія, нашедъ убѣжище у пасшырей, оплакиваетъ вѣчную разлуку съ Танкредомъ. Дочь Царей, покры-

* А не къ Воклюзѣ, какъ полагали нѣкоторые Писатели.

шая рубищемъ, но и въ рубищѣ прелестная и величественная, начершываешь имя Танкреда на корѣ древнихъ дубовъ и вязовъ, и съ нимъ всю печальную повѣсть любви своей. Спо разъ перечишываешь ее, и проливая слезы, обращаешь къ рощамъ, нѣмымъ свидѣтелямъ ея шоски: „Сокройте, сокройте въ себѣ мою тайну, дружественныя рощи! Можешь быть вѣрный любовникъ, когданибудь привлеченный прохладою шѣней вашихъ, съ сожалѣніемъ прочишаешь мои печальныя приключенія, и пронувшій до глубины сердца, скажешь: щастіе и любовь неблагодарностію воздали за шолкія спраданія и за примѣрную вѣрность! Можешь быть — если небо внимаешь благосклонно усерднѣйшимъ моленіямъ смертныхъ — можешь быть въ сѣи пустыни зайдешь случайно и шощъ, который ко мнѣ столько равнодушенъ, и обращая взоры на то мѣсто, гдѣ будутъ покоишься мои брѣнные осшашки, позднія слезы прольешь въ нагладу за мои спраданія и вѣрность.„

Теперь увидимъ похищенія. Въ Одѣ, которая начинается: *Nella stagione ch'el Ciel rapido inchina etc.*, Пешрарка описываетъ пашушку, которая при закатѣ солнца спѣшитъ въ сельское убѣжищѣ и шамъ забываетъ усшалось:

La noja, e' l mal della passata vita.

Тассъ въ III пѣсни Іерусалима, воспѣвая торжественное пришествіе крестовыхъ вой-

новъ къ священному граду, сравниваешь ихъ съ мореплавателями, когорые, открывъ желанный берегъ, послѣ бурь и штурмовъ забываютъ опасности минувшія:

La noja, e' l mal della passata vita.

Въ Соннетѣ: *Zefiro torna e' l bel tempo rimena* etc., Пешарка говоришь, что весна все оживляетъ поля улыбающся, небо свѣтлѣетъ; Зевесъ съ радосшію взираетъ на Кириду, милую дочь свою; воздухъ, вода и земля дышатъ любовью:

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

И у Тасса мы находимъ эпитъ сшихъ въ садахъ Армиды: —

Raddorrian le colombe i baci loro,

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

Есть и другія позищенія; но я не могу ихъ теперь привести на память.

ХІІІ.

ГРИЗЕЛЬДА.

Повѣсть изъ Боккаччо.

Въ давнія времена, спаршимъ въ родѣ Маркизовъ Салуцкихъ оспавался по смерти родсвѣнниковъ своихъ, молодой *Гвальтѣри*. Цѣлые дни онъ проводилъ на лисовой и соколиной охотѣ, былъ не женатъ, ~~бездѣтенъ~~ и вовсе не помышлялъ о супружествѣ. Впрочемъ, онъ былъ довольно благоразуменъ, и особенно слылъ шаковымъ у женщинъ. Но это благоразуміе не нравилось его подданнымъ: они часно упрашивали его вступишь въ союзъ брачный.—Вамъ нуженъ наследникъ, а намъ господинъ, говорили добрые люди. Многіе изъ нихъ вызывались сыскашь невѣсту опъ честнаго опца и мапери, невѣсту, копорая подавала бы о себѣ леспную надежду и со временемъ сдѣлала его ша-

спливѣйшимъ супругомъ.—Друзья мои, ошѣчьтесь имъ Гвальшіери, вы принуждаете меня прислушаться къ тому, что мнѣ никогда не нравилось, на что я никогда не хотѣлъ рѣшиться. Я знаю, какъ трудно сыскать женщину намъ по сердцу и нравами и душою; знаю, что худой выборъ дѣлаешь несчастіе цѣлой жизни. Вы говорите, что можно положиться на доброту родителей и по праву ихъ судить о нравѣ дочери; — вы заблуждаетесь, друзья мои! Какъ узнаете совершенно отца? какъ узнаете тайные пошунки матери? И, еслибы отецъ и мать были люди совершенно честные, то кто, скажите мнѣ, поручится, что дѣти ихъ будутъ на нихъ похожи? Если же хотите, чтобы я непременно носилъ узы брачныя и былъ доволенъ моимъ состояніемъ (по крайней мѣрѣ на себя одного жаловался, въ случаѣ неудачи) то предоставьте мнѣ самому сдѣлать выборъ. (Если супруга моя не будетъ достойна вашей любви и уваженія, я почию себя совершенно несчастливымъ, что уступилъ просьбамъ вашимъ.— Подданные ошѣ-

чали, что на все согласны; только бы онъ не замедилъ вступити въ желанное ими супружество.

Съ давняго времени Маркизу нравилась дѣвушка, очень бѣдная. Она жила въ сосѣдствѣ его замка, въ совершенномъ уединеніи; была довольно миловидна, и спранию Маркизу показалось, что онъ найдетъ съ нею щастіе. Опложа всѣ поиски и распросы, онъ рѣшился безъ дальнихъ размышленій предложить ей свою руку. Призвавъ отца ея — бѣднѣйшаго изъ бѣдняковъ — и съ нимъ ударилъ по рукамъ. Все дѣло приведено къ концу, и Гвальtierи созвавъ пріятелей своихъ и подданныхъ, сказалъ имъ: Друзья! вы желали, чтобы я женился; исподняю желаніе ваше, болѣе въ угожденіе вамъ, нежели себѣ. Вы обѣщали почищать супругу мою, каковъ бы ни былъ мой выборъ: — я сдержалъ мое слово — сдержите ваше. Объявляю вамъ, что здѣсь, въ сосѣдствѣ, нашелъ я себѣ невѣсту, обручусь съ нею немедленно и введу ее въ мой замокъ. Вы съ своей стороны приготовьте богатый пиръ

свадебный; придумайте, какъ лучше и досшойнѣе принять супругу вашего владѣльца: однимъ словомъ, устройте все такъ, чшобы я былъ доволенъ вами, какъ вы моимъ выборомъ. — Всѣ въ одинъ голосъ опвѣчали, что выборъ его будетъ имъ по сердцу, что они будутъ любить и уважать его супругу, какого бы она ни была происхождения. — И весь домъ засуетился: начали готовить великолѣпный пиръ свадебный. Гвальіери пригласилъ множество пріятелей, сосѣдей и родственниковъ: у богатыхъ за друзьями дѣла не спанешъ. Наконецъ призываетъ къ себѣ горнишную дѣвушку, роспу одинакаго съ будущей невѣстою, и велитъ кроить по ней платье пышное и уборы великолѣпные. Кромѣ того приготовлено всякой всячины; множество поясовъ богатыхъ, колець изумрудныхъ, серегъ яхонтовыхъ и вѣнецъ брачный: однимъ словомъ, все, что нужно для молодой. Наспалъ условный день, и Маркизь приведя всѣ дѣла въ порядокъ, сѣлъ на коня и сказалъ приближеннымъ: Государи мои, пора намъ опсправиться

за невѣстою. И всѣ поскакали веселою вереницею въ то селеніе, гдѣ жиль онецъ нареченной. Она спояла у колодца и спѣшила вышаскивать вѣдра, надѣясь съ подругами идти на встрѣчу Маркизовой свадьбѣ, кошорая приближалась ближе и ближе къ селу. Гвальпіери называешъ ее по имени, *Гризельдою*, попомъ спрашиваешъ: гдѣ онецъ твой? — Дома — опивчала она и закраснѣлась, какъ алыи макъ. Гвальпіери слѣзаешъ съ коня, приказываешъ шолпѣ ожидаешъ себя на улицѣ, а самъ идешъ прямо въ низкую хищину бѣднаго Жіанукола. — Я прѣхаль за Гризельдою, но прежде всего, хочу поговорить съ нею въ швоемъ присушствіи. Нравлюсь ли я? Если такъ, шо будетъ ли она во всю жизнь угождаешъ мужу своему, никогда не огорчаешъ поступками его и повиноваешъ маѣйшей волѣ его? — Гризельда, пощупя глаза, опивчала: Буду безъ сомнѣнїа! — Гвальпіери, довольный опившомъ, берешъ ее за руку и при всей шолпѣ провожашыхъ и челяди своей, раздѣваешъ и наряжаешъ въ великолѣпныя брачныя одежды, а на волосы,

кошорые одна природа до сихъ поръ убирала, торжественно надѣваешь вѣнецъ брачный. Всѣ удивились. — Друзья, опивъчалъ онъ, вопъ ша дѣвица, кошорую желаю имѣшь супругою, ша, кошорая согласна жить и умереть со мною. Пошомъ оборотясь къ Гризельдѣ, (а она опъ спыда и радости свѣсна Божія не видѣла): правду ли я говорю, Гризельда? желаю ли ты быть моею женою? — Желаю, Государь. — Дѣло сдѣлано и обрядъ къ концу. По выходѣ изъ церкви посадили ее на богашаго коня и съ великою честію проводили въ замокъ. Пиръ былъ испинно великолѣпный, какъ будшо Маркизь сочешался съ дочерью Короля Французскаго; а новобрачная, къ удивленію всѣхъ, съ нарядомъ перемѣнила нравъ, пошупъ и душу. Мы сказали уже, что она была спашнаго росшу, пригожа и миловидна; а наряды еще болѣе придали блеску красотѣ ея. Она шакъ умѣла плѣнить каждаго обхожденіемъ, учпивоспію, сердечною доброшою, что всѣ забыли въ ней дочь убогаго Жіанукола, паспушку овечекъ, и щипали за дочь

какого нибудь знашнаго Принца. Всѣ, ее знавшіе въ первобышномъ состояніи, не могли надивиться. Кропосшь ангельская, послушаніе чудесное, дѣлали мужа ея щасливѣйшимъ изъ всѣхъ мужей.

Однимъ словомъ, съ подчиненными и подданными она обходилась шакъ ласково, тихо, милоспиво и привѣспливо, что каждый полюбилъ ее, какъ душу. Всѣ говорили за одно, даже и тѣ, которые сей выборъ сперва оуждали, — что Гвальшіери поступилъ очень благоразумно, что онъ самый проищаспительный человекъ; ибо могъ ошкрыть подъ сельскимъ, бѣднымъ рубищемъ сполько доброшы, сполько прелеспныхъ качеспвъ! И не сполько въ Маркизствѣ Салуцкомъ, но повсюду Гризельда умомъ и поведеніемъ оправдала спранный поступокъ мужа своего. Въ теченіе перваго года она обрадовала его рожденіемъ прелеспной дочери. Въ замкѣ по этому случаю былъ праздникъ великолѣпный.

Но Маркизу вздумалось испытать ангельскій нравъ и шерифнiе супруги труднѣйшими, жесточайшими опытами. Сперва началъ онъ оскорблять ее рѣчами, пошомъ принявъ на себя видъ печальный и смущенный, сказалъ ей однажды, будшо подданные его начинаютъ рошашъ за то, что онъ избралъ въ супруги бѣдную дѣвушку, низкаго сосноянiя — а болѣе еще пошому, что она родила дочь, а не сына. Не измѣнясь ни мало ни въ лицѣ, ни въ голосѣ: дѣлай что хочешь, Государь, ошвѣчала оскорбленная — дѣлай то, чего шребуешь честь, польза и слава имени швоего. Я всемъ буду довольна; ибо не забываю, что была послѣднею изъ слугъ швоихъ; не забываю шого, что ты для меня сдѣлалъ — для меня, бѣдной дѣвушки!—Такой ошвѣшъ очень понравился Маркизу. Но, нѣсколько дней спустя, онъ объявилъ ей снова, что подданные его не могутъ болѣе шерпѣть его дочери. . . и удался. Вскорѣ является одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ его, и съ слезами на глазахъ начинаетъ говорить: Проспище, Государыня . . . но я подѣ смершнымъ

спрахомъ долженъ исполнишь то, что мнѣ приказалъ супругъ вашъ... Онъ велѣлъ мнѣ взять младенца вашего, и....

И не могъ сказать болѣе. — Несчастная мать, услыша сіи несвязныя рѣчи, соображая ихъ съ тѣмъ, что говорилъ Маркизь, вмигъ на мрачномъ лицѣ служителя прочинила участь невиннаго младенца — бросилась къ колыбели, поцаловала дочь свою, благословила съ сердцемъ, исполненнымъ жесточайшей горести, и не измѣняясь ни мало въ лицѣ, вручила ее служителю. — Исполняй но, что предписалъ тебѣ господннъ нашъ; но умоляю тебя, не отдавай ее на жертву дикимъ звѣрямъ... если тебѣ это не предписано! — Служитель взялъ младенца на руки и скрылся. Гвальшіери свѣдавъ оиъ него, какимъ образомъ Гризельда исполнила строгое приказаніе, удивился ея швердости, но намѣренія своего не отложилъ. Съ вѣрнымъ служителемъ онъ немедленно отправилъ дочь свою въ Болонію, къ ближайшей родственницѣ своей, кошорую умолялъ дать ей воспитаніе ош-

личное, но никому ни подь какимъ видомъ не объявляшь о ея рожденіи.

Въ скоромъ времени Гризельда снова сдѣлалась мансерью и даровала жизнь прекрасному мальчику. Оиецъ, принимая на руки новорожденного, былъ въ себя оиъ радости: но не довольствуясь первымъ опыномъ, снова жесночайшимъ перзаніемъ рѣшился испытать сердце несчастной супруги своей. — Поданные мои, сказалъ оиъ однажды, еще болѣе оскорблены съ шѣхъ поръ, какъ ты ушѣшила меня сыномъ; они съ ужасомъ помышляютъ о томъ, что внукъ бѣднаго пасшуха — оица швоего — будешь ихъ господиномъ. Если я не удалю себя и не возьму другой жены, то они выгоняшь меня изъ областей моихъ. — Съ терпѣніемъ и покорностію Гризельда выслушала слова супруга своего. Устройте все ко благу вашему; обо мнѣ же забудьте нмало, Государь! Въ вашемъ щасіи заключаешя мое благополучіе. — Черезъ нѣсколько дней Гвальшіери послалъ за новорожденнымъ и велѣлъ сказать ма-

шери, что ему готовится одинакая участь съ прежнимъ младенцемъ; — а самъ, тайно отправилъ его въ Болонію къ прежней родосивеницѣ. Великодушная Гризельда перенесла эту потерю съ прежнею швердосшію, безъ слезъ и ропшанія, и въ глубинѣ сердца своего ушла несказанную горесшъ машери. Гвальшіери удивился. — Ншш! повшорялъ онъ самъ себѣ, ни одна женщина не можешъ сравнишья съ нею!

Подданные думали, что Маркизь велѣлъ умершвишь дѣшей своихъ: всѣ охуждали его посшупокъ, называли его жестокимъ онцомъ, и безъ жалосши не могли смощрьшь на бѣдную машь. Женщины, ее окружавшія, часно плакали и сокрушались при ней объ участи невинныхъ малюшокъ, и она всегда говорила имъ: не плачьше, милья подруги; вспомнише, что шакъ угодно было онцу ихъ.

Прошло нѣсколько годовъ со времени рожденія дочери. Маркизь задумалъ сдѣлашь послѣдній оншшь и объявилъ своимъ приближеннымъ, что не

хочеть имѣть супругою Гризельду, что онъ по молодости лѣтъ обручился съ нею; наконецъ, признался, что поспунилъ очень безразсудно, а чтобы загладить проспунокъ свой, рѣшаемся просить Папу о разводѣ и позволеніи обручиться съ другою. Всѣ осуждали намѣреніе Маркиза, но онъ былъ непоколебимъ.

Гризельда вскорѣ объ этомъ услышала. Возвратившись въ бѣдный домъ отца своего, снова сдѣлалась пасушкою овецъ, видѣвъ супруга своего, до сихъ поръ снрасшно обожаемаго, въ объяснѣхъ другой жены... все это перзаю, раздирало ея душу. Но она рѣшилась перенести послѣдніе удары судьбы съ прежнею швердоснїю, съ прежнимъ великодушїемъ. Вскорѣ прибыло изъ Рима разрѣшеніе Папы (оно было подложное) и Маркизь его обнародовалъ. Призывающъ Гризельду и въ присущствїи многочисленной толпы жесткосердый Гвальшїери говоритъ ей: Вошь разрѣшеніе Папы на другой бракъ. Я долженъ опшвергнутъ тебя. Ты знаешь,

чно многие изъ подданныхъ моихъ дворянъ, знатные и сильные владѣльцы; они сами имѣютъ своихъ подданныхъ; а свои родители всегда были земледѣльцами.... Тебѣ нельзя бытъ супругою Маркиза Салуцкаго! Возвращаю тебѣ приданое *твоё* и себя — опцу своему: я избралъ себѣ другую въ супруги.

Гризельда превозмогла всю горестъ оскорбленной женщины и силясь удержашъ слезы и рыданія сказала голосомъ довольно швердымъ: — Я помню мое низкое происхожденіе, неприличное вашему знатному роду; помню, что по милости Бога и вашей, Государь, я была возведена на столь высокую степень, и что все мое щасіе было временное! Мое дѣло повиновашъ слѣпо волѣ господина моего. Волѣ обручальное кольцо: возьмите его; но позвольте мнѣ возвратишъ къ опцу моему въ шой одеждѣ, въ кошорой прибыла я въ замокъ. Вамъ нѣчего возвращашъ мнѣ: ни золота, ни серебра, никакихъ сокровищъ я не принесла въ приданое; вы

взяли меня нагую, и, если мать дѣшей вашихъ должна нагая возвратиться къ преспарьлому отцу своему, — то она исполнишь волю вашу. Но, именемъ любви и непорочности заклинаю васъ, Государь, дайте, ахъ! дайте мнѣ хотя одно покрывало.... послѣднюю защищу спыдливости.

Гвальшіери, почти пронувшій до слезъ, старался сохранить суровый и строгій видъ. Согласенъ на покрывало — сказала онъ — но...болѣе ничего! — Всѣ приближенные умоляли его дать ей по крайней мѣрѣ одно плащье. Какъ? говорили они, супруга Маркиза Салуцкаго, наша старая госпожа, явившаяся полуобнаженною посреди улицы, какъ нищая, какъ пресупница, какъ самая послѣдняя изъ женщинъ!... Напрасныя просьбы! — Полуобнаженная, безъ обуви, безъ покрова на головѣ, съ распущенными волосами, заливаясь горькими слезами, она вышла изъ замка и сопровождаемая ыданіями слугъ и женщинъ, съ зардѣвшимися отъ слезъ глазами, явилась къ несчастному отцу. Жіануколо ни-

когда не хотѣлъ вѣришь, что дочь его останется Маркизою; онъ съ препетомъ ожидалъ судьбы, ее постигшей, и свято сохранилъ рубища, оставленныя ею въ бѣдномъ быту его. Съ слезами возвращаешь ихъ дочери. Она, великодушная до конца, презирая судьбу несправедливую и жестокою, спокойно принимаешься за прежніе труды сельскіе, въ дому ошеческомъ.

Между тѣмъ Маркизь немедленно объявляетъ, что свашаетъ за себя дочь славнаго Графа Панагскаго, пригото- вляетъ великое торжество и — посылаетъ за Гризельдою. — Скоро будешь въ замокъ моя невѣста, говоришь ей Гвальшіери, я желаю принять ее съ великими почестями. Ты знаешь, что въ замкѣ ни одна женщина, кромѣ тебя, не умѣешь убирать покоевъ и учреждаешь порядка, для великаго торжества приличнаго. На тебя возлагаю эту обязанность. Учреждай, повелѣвай всѣмъ: пригласи заблаговременно женщинъ, какихъ тебѣ угодно; угощай, принимай ихъ, какъ хозяйка и попомъ—

можешь возвратиться въ свою хижину. Каждое слово, какъ острая игла, кололо чувствительное сердце Гризельды; ибо она не преспавала обожающаго благодарнаго супруга.—Я на все гошова, опивчала спрадалица; и, въ сельскомъ рублищѣ, прежняя поведительница замка, начала убирать покой, расставляя по заламъ креслы, расстилая ковры узорчатые, пригошворяя споль и все, что было пошребно — какъ будто бы она была просшая служанка или ключница. Однимъ словомъ, она рукъ не опускала, пока все не было кончено и распорядено опъ важной вещи до послѣдней бездѣлки. Госши приглашены: все гошова, въ ожиданіи веселаго пира. И вошь насшаешъ день свадебный. Гризельда въ рублищѣ, но съ лицомъ веселымъ и привѣпливымъ, угощаешъ наѣхавшихъ женъ и дѣвицъ боярскихъ, какъ добрая, домовишшая хозяйка. Гвальшіери пайно посылаешъ въ Болонію къ супругу родшвенницы своей Графини Панагской, у кошораго въ домъ воспитывались его дѣши; приглашаешъ его въ замокъ свой съ шѣмъ, чтообы онъ и

Графиня привезли съ собою дѣшей его и множество гостей почешныхъ, но никому не объявляли о его намѣреніи. Дочери Маркизовой минуло двѣнадцать лѣтъ: она была красота чудесной, а шестилѣтній братъ ея походилъ на нее совершенно.

Графъ Панагскій, окруженный безчисленною полною гостей почешныхъ, съ сими предешными дѣшми пущился въ путь и черезъ нѣсколько дней прибылъ благополучно въ Салуццо, гдѣ собрались всѣ жишели деревень, сель и городовъ сосѣднихъ: всѣ ожидали съ неперпніемъ нареченной невѣсшы.

Пріемная зала опкрылась и невѣсшу встрѣпили съ чрезвычайными почешями и церемоніями. Гризельда вышла на встрѣчу и поклонясь ей низко примолвила: Добро пожаловать, Государыня! Всѣ барыни и дѣвицы идя къ сполу упрашивали Маркиза удалитъ прежнюю жену, или, по крайней мѣрѣ, дасть ей приличное платье: Маркизь не согласился.

Въ сподовой взоры всѣхъ обратились на невѣсшу: всѣ превозносили ее

до небесъ, а иные шепшали другъ другу: Маркизь нашъ сдѣлалъ выгодный обмѣнъ! Сама Гризельда спояла, какъ очарованная, и невольно дивилась красотѣ дѣвушки и малолѣтняго брата.

Наконецъ желанія Маркизовы были удовлетворены въ полной мѣрѣ. Онъ испыталъ всю силу шептвннн Гризельды; онъ увѣрился, что ничто, никакое испытаніе не можешъ поколебашъ сей твердой души; что впередъ можешъ положить на нее всю надежду свою. Онъ рѣшился облегчить свинцовое бремя печали, копорую она сидилась пашъ во глубинѣ сердца своего. Но прощасельный супругъ легко угадывалъ ея грусть на лицѣ, въ самомъ голосѣ. При всемъ собраніи госпей велишъ онъ ей приблизиться съ колкою улыбкою повшоряешъ: Понравилась ли шебъ моя невѣста? — Ахъ, какъ не понравилась, отвѣчала Гризельда; и если она сполько же благоразумна, сколько пригожа, то вы будеште щаспливѣйшимъ супругомъ! Но. . . умоляю васъ, Государь, не шерзайте ее, какъ прежнюю жену: она не пере-

несешь такихъ мученій. Пренняя супруга ваша ошь самой юности была знакома съ горемъ и шрудами, а эша, вы сами видите, какъ еще молода и какъ нѣжно воспитана.

Гвальпіери съ радостію замѣшилъ, что Гризельда находилась въ обманѣ и ни мало не измѣнялась въ добротѣ сердечной, подвинулъ спуль и посадилъ ее возлѣ себя. Она запренешала.

Гризельда, сказалъ Маркизь, по нѣкоторомъ молчаніи, пора шебѣ собрашь плоды шерпѣнія швоего; пора опкрышь глаза шѣмъ, кошорые полагали, что я жестокъ и неправосуденъ. Я достигъ моей цѣли; я научилъ шебя нести тяжельй крестъ супружесшва и бышь во всемъ примѣрною женою: подданныхъ научилъ уважать швои рѣдкія качесшва и, впередъ не нарушашъ нашего покоя. Вошь вся цѣль моихъ испышаній. Въ награду за любовь швою, кошорую шы мнѣ доказала и словомъ и дѣломъ, безцѣнная Гризельда! въ награду за щасіе мое, кошораго шы была и будешъ единственною виновницею, я оп-

даю все, что похитилъ у тебя, и всѣ раны сердца однимъ словомъ изцѣляю на вѣки. Вручаю тебѣ, кошорую ты называла моею невѣстою, вручаю брата ея. .они твои — они дѣти наши, а я снова твоя супруга, счастливейшій изъ смертныхъ!

Маркизь обнявъ ее съ восхищеніемъ, цаловалъ съ необыкновенною нѣжностію, и, разпроганную, ушопавшую въ слезахъ, повелъ къ удивленной дочери: всѣ были въ удивленіи неописанномъ. Женщины въ радости подхватили Гризельду подъ руки и повели въ особенную комнашу, сняли рубище, надѣли великолѣнное платье и шоржешвенно проводили въ залу.

Начался пиръ веселый. Всѣ были въ радости. Каждый выхвалялъ Маркиза, называлъ его мудрымъ, проницательнымъ, а Гризельду до небесъ превозносили. Наконецъ и гости развѣхались. Послали за бѣднымъ Жіануколомъ. Онъ былъ принятъ въ замокъ съ почестями и уваженіемъ, какъ шестъ богатаго владѣльца, и въ объятіяхъ до-

чери своей кончили щастливую спаросшь. Маркизь не переславаль обожасть свою Гризельду и былъ конечно щастливѣйшій супругъ и отецъ во всей Италіи.

Теперь вы согласитесь со мною, друзья мои, что въ хрижинѣ мы чаще вспрѣчаемъ небесныя дарованія, по есть: добродѣшель, чесность и терпѣніе, нежели въ палахахъ и шеремахъ великолѣпныхъ. Часто въ лачугѣ таишся шопъ, кто бы доспоинъ былъ сіяшь въ коронѣ и поведѣвать людьми; а въ палахахъ — — — но оставимъ эшо! Спрашиваю шолько, кто сравняешся въ терпѣніи съ Гризельдою? Кто, подобно ей, перенесетъ съ лицемъ спокойнымъ, даже веселымъ, жесточайшія, неслыханныя испышанія, какимъ подвергнуль ее Гвальшіери? . .

XIV.

О ЛУЧШИХЪ СВОЙСТВАХЪ СЕРДЦА.

Масье, воспитанникъ Сикаровъ, на вопросъ: что есть благодарность? отвѣчалъ: память сердца. Прекрасный отвѣтъ, кошорый еще болѣе дѣлаешь честь сердцу, нежели уму глухонѣмаго Философа. Эта память сердца есть лучшая добродѣтель человѣка, и не столь рѣдка, какъ полагають нѣкоторые строгіе наблюдатели. Человѣкъ добръ по природѣ, кричалъ Женевскій мизантропъ, и клеветалъ общество: слѣдственно клеветалъ человѣка; ибо онъ созданъ жить въ обществѣ, какъ муравей, какъ пчела: всѣ его добродѣтели относительны къ ближнему, и ошвлеченно онъ онаго существовать не могутъ, какъ рука, ошдѣленная ошъ шѣла. Человѣкъ есть созданіе злое,

говорятъ другіе моралисты, и приводящъ множество свидѣтельствъ о развращеніи и злобѣ сердца нашего; но я не вѣрю имъ и не могу вѣрить, чтобы общество походило на скопище свирѣлыхъ звѣрей. Живутъ ли пигры вмѣстѣ? спросятъ ли города?—Нѣтъ. Ясное доказательство, что злоба не связывается, но разлучается. Кто живетъ въ обществѣ? Не злобныя созданія: голубь, муравей, бобръ, умный слонъ, и каждое изъ сихъ созданій имѣетъ какое нибудь *качество*, которое украшаетъ человека и есть одно изъ незыблемыхъ основаній общежительности.

Первый нашъ долгъ: благодарность къ Творцу. Но для исполненія его надобно начать съ людей. Провидѣнію угодно было связать чрезъ общество всѣ наши отношенія къ Небу. Быть виновникомъ бышя не есть достоинство передъ Богомъ и людьми; но принявъ младенца изъ рукъ матери въ минуту его рожденія, отъ колыбели до зрѣлыхъ лѣтъ служишь ему защитною и опорою, передашь ему въ наслѣдіе имя, званіе, сокровища, землю праотцами воздѣлан-

ную: вошь обязанность отца. Благодарность есть обязанность дѣтей. На подобныхъ взаимныхъ обязанностяхъ основано все благосостояніе общества. Вся основанія его суть *добро*, и чѣмъ болѣе добра, тѣмъ шверже его основаніе; ибо одно добро имѣешь здѣсь прочность и постоянность. Зло есть насильственное состояніе. Подъ шумомъ ли бури или при сладостномъ сіяніи солнца зрѣешь нивы? Какъ сила плодородія имѣешь свое основаніе въ теплотѣ, такъ сила гражданственности основана на добрѣ.

Многіе умы наблюдали человека въ одномъ шѣсномъ кругу, въ которомъ дѣйствовали сами. Ларошфуко, остроумнѣйшій изъ писателей остроумнаго вѣка, основалъ мораль свою на подобныхъ наблюденіяхъ. Но я спрашиваю: если бы Нашуроиспытатель глядѣлъ на муравья, во время его спростыванія за былинкою или за зерномъ, наблюдалъ его ссоры съ товарищами, а забылъ заглянуть въ огромное гнѣздо, гдѣ все имѣешь видъ порядка, стройности, гдѣ

всѣ части относятся совершенно одна къ другой и составляютъ прекрасное цѣлое: но какое произнесъ бы онъ сужденіе о трудолюбивомъ насѣкомомъ? Вошь, что сдѣлала Ларошфуко, говоря о человѣкѣ и наблюдая за нимъ въ прихожей Тюльерійскаго замка. Но прихожая не есть вселенная, и человѣкъ придворный не есть лучшій изъ людей.

Впрочемъ, меня никто не увѣришь, чтобы чувство благодарности было слѣдствіемъ нашего эгоизма, и я не могу постигнуть добродѣтели, основанной на исключительной любви къ самому себѣ. Напрошивъ того, добродѣтель есть пожертвованіе добровольное какой нибудь выгоды; она есть опреченіе отъ самаго себя. Есть добродѣтели уму принадлежащія, другія сердцу: благодарность, лучшая изъ нашихъ добродѣтелей, или вѣрнѣе, опголосокъ многихъ душевныхъ качествъ, принадлежитъ сердцу. „Ты мнѣ сдѣлала добро: слѣдовательно я тебя люблю,“ такъ говоришь благородное сердце. Эгоистъ иначе: „ты мнѣ сдѣлала до-

бро; но будешь ли мнѣ дѣлать добро и впредь? добро, шобою сдѣланное, не требуетъ ли пожертвованій съ моею спороны? “ Вошь слова эгоиста; они совершенно прошивны благодарности, кошпорая шѣмъ прелестнѣе, шѣмъ свяшѣе, чѣмъ меньше разсуждаешь, чѣмъ меньше торгуешься съ пользою личною, и бошѣ предаешься одному сердечному движенію.

Сердца, одаренныя глубокою или раздражимельною чувствительностію, часшо не знаютъ середины; для нихъ все есть зло или добро: видяшь совершенный порядокъ въ обществѣ, или опсуществіе онаго — скорѣе послѣднее. Чувствительный человекъ, спсрадавшій въ печеніи всей жизни, дѣлается наконецъ мизантропомъ, и убѣгается въ дремучіе лѣса опъ взоровъ людей неблагодарныхъ. Тамъ возноситъ онъ клеветы на все человечество, оскорбившее его сердце, и въ гнѣвѣ своемъ забываетъ, что онъ самъ есть человекъ, шо есть, созданіе слабое, доброе, злое и нераз-

судимельное; лучь Божештва, заключенный въ прахь; сущесство, порабощенное всъмь спихіямь, всъмь измѣненіямь нравственнымь и физическимь. Но пусть мизантропъ приведешь себѣ на память всю жизнь свою ошь колыбельныхъ дней до шой спрашной эпохи, когда сердце его воскликнуло въ гнѣвѣ: „человѣкъ золь и люди подобны шиграмь!“ пусть приведешь онъ на память и младенчесство, и юношесство, и зрѣлый возрастъ, въ кошоромь воля и разумокъ начинали заглашашь голось спрасшей; пусть онъ спросишь себя: или я не нашель добрыхъ и чесныхъ людей, въ шеченіе цѣлой жизни? или я лучше и добрѣ всѣхъ людей, имью всѣ добродѣтели и всѣ качества, и чуждъ спрасшей, и чуждъ всего низкаго и порочнаго? Нѣшь, скажешь ему разумокъ и опышь: и шы человѣкъ, и шы заплашилъ человѣчесству дань пороковъ, слабости и спрасшей; шы не ангель, шы и не чудовище. Опытъ и разумокъ показывающь намь рѣдкія добродѣтели, и часпто въ сердце порочномь наблюдашеть чудесь нравствен-

ныхъ съ неизъяснимою радостію открываешь яркіе лучи душевной доблести: великодушіе, спраданіе, презрѣніе къ корысши и тысячу прелестныхъ качествъ, кошорыя примирають его съ порочнымъ и съ Небомъ, создавшимъ челоуѣка не для однихъ преступленій.

Кто изъ насъ, опложа всѣ предразсудки и всѣ предубѣжденія, не считаешь нѣсколько примѣрныхъ людей, ушѣившихъ собою челоуѣчество? Не спанемъ искашь героевъ добродѣтели въ Исторіи; поищемъ ихъ вокругъ себя — и найдемъ конечно! — Курцій бросился въ пропасть, но Римъ на него смотрѣлъ. Леонидъ обрекаешь себя смерти, но все Ошечество (и какое Ошечество? Спарша!) объ немъ въ страхъ и надеждѣ. Долгорукій раздираешь роковую бумагу въ присушствіи разгнѣваннаго Монарха; но онъ совершаетъ подвигъ свой въ Сенатѣ, окруженный великими людьми, достойными его и перваго Владыки въ мірѣ. Прекрасные подвиги, достойные подражанія и слезъ удивленія—недокупныхъ, сладостныхъ,

божественныхъ слезъ! — Теперь спрашиваю: если мы удивляемся великимъ дѣламъ на великомъ поприщѣ, — если вѣруемъ добродѣтели, швердоси душевной, безкорыстно въ великихъ общошельствахъ, то по чему не вѣруемъ имъ въ малыхъ? Добродѣтель подъ спудомъ не есть ли добродѣтель? Бѣдный, кошорый дѣлится послѣдними крохами съ нищимъ, сеспра милосердія, въ душевной больницѣ споящая съ сосудомъ врачеванія при ложѣ врага ея Опечесства; смѣлый и чело-вѣколюбивый врачъ, испышующій свое искусство и шерпѣніе въ дальней хижинѣ дровосѣка, безъ свидѣтелей своего добраго дѣла, кромѣ одного въ небесахъ и другаго въ груди своей: всѣ эши люди, обреченные забвенію, не суть ли добродѣтельные люди? И шощь, кто безпри-спрасшною рукою начершываетъ имена ихъ въ книгѣ судебъ, не напишетъ ли ихъ на ряду съ именами Говарда, Ласъ-Казаса, Еропкина и другихъ людей, кошорыхъ добродѣтель и челошество называютъ *своими*. Моншанъ замѣшилъ справедливо, что лучшіе подвиги хра-

бросши персяюся въ неизвѣстности; одинъ похищаешь знамя: имя его гремишь въ рядахъ, но сошни неуспрашиваемыхъ погибли передъ нимъ и кругомъ его. . . . Перенесите сей порядокъ въ мѣръ нравственный. Ласъ-Казасъ спасаетъ любовныхъ своихъ Американцевъ отъ рабства: онъ безсмертенъ; бѣдный Миссіонеръ въ снѣгахъ Канадскихъ бродитъ изъ шалаша въ шалаши, изъ снѣги въ снѣги; окруженный смертію, проповѣдуетъ Бога и упѣшаетъ страдающихъ: какихъ? семью дикаго или изгнанника, живущаго на неизвѣстномъ берегу безымянной рѣки или озера: сей смиренный воинъ Христа не есть ли великій человекъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ? Но къ чему намъ переноситься въ дальнія страны? Здѣсь, кругомъ насъ, кто не испыталъ, что есть добрые люди, что въ обществѣ есть добродѣтели рѣдкія, посреди спрасней, посреди разврата и роскоши: одно злое сердце можешь въ нихъ сомнѣваться; одно жестокое сердце не находило сердецъ нѣжныхъ.

И въ странахъ опдаленныхъ и въ дѣбряхъ, незнакомыхъ взорамъ челоѣвка, родившея цѣвшы: на дикихъ берегахъ Амура, среди мховъ и болотъ выходить прелестный цѣвшокъ, до сихъ поръ неизвѣстный любобытному пешынашело природы; медленно распускается онъ подъ крошкимъ вѣянемъ лѣшняго вѣтерка; наконецъ, украшеніе пущыни, цѣвшокъ увядаетъ: —

Въ пущынномъ воздухѣ шеря запахъ свой!
 Но сѣмена его, падая на землю, разцѣвшають съ первою весною въ новой красотѣ, въ новомъ убранныхъ. Вошь пешынная эмблема сей добродѣтели, неизвѣстной челоѣкамъ, но пешошеряной для челоѣчества; ибо ничто доброе здѣсь не шеряется, подобно какъ ни одна былинка въ природѣ: все имѣетъ свою цѣль, свое назначеніе; все принадлежитъ къ вѣчному и просшранному чершежу, и входитъ въ соснавь цѣлаго въ нравешвенномъ мѣрѣ. Въ роскошномъ Парижѣ, въ многолюдномъ Лондонѣ и Пекинѣ шаже самая сумма, или шаже количество

добра и зла, по мѣрѣ пространства, какое и въ юртахъ кочующихъ народовъ Сибири, или въ землянкахъ Лапландцевъ. Добродѣтельный старецъ (Мальзербъ) защищаетъ Монарха, покину-
 таго друзьями, родственниками, дворян-
 ствомъ, цѣлымъ народомъ; онъ защи-
 щаетъ его подъ лезвемъ мечей, при
 проклятіи озлобленныхъ тирановъ: (но
 въ виду всеенной, и, такъ сказать,
 въ присутствіи попомства): въ ту же
 самую минуту, сдѣлаемъ сіе предполо-
 женіе, Лапландецъ пробѣгаетъ на лы-
 жкахъ необычное пространство, въ пре-
 скучій морозъ, посреди ужасной вьюги:
 зачѣмъ? Чѣобы принести нѣсколько
 пицци бѣдному семейству друга сво-
 его, утѣшить больную вдовцу и спа-
 сени онъ явной смерти груднаго мла-
 денца. Мальзербъ и Лапландецъ равны
 передъ нѣмъ, кѣно ихъ создалъ, равны
 передъ лицомъ Добродѣтели и Правос-
 судія небеснаго: оба жертвуютъ жиз-
 нью для добраго дѣла.

НѢЧТО О МОРАЛИ,

Основаиной на философи и религии.

Есть необыкновенная эпоха въ жизни; иные раньше, другіе позже испытали мученіе и сладость, ей особенно свойственныя. Я хочу говорить о томъ времени, въ которое человекъ, посредствомъ опыта и спрассей, получаетъ новое нравственное существованіе; когда раздравъ завѣсу сомнѣній, онъ открываетъ новое поприще, спановишиа на новый рубежъ, озираетъ съ него прошекшее и будущее, сравниваетъ одно съ другимъ и рѣшаетъа прошеканъ оснальное поприще жизни съ свѣщильникомъ вѣры или мудрости; оставая за собою предразсудки легкомыслия, суенныя надежды и шолну блестящихъ призраковъ юности.

Скоро и невозвратно исчезаетъ юность, это время, въ которое человекъ, по щасливому выраженію Кантемира, *еще новый житель міра сего*, съ любопытствомъ обращаетъ взоры на природу, на общество и пребудетъ однихъ сильныхъ ощущеній; онъ съ жаждою пьетъ тогда въ источникъ жизни, и ничто не можетъ утолить сей жажды: нѣтъ границы наслажденіямъ, нѣтъ мѣры требованіямъ души, новой, исполненной силы и неослабленной ни опытносшю, ни трудами жизни. Тогда все дѣлается страшнѣе, и самое чшеніе. Щасливъ тотъ, кто найдетъ наставника опытнаго въ оное опасное время, наставника, когото попечительная рука отклонитъ отъ порочнаго и суешнаго; щасливъ тотъ еще болѣе, когото сердце спасетъ отъ заблужденій разсудка: ибо въ юности сердце есть лучшая порука за разсудокъ. Одна опытносшь даетъ разсудку и силу и дѣятельность. Во время юности и огненныхъ сврасней каждая книга увлекаетъ, каждая сценка принимается за истину, и чинатель, неруководимый раз-

умомъ , подобно гражданину въ бурныя времена безначалія , переходящъ по на одну , по на другую сторону . — Сомнѣніе не существуетъ и не можешь существовать ; ибо оно уже есть слѣдствіе сравненія , для котораго нужны понятія , цѣлый запасъ воспоминаній . Тѣ моралисты , которые говорятъ сердцу , одному сердцу , иль полишники , которые нападаютъ софизмами на всѣ предрасудки безъ изъясненія и поражаютъ зло смѣлами саширы или палицею желѣзнаго человѣка , * не взираютъ ни на лица , ни на условія и законы общества , суть самыя опаснѣйшіе . Блескъ остроумія исчезаетъ ; одно убѣдительное краснорѣчіе спрасшей , или возбуждающее ихъ , оснавляетъ въ сердцахъ сіи глубокіе слѣды , часомъ неизгладимые . **

Но время чтенія исчезаетъ ; ибо пресыщенное любопытство упоминаетъ

* Смолри мечтанія Мерсе подѣ названіемъ: Раи 2440.

** Вошь по чему чтеніе Вольпера менѣе развращало умовъ , нежели пламенныя меч-

ся. За симъ слѣдуешь непосредственно эпоха сомнѣній. Сомнѣніе мучительно; оно есть необыкновенное состояніе души, и продолжительно не бываетъ. Надобно рѣшишься мыслящему человѣку принять свѣщильникъ мудрости (шой или другой школы); надобно запаснись мудростію человѣческою или небесными утѣшеніями; ибо онъ видитъ, онъ чувствуетъ, что для самой ограниченной дѣятельности въ обществѣ, надлежитъ имѣть нѣсколько постоянныхъ нравственныхъ истинъ въ опору своей слабости. Къ несчастію, — или къ щастію можешь быть, ибо кто извѣдалъ все пути Промысла? — мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, въ конкоромъ челоѣческая мудрость недоступна для обыкновеннаго круга дѣятельности самаго проснаго граж-

данія и блестящіе софизмы Руссо: одинъ говоритъ безпрестанно уму, другой сердцу; одинъ угождаетъ суешности и скоро ушомляетъ осироуміемъ; другой никогда не можешь наскучить, ибо всегда плѣняетъ, всегда убѣждаетъ или прогаешь: онъ во сво разь опаснѣе.

данна: ибо какая мудрость можетъ утѣшить несчастнаго въ сіи плачевныя времена, и какое благородное сердце, чувствительное и доброе, спанетъ довольствоваться сухими правилами Философіи, или захочетъ искасть грубыхъ земныхъ наслажденій посреди ужасныхъ развалинъ столицъ, посреди развалинъ еще ужаснѣйшихъ — всеобщаго порядка, и посреди спраданий всего человѣчества, во всемъ просвѣщенномъ мірѣ? Какая мудрость въ силахъ дать поспоянныя мысли гражданину, когда зло поржествуетъ надъ невинностію и правотою? Какъ мудрости не обманушь въ своихъ машеманическихъ расчешахъ (ибо всякая мудрость человѣческая основана на расчешахъ), когда всѣ ея замыслы сами себя уничтожаютъ? Къ чему прибѣгаешь умъ, преобладающій оиоры? Къ какимъ поспояннымъ правиламъ, или расколамъ древней или новой Философіи, по какой спешемъ расположить свои поступки, связанные споль иѣсно съ ходомъ идей политическихъ, превращенныхъ и шанпкихъ? и что успокоитъ его? Какіе

свѣтскіе моралисты внушаютъ сію надежду, сіе мужество и постоянство для настоящаго времени столь печальнаго, для будущаго столь грознаго? Ни одинъ, смѣло отвѣчаю: ибо вся мудрость человѣческая принадлежитъ вѣку, общоупольсвамъ. Она подобна цвѣтмъ вѣжнымъ расцвѣтіямъ, которыя прозябаютъ, цвѣтутъ и украшаются плодами подъ природнымъ небомъ, но въ землѣ чуждой; окруженные несвойственными расцвѣтіями, при вѣяніи малѣйшаго вѣтерка, скудѣютъ листьями и вянутъ безпрестанно. Слабость человѣческая неизлечима, вопреки Споккамъ, и всѣ произведенія ума его носятъ оппечашокъ оной. Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесномъ Опкровеніи; ибо она единственно можетъ быть полезна во всѣ времена и при всѣхъ случаяхъ: *она есть щипъ и колые* добраго человѣка, которыя не ржавѣютъ отъ времени.

И къ чему всѣ опыты мудрости человѣческой? Къ чему свѣтлыя наблюденія зоркаго разума? Достаточны ли

они для человѣчества вообще и для человѣка часино во время его спраншвованія по бурному морю жизни? Къ чему, напримѣръ, сельскому жителю вся мудроснь и опытнось Дюкло? Къ чему шонкія замѣчанія Ларошфуко, кошораго книга, по словамъ и самихъ свѣнскихъ людей, сушншь сердце? Къ чему всѣ эти испины, основанныя на ложныхъ понятіяхъ? Ибо для мудрецовъ сихъ и дружба, и любовь, и чувснво сына къ опцу, и нѣжнѣйшее чувснво матери къ своему рожденію, однимъ словомъ, благодарноснь, безкорыснїе и все, что человѣчество имѣеть драгоцѣннаго, прекраснаго, великаго, всѣ позывы великой души, всѣ невольныя движенія и шайныя пожертвованія благороднаго сердца, — все есть слѣдствіе *корысти*.

Другіе свѣнскіе моралисты повшорили однѣ и тѣже мысли, или (напр. Гельвецій) давали имъ обширнѣйшее распроснраненіе, но вѣчно ложное.*

* Число понятій моральныхъ и политическихъ — говоритъ Ансильонъ — весьма ограничено; вообще мало понятій въ обращеніи.

Они опечалили человѣчество, они ограбили его, сіи дерзкіе и суешные умы: ибо что говорили они? *Будь щастливъ по нашимъ правиламъ.* — Согласенъ, слѣдую имъ слѣпо; но я все не доволенъ ни судьбою, ни сердцемъ своимъ. Что же мнѣ оспасаешя? — Терпѣніе, ошвѣчали они, и опсылали насъ къ Спощкамъ.

Вошъ, въ чемъ совершенно заключаешя вся нравственнаѣ теорія новѣйшихъ мечтателей, копорую опровергъ другой мечтатель *, опшунникъ опъ вѣры, опшунникъ опъ философіи. Ни слова въ ушѣшеніе; ибо гдѣ обрѣсти его? Въ совѣснн! кричали они. — Согласенъ; но кто ушѣшишь эшу мать, прижавшую къ груди своей прененнаго младенца, бѣгущую изъ столицы, объятую пламенемъ? Кто ушѣшишь эшого опца, сунрута, копорый подъ развалинами дома своего оспавляешъ все, что имѣлъ: идѣней,

Каждое поколѣніе выбиваешъ монету, или, лучше сказать, перемѣняешъ шолько штемцель, а мешалъ все шощъ же. —

* Руссо.

и жену, и всё блага жизни, всё надежды свои? Здѣсь совѣшь будешь существо отрицательное. Она будешь спокойна у невиннаго спрадальца, но слезы его прольются на прахъ разрушеннаго щасія. . . . взоры его обращены къ небу; щамъ найдешь онъ ошвѣтъ на вопросы опчаяннаго сердца, или оно погибнешь; здѣсь нѣшь середины.

Споическая спстема ложна, ибо мораль ея основана на одномъ умешвованіи, на одномъ отрицаніи; она ложна по тому, что безпрестанно враждуетъ съ нѣкнѣйшими обязанностями семейственными, которыя основаны на любви, на благоволеніи. Пусть будешь она лучшая изъ древнѣйшихъ спстемъ: ибо она внушаетъ человеку швердость, мужество, поешоянество, безъ которыхъ нѣшь добродѣтели; ибо она указываетъ смершному высокую цѣль и Бога на концѣ поприща жизни, проведенной въ правдѣ, въ трудахъ, въ отрицаніи самаго себя; но сердцу—она ничего не сказываетъ. Всё моральныя истины должны менѣе или болѣе къ нему опно-

сидѣть, какъ радіусы къ своему центру; ибо сердце есть источникъ страстей, пружина моральнаго движенія. Умъ долженъ имъ управляшь; но и самый умъ (у людей щасливорожденныхъ) любяшь ондавань ему ончень, и сей ончень ума сердцу есть то, что мы осмѣлимся назвать лучшимъ и нѣжнѣйшимъ цвѣткомъ совѣсти.* Есть другой родъ моралистовъ: они принадлежатъ къ школѣ Эпикуровой. (Новѣйшіе тѣ, которые не руководствовались истинами Откровенія и повноряли только ска-

* Вотъ въ чемъ заключали все ученіе Стоики: „Есть Богъ, слѣдственно Онъ создалъ челоѣка. Онъ создалъ его для себя, создалъ шаковымъ, чтобы онъ содѣлался *правосуднымъ и щастливымъ* на земли; слѣдственно челоѣкъ можеть познашь истину и можеть посредствомъ *мудрости своей* возвыситься до Бога который есть верховное благо.“ — Мы приглашаемъ прочиташь опроверженіе Моншана системы Эпиктетовой, и Паскалево опроверженіе Моншана и Эпиктета. Христіанскій мудрецъ сравниваетъ обѣ системы; заставляешъ бороться Моншана съ Эпиктетомъ и обонхъ поражаетъ неборимыми доводами. —

занія древнихъ.* Французскіе Писатели осьмагонадесять вѣка большею частію расположили мораль свою по ученію сего мудреца; они желали распроспра-нить ея вліяніе на всѣ сословія, на всѣ случаи жизни, могущіе поспігнутъ челоуѣка въ обществѣ. Система Эпикурова заключаешся въ слѣдующемъ предложеніи: „Челоуѣкъ не можешь возвыситься до Существа Верховнаго; его наклонности безпресшанно пропиво-рѣчашъ закону: онъ влечешся невольню къ видимымъ благамъ и ищешъ въ нихъ благополучія, даже въ вещахъ самыхъ гнуснѣйшихъ. И шакъ, все не вѣрно: неспинное благо подлежащъ сомнѣнію, и эшо ведешъ насъ къ познанію, что не можно имѣти постояннаго правила для нравовъ, ни шочности въ наукахъ.“ Моншанъ, великій защитникъ сего, пред-сшавляешъ намъ Сшопческую добродѣ-

* Во всемъ, говоритъ Моншанъ (если не-ошибаюсь), мы влечемъ по слѣдамъ дре-внихъ, какъ малые дѣти за школьнымъ учи-телемъ на гуляньѣ. Въ недавнемъ времени въ Германіи воскресли всю мечшательную Фи-лософію Платона подъ другимъ именемъ.

шель въ видѣ ужаснаго пугалища; а *свою* науку называешь игривою, чиспосередочною, просшою и проч. Слѣдую тому, что ей нравишься, говоришь онъ, играешь она небрежно съ дурными и щасливвыми случайностями жизни, покоишься сладосшно на лонѣ праздности, ошкуда показывается людямъ пущь къ истинному на землѣ благополучію. Не вѣденіе и нелюбопышество, восклицаешь онъ, — вошь два мягкія изголовья для головы щасливо образованной!

Убѣжденная въ сей *истинѣ* толпа Философовъ Эпикурейцовъ, ошь Монтаня до самыхъ бурныхъ дней революціи, повноряла челоуѣку: Наслаждайся! Вся природа швол: она предлагаетъ тебѣ всѣ сладосши свои, всѣ упоенія уму, сердцу, воображенію, чувствамъ; все, кромѣ надежды будущаго, все швое, минушное, но вѣрное. — Но гдѣ же сѣи сладосши, сѣи наслажденія безпрерывныя, сѣи дни безоблачныя, сѣи часы и минушы, сошканныя усердною Паркою изъ нѣжнѣйшаго шелка, изъ злана и розъ сладосшрастїя? гдѣ ощи,

спрашиваешь наслаждающийся въ пи-
шнѣ-спрашей своихъ. Гдѣ и что ша-
кое эши наслажденія, убѣгающія, обман-
чивыя, непоспоянныя, отравленныя сла-
боснію души и тѣла, помраченныя
воспоминаніемъ, или грустнымъ пред-
видѣніемъ будущаго? Къ чему ведешь
эши суевныя познанія ума, науки и
опытность, шрудомъ пріобрѣтенныя? —
Нынѣ ошѣша, и не можешь бышь!

Завлянемъ въ самое сердце чловѣка
просвѣщеннаго и щасливаго по поня-
тіямъ міра. Напримѣръ: кто былъ про-
свѣщеннѣе и щасливѣе Горація, и кто
спрадалѣ подобно ему? Природа лелѣла
его, какъ любимое дитя свое. Мы зна-
емъ его жизнь. Судьба, испытавшая его
въ юности, осыпала всѣми дарами и
славы и богатства въ зрѣлыя лѣта.
Дружество Августа и Мечената, на-
слажденія роскошнаго двора, общее ува-
женіе къ великому шаланцу, здоровье
неизмѣняющее, друзья любезные сердцу
и уму, и въ вѣрности подобныя благо-
склонной форшунѣ, прелестныя жен-
щны, гошовыя увѣщаютъ миршамъ

любимца Монархова и Музь, и что всего лучше, мудрость, удовлетворительная для всех случайностей счастья, мудрость, которая открыла золотую середину во всех вещах, истинный философский камень: чего бы не доставало? Но щастливецъ, при всехъ дарахъ фортуны, при всей Философii, скучалъ; ибо сердце человеческое имѣеть нѣкопорый избытокъ чувствъ, который не рѣдко бываетъ испочинкомъ живѣйшихъ терзаній. Наслажденіе насъ създаеть, говоритъ Монтанъ; сердце скоро пресыщается. „Юноша, наливающій Фалернское, дай горькаго!“ восклицаетъ Кашуль, увѣнчанный розами, пресыщенный на пиршествъ:

Minister vetuli, puer, Falerni
Inger'mi calces amariores.

Такъ создано сердце человеческое, и не безъ причины: въ самомъ высочайшемъ блаженствѣ, у испочиника наслажденій, оно обрѣщается горечью. И это испыталъ Гораций. Нигдѣ не могъ онъ найсти спокойствія: ни въ влажномъ Тибурѣ, ни въ дѣвствующемъ убѣжищѣ

Меценаша, ни въ градѣ; ни въ объятіяхъ любовницы, ни въ самыхъ наслажденіяхъ ума и шой Философіи, копорую украсилъ онъ неувядаемыми цвѣтами своего воображенія; ибо если Науки и Поэзія услаждають нѣсколько часовъ въ жизни, то не оставляютъ ли онѣ въ душѣ какой-то пустошы, копорая охлаждаетъ насъ къ видимымъ предметамъ и набрасываетъ на природу и общество печальную тѣнь? *

* „Въ Египтѣ я зналъ жреца, копорый, истощивъ всю жизнь свою на познаніе начала и конца вещей міра сего, сказалъ мнѣ съ глубокимъ вздохомъ: горе тому, кто захочетъ снять покрывало съ лица природы! горе тому, для кого уже не существуетъ по очарованію, копорое предразсудки и нужды навели на предметы міра! Вскорѣ душа его, поблеклая и помная, въ самой жизни найдетъ ничтожество, ужаснѣйшее изъ всѣхъ наказаній. При сихъ словахъ слезы навернулись на глазахъ, и онъ сокрылся въ густотѣ лѣса.“ — *Путешестіе младшаго Анахарсиса.*

Это шягостное состояніе души нерѣдко бываетъ извѣстно людямъ добрымъ и образованнымъ. Чшо избавишь ихъ ошъ сего мученія? — Религія.

Гдѣ же истинное блаженство? Увидимъ далье. — Мы испытали, что Эпикурейцы не обрѣли его за чашею наслажденія, ни Стоики въ безспрашїи и въ непреклонной суровости нравовъ; (ибо челоуѣкъ созданъ любить). Ни кто не нашель блаженства: ни умный, ни сильный, ни богашый въ черногохъ, ни бѣдный въ хижинѣ своей; ибо и шопъ, кто блистаешъ въ пурпурѣ, и шопъ, кто шанлъ всю жизнь свою въ убогомъ шалашѣ, говоритъ Горацій, не могушь назвашься щасливыми.

Гдѣ же это совершенное благополучіе, котораго шребуешъ сердце, какъ шѣло пиши? Оно нигдѣ не находишь вполнѣ, опшвѣчаешъ опышность всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Челоуѣкъ ешъ странникъ на земли, говоритъ свяшый Мужъ: чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гробъ его жилище во вѣкъ. — Вошъ почему всѣ сисшемы и древнихъ и новѣйшихъ недосшаночны! Онѣ ведушь челоуѣка къ блаженству наемнымъ пушемъ и никогда не доводяшь; Сисшемашики забываюшь, что

человѣкъ, сей царь лишенный вѣнца, брошенъ сюда не для щасія минушнаго; они забываютъ о его высокомъ назначеніи, о копоромъ Вѣра, одна свяшая Вѣра ему напоминаетъ. Она подаетъ ему руку въ самыхъ пронаспяхъ, изрыныхъ спрашеніями или непріязненнымъ рокомъ; она изводитъ его невредимо изъ преволненій жизни, и никогда не обманываетъ: ибо она переноситъ въ вѣчность все надежды и все блаженство человека. Лучшіе изъ древнѣйшихъ Писателей приблизились къ симъ вѣчнымъ истинамъ, копорыя святое Ошкровеніе явило намъ въ полномъ сіяніи. —

И горе тому, кто ошвращаетъ взоры свои! Собшвенное сердце его накажетъ: чѣмъ оно чувствительнѣе, чѣмъ благороднѣе, тѣмъ болѣе и сильнѣе будущъ его шерзанія; ибо ни дары щасія, ни блескъ славы, ни любовь, ни дружество, ни что не удовлетворитъ его вполне. Въ новѣйшія времена Руссо, одаренный великимъ Геніемъ, тому явный и краснорѣчивый примѣръ. Онъ нигдѣ не обрѣталъ благополучія; ибо всю жизнь

искалъ его не тамъ, гдѣ надлежало. Слава учинилась ему бременемъ, люди и общество ненавистными: ибо онъ оскорбилъ ихъ неограниченною гордостью. Любовь земная не могла насытить его жаднаго сердца; самая дружба его терзала. Оскорбленный, расщепленный всеми спрашьями, онъ покидалъ общество, шребовалъ щаспя въ объятія природы, вопрошалъ безмолвные лѣса, скипался при шумѣ клубящихся водопадовъ, въ часы румянаго утра и прохладнаго вечера; но не могъ успокоить своего сердца. Въ обществѣ напрасно облакается онъ въ манию Сшоиковъ, напрасно подражаетъ имъ въ швердости; собственное сердце ему измѣняетъ. Одна религя могла ушѣшить и успокоить спрадальца; онъ зналъ, онъ чувствовалъ эту истину, и жертва неизлечимой гордости, ошклонялъ безпреспашно главу свою ошъ легкаго и спасительнаго ярма. Краснорѣчивый защитникъ истины (когда истина не прошиворѣчила его спрашьямъ), пламенный обожатель и жрецъ добродѣтели, посреди величайшихъ за-

блужденій своихъ, какъ часто измѣнялъ онъ и добродѣтели и истиннѣ! Кто соорудилъ имъ великолѣпнѣйшіе алтари, и кто оскорбилъ ихъ болѣе въ теченіи жизни своей и дѣломъ и словомъ? Кто заблуждался болѣе въ лабиринтѣ жизни, неся свѣшпильникъ мудрости человѣческой въ рукѣ своей? Ибо свѣшпильникъ сей недоспашоченъ; одинъ лучъ Вѣры, слабый лучъ, но постоянный, показываетъ намъ вѣрнѣе путь къ истинной цѣли, нежели полное сіяніе ума и воображенія.

Покланяясь добродѣтели и измѣняясь ей, бытъ почишашелемъ истинны и не обрѣшашъ ее, — вопиѣ плачевный удѣлъ нравственности, которая не опирается на якорь Вѣры. Одно заблужденіе рождаешъ другое. Руссо началъ софизмами, кончилъ ужасною книгою; — онъ пожелалъ оправдаться передъ людьми, какъ передъ Богомъ, со всею искренностию челоуѣка глубоко распроганнаго, но гордаго въ самомъ униженіи, тогда, когда надлежало неповѣдывать тайны единому Верховному Существу,

не съ гордостію мудреца, кошорый укоряешь природу въ своихъ слабосняхъ, но съ смиреніемъ Хриспіанина. Одишь Богъ можешь требовашь ошь насъ подобной исповѣди; люди не досшойны оной. И чшо же? Оправдывая себя, ошь оскорбилъ и дружештво, и любовь, и родештво, и все, чшо челоувчештво имѣешь священнаго, завѣшнаго для души благородной; ошь оскорбилъ шѣни своихъ друзей, давно забытыхъ согражданами, оскорбилъ ихъ самымъ несправедливымъ приговоромъ по невѣденію: ибо истина на землѣ одному Богу извѣсна. Кшо требовашь у него сихъ признаній, сей спрашной повѣспи цѣлой жизни? Не люди, а гордосшь его. Какое право имѣль ошь повѣдашь міру о слабосняхъ женщины, кошорой дружештво, шполь нѣжное, шполь безкорышное, усладило юносшь и успокоило шревожимое сердце мечшашеля? Такъ! челоувкъ, рожденный для добродѣтели, учинилъ спрашное прешшупленіе, неслыханное досель, и это прешшупленіе родила мудросшь челоувчешкая... Десяшильшній ошрокъ, кошорый помнишь

своей Капихизисъ, можешь уличить его въ эшомъ преступленіи. Боже великій! что же такое умъ человѣческой въ полной силѣ, въ совершенномъ сіяніи, исполненный опытносши и науки? Что такое всѣ наши познанія, опытносшь и самыя правила нравственносши безъ Вѣры, безъ сего пушеводиншеля и зоркаго, и строгаго, и снисходительнаго? *

* Безъ смѣха и жалосши нельзя чипать признаній Женевскаго мечтателя. Я не сшану выписывать шѣхъ мѣсшъ изъ книги его, копорыя могутъ оскорбить нравственносшь самую свѣтскую, самую снисходительную: ихъ множесшво. Но одно мѣсто меня забавляешъ болѣе другихъ, когда я воображаю себѣ защитника правъ человѣчества и Философіи, ешоль лакомаго въ молодосши своей. У Г. Мабли, въ Ліонѣ, если не ошибаюсь, исправляя должность учителя и наставника, онъ любилъ ошдыхашъ въ своей комнашѣ и пилъ вино, заѣдая пирожками: шумъ нѣшъ еще большаго зла; но вино было краденое... Дѣло сдѣлано! говоритъ Философъ: *malheureusement je n'ai jamais pu boire sans manger... mais aussi quand j'avais ma petite brioche, et que bien enfermé dans ma chambre, j'allais trouver ma bouteille au fond de l'armoire; quelles bonnes petites buvettes je faisais là tout seul en lisant quel-*

Вѣра и нравственность, на ней основанная, всего нужнѣе Писателю. Закаленные въ ея свѣпильникѣ мысли его спановяпся посшояннѣе, важнѣе, сильнѣе, краснорѣчіе убѣдптельнѣе; воображеніе при свѣпѣ ея не заблуждается въ лабиринтѣ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ челоѣчеству дадутъ прелестъ его малѣйшему выраженію, и Писатель поддержптъ достоинство челоѣка на высочайшей степенп. Какое бы попрпще онъ ни прошекалъ съ своею Музою, онъ не унизптъ ее, не оскорбптъ ея смѣлпво-спп, и въ памяпп людей оставптъ пріятныя воспомннанія, благословенія

ques pages de roman! Можно ли удержаться отъ смѣха? Гдѣ шупъ достоинство челоѣка и мудреца? О слогѣ ни слова. Въ такомъ случаѣ слогъ есть вѣрное выраженіе души. И эшопъ челоѣкъ имѣлъ столько любезныхъ качествъ, столько небесныхъ дарованій! И эшопъ челоѣкъ чувствоваль всю прелестъ Релпгп, и благодѣтельное вліяніе оной на общество и на челоѣка частнаго! — Чего недоставало ему? Посшояннаго убѣжденія, менѣе гордостп и смрастпей, болѣе разсудптельностп и смиренія.

и слезы благодарности: лучшая награда таланту.

Невѣріе само себя разрушаетъ, говоришь краснорѣчивый Квинтиліанъ нашихъ временъ, который зналъ всю слабость гордыхъ вольнодумцевъ: *ибо онъ всю молодость свою провелъ въ станѣ непріятельскомъ*. Одна Вѣра создаетъ мораль незыблемую. Священное Писаніе, продолжаетъ онъ, есть хранилище всѣхъ испинъ и разрушаетъ всѣ затрудненія. Вѣра имѣетъ ключъ отъ сего хранилища, замкнушаго для коварнаго любопытства; Вѣра обрѣтаетъ въ немъ свѣтъ спасительный. Невѣріе приноситъ въ него соблазненные мраки, которые бывають тѣмъ гуще, чѣмъ они произвольнѣе. Чѣмъ бытъ выше другихъ людей, оно становится на высохы, окруженныя пропастями. Опшуда взоръ его, смущенный и блуждающій, смѣшиваетъ всѣ предметы. Невѣріе мыслишь обладашь орлинымъ окомъ, и ничего не различаетъ. Не случилось ли вамъ путешествованъ при первыхъ лучахъ денницы пушемъ, проложеннымъ

по высокимъ горамъ, когда пары, оупъ земли восходящїе, проскирающъ со всѣхъ сторонъ шуманную завѣсу, скрывающую горизонтъ, гдѣ изображаешя множесиво мечтательныхъ предметовъ, оупъ смѣшенїя свѣта со тьмою происходящихъ? По тѣрѣ пого, какъ вы сходите съ высотъ, сіе облако земное рѣдѣетъ, разсѣваешя; вы проникаете чрезъ него и находите на себѣ малые слѣды влаги, скоро изсыхающей. Тогда открываешя и расширяешя предъ вами необъемлемый горизонтъ: вы видите близъ лежащїя горы, жашвы и спада ихъ покрывающїя, селенїя челоуѣческія и холмы надъ ними возвышенныя; вся природа вамъ ошдана снова: вошь эмблема невѣрїя и Вѣры. — Сойдите съ сихъ высотъ невѣрїя, гдѣ вы ходите около пропащей неизмѣримыхъ, гдѣ взоръ вашъ встрѣчаешъ одни призраки; сойдите, говорю вамъ; призванныя и поддержанныя смиренной Вѣрою, идите прямо къ симъ облакамъ, обманчивымъ, восходящимъ оупъ земли (они скрываютъ оупъ васъ истину и являютъ одни обманчивые образы); сойдите и

пройдете сквозь сію ничтожную преграду паровъ и призраковъ; она уступитъ вамъ безъ сопротивленія; она исчезнетъ — и ваши взоры обрѣнутъ необъемлемую перспективу истинъ, въ утѣшенія сего земнаго жилища и горъ лазурь небесную. —

Но для насъ исчезли всѣ призраки мудрости человѣческой. Къ счастью нашему мы живемъ въ такія времена, въ конторыя невозможно колебанься челоуку мыслящему; стоимъ только взглянуть на происшествія міра и пошомъ углубимся въ собственное сердце, чтобы твердо убѣдиться во всѣхъ истиннахъ Вѣры. Весь запасъ остроумія, всѣ доводы ума, логики и учености книжной испощены передъ нами; мы видѣли зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали. Щастливые обитатели обширнѣйшаго края, мы не участвовали въ заблужденіяхъ племени просвѣщенныхъ: мы издали взирали на громы и молніи невѣрія, раздробляющіе и тронъ Царя и алтарь истиннаго Бога; мы взирали съ ужасомъ на

плоды нечестиваго вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленных шруповъ, на человѣчесиво униженное и оскорбленное въ священнѣйшихъ правахъ своихъ; съ ужасомъ и съ горестію мы взирали на успѣхи нечестивыхъ легионовъ, на Москву дымящуюся въ развалинахъ своихъ; но мы не теряли надежды на Бога, и еміамъ усердія курился не щещино въ кадилницѣ Вѣры, и слезы и моленія не щещино проливались передъ Небомъ: мы воспоржествовали. Оборонъ единственнѣй, безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра! Легионы *нелобѣдимыхъ* запрепешали въ свою очередь. Конье и сабля, окропленныя свяною водою на берегахъ шихаго Дона, засверкали въ обипещи нечестія, въ виду храмовъ *разсудка, братства и вольности*, безбожіемъ сооруженныхъ: и знамя Москвы, Вѣры и чести водружено на мѣстѣ величайшаго преступленія пропивъ Бога и человѣчества. *

* Пазадъ тому нѣсколько лѣтъ Шапобріанъ еказаль: „храбрость безъ Вѣры ничтожна. —

Faut-il encore, faut-il vous rappeler le cours
Des prodiges sans nombre accomplis en nos jours?

Должно ли приводить на память послѣднія чудеса, новыя покушенія злобы и невѣрія, и сіяющее порожество невинности, челоуѣколюбія и Религіи? Сколько уроковъ уму! Сердце въ нихъ нужды не имѣешь.

Съ зарею наспуающаго мира, котораго мы видимъ сладостное мерцаніе на горизонтѣ политическомъ, просвѣщеніе сдѣлаешь новые шаги въ Опечесствѣ нашемъ: снова процвѣшуютъ промышленность, Искусства и Науки, и всѣ сладостныя надежды сбудуща; у насъ, можетъ бытъ, родятся Философы, Политики и Моралисты, и, подобно свѣпильникамъ Эдимбургскимъ, долгомъ поснавяшь основашъ ученіе на испинахъ Евангелія, кропкихъ, поспоянныхъ и

Посмотримъ, что сдѣлають наши вольнодумцы прошивъ Козаковъ грубыхъ, непросвѣщенныхъ, но сильныхъ Вѣроу въ Бога? "...
Всѣ журналисты всшупились за честь оскорбленной великой націи (la grande nation); но предсказаніе сбылось.

незыблемыхъ, доспойныхъ великаго народа, населяющаго страну необозримую; доспойныхъ Великаго человека, имъ управляющаго!

Итъ въ мръ царства такъ пространна,
Гдѣбъ можно сшоль добра шворишь! *

* Державинъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Рѣчь о вліяніи легкой Поэзіи на языкъ	1
II. Нѣчто о Поэзіи и Поэсахъ .	24
III. О Характерѣ Ломоносова .	40
IV. Вечерь у Кантемира . .	50
V. Письмо о сочиненіяхъ М. П. Му- равьева	81
VI. Прогулка въ Академію Художествъ	114
VII. Опрывокъ изъ писемъ о Финляндіи	159
VIII. Письмо изъ замка Сирея . .	174
IX. Двѣ Аллегоріи	196
X. Похвальное слово Сну . . .	204
XI. Тассъ и Аріостъ	233
XII. Пешарка	252
XIII. Гризельда, Повѣсть изъ Боккачіо.	276
XIV. О лучшихъ свойствахъ сердца .	297
XV. Нѣчто о Морали, основанной на Религии и Философіи	250

ОПЫТЫ

ВЪ СТИХАХЪ и ПРОЗЪ

КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА.

ЧАСТЬ II.

СТИХИ.

Vade, sed incultus.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА,

1817.

Мы должны предупредить любителей Словесности, что большая часть сихъ Спихопвореній была написана прежде Опышовъ въ Прозѣ, въ разные времена, посреди шума лагерей, или въ краткія отдохновенія война: но назначать время, *когда и гдѣ* что было написано, мы не почли за нужное. Издашель надѣшся, что читатели сами легко опличатъ послѣднія произведенія отъ первыхъ, и найдутъ въ нихъ большую зрѣлость въ мысляхъ и строгость въ выборѣ предметовъ.

Издатель.

Погрѣшности, Часть I.

Напечатано,	читай:
Стр. Слрок.	
16. 21. ,ученость обширную	.Ученость обширную
59. 7. Мандрикала	Мандрикара
86. 2. *	На оборотъ къ спро. 9.
96. 8. Скальда	Оскольда
118. 1. мережи	мрежи
146. 11. аагаге	адшагагі
244. 19. удара убѣгаешь,	удара убѣгая
275. 8. оживляешь	оживляетъ,
300. 3. спраданіе	соспраданіе
313. 25. совѣшы наблюдаденія	совѣшы и наблюдаденія
318. 1. сказанія древнихъ.	сказанія древнихъ.)
321. 20. саіісеа	саіісеа
323. 25. наемнымъ пушемъ	земнымъ пушемъ

Погрѣшности и перемѣны. Часть II.

Стр. Сши.	
17. 8. Иль слышенъ вой звѣрей.	До ушренныхъ лучей.
25. 7. съ жаждой	въ жаждѣ
37. 11. помраишь;	помраишь,
65. 11. и лай борзыхъ	и гонихъ лай
66. 8. подъ мной	кругомъ меня
71. 5. Сдиллы спонъ;	Сдиллы спонъ
93. 1. Колхиду	Халхиду
99. 2. Воспѣльпріашнымъ гласомъ весну, веселую	воспѣль веселымъ гласомъ весну, роскошную —
142. 14. Поэта смирнаго	Пѣвца смиренного
153. 7.для Армиды; коварныхъ глазъ	...для Армиды, коварныхъ глазъ;
155. 4. съ гореспи	въ гореспи
162. 1. ошь милыхъ Лирь	ошь милыхъ Ларь
181. 3. уздечка бранная	уздечка браная
190. 8. О спранный часъ!	О страшный часъ!
198. 3. Къ Кнееръ иль Паѳосу	Къ Цишеръ иль Паѳосу

ПРИМЪЧАНІЕ

къ Элегіи Гезіодъ и Омиръ, епр. 95.

Эта Элегія переведена изъ Мильвуа, одного изъ лучшихъ французскихъ (пыхонворцевъ) нашего времени. Онъ скончался въ прошломъ годѣ, въ цвѣтущей молодости. Французскія Музы долго будутъ оплакивать преждевременную его кончину: истинные паланшы нынѣ рѣдки въ ошечесствѣ Расина.

Многіе писатели утверждали, что Омиръ и Гезіодъ были современники: нѣкоторыя сомнѣваются, а иные и совершенно оспаривающъ это предположеніе. Отецъ Гезіодовъ, какъ видно изъ Поэмы Труды и Дни, жилъ въ Кумахъ, откуда онъ перешелъ въ Аскрею, городъ въ Беотіи, у подошвы горы Геликона: тамъ родился Гезіодъ. Музы, говоритъ онъ въ началѣ Θεогоніи, нашли его на Геликонѣ и обрекли себя. Онъ самъ упоминаетъ о побѣдѣ своей въ пѣснопѣніи. Архидамій, Царь Евбейскій, умирая завѣщалъ, чтобы въ день смерти его, ежегодно совершались погребальныя игры. Дѣти исполнили завѣщаніе родителя и Гезіодъ былъ побѣдителемъ въ пѣснопѣніи. — Плутархъ, въ сочиненіи своемъ, Περὶ Ἑπτὰ Μυθρολόγωνъ, заставляетъ рассказывать Періандра о сснпзаніи Омира съ Гезіодомъ. Послѣдній остался побѣдителемъ, и въ знакъ благодарности Музамъ, посвятилъ имъ шреножникъ, полученный въ награду. — Жрица Дельфійская предвѣщала Гезіоду кончину его; предвѣщаніе сбылось. Молодые люди, полагая что Гезіодъ соблазнилъ сснпру ихъ, убили его на берегахъ Евсеи, посвященныхъ Юлиперу Немейскому.

Кажется не нужно говорить объ Омирѣ. Кто не знаетъ, что первый въ мірѣ Поэтъ былъ слѣпъ и нищій?

Намъ Музы дорого паланшы продающъ!

ПРИМЪЧАНІЕ

къ Элегіи Умирающей Тассъ,
спр. 245.

Не одна Исторія, но Живопись и Поэзія неоднократно изображали бѣдствія Тасса. Жизнь его конечно извѣстна любителямъ Словесности: мы напомнимъ только о тѣхъ обстоятеляхъ, которыя подали мысль къ этой Элегіи.

Т. Тассъ приписалъ свой Герусалимъ Альфонсу, Герцогу Феррарскому: (о magnanimo Alfonso!...); и великодушный Покровитель, безъ вины, безъ суда, заключилъ его въ больницу С. Анны, т. е. въ домъ сумасшедшихъ. Тамъ его видѣлъ Монпанъ, путешествовавшій по Италіи въ 1580 году. Спранное свиданіе въ такомъ мѣстѣ перваго Мудреца временъ новыхъ съ величайшимъ Стихотворцемъ!.. Но вошъ что Монпанъ пишетъ въ Опытахъ: „Я смотрѣлъ на Тасса еще съ большею досадою, нежели сожалѣніемъ; онъ пережилъ себя; не узнавалъ ни себя, ни швореній своихъ. Они безъ его вѣдома, но при немъ, но почти въ глазахъ его, напечатаны неисправно, безобразно.“ — Тассъ, къ дополненію нещастія, не былъ совершенно сумасшедшій, и, въ ясныя минушы разсудка, чувствовалъ всю горестъ своего положенія. Воображеніе главная пружина его таланта и злополучій, нигдѣ ему не измѣняло. И въ узахъ онъ сочинялъ безперестанно. Наконецъ, по усильнымъ просьбамъ всей Италіи, почти всей просвѣщенной Европы, Тассъ былъ освобожденъ. (Заключеніе его продолжалось семь лѣтъ, два мѣсяца и нѣсколько дней). Но онъ не долго наслаждался свободою. Мрачныя воспоминанія, нищета, вѣчная зависимость отъ людей жестокихъ, измѣна друзей, несправедливость кришниковъ; однимъ словомъ, всѣ горести, всѣ

бѣдствіи, какимъ только можешь быть обремененъ человекъ, разрушили его крѣпкое сложеніе, и привели по шерніямъ къ ранней могилѣ. Форшуна, коварная до конца, приготовляя послѣдній рѣшишельный ударъ, осыпала цвѣтами свою жершву. Папа Климентъ VIII, убѣжденный просьбами Кардинала Цинціо, племянника своего, убѣжденный общенароднымъ голосомъ всей Италіи, назначилъ ему Триумфъ въ Капिशолѣ; „Я вамъ предлагаю вѣнокъ лавровый, сказалъ ему Папа, не онъ прославитъ васъ, но вы его!“ Со времянь Пепрарка (во всѣхъ отношеніяхъ щастливѣйшаго Стихотворца Италіи), Римъ не видалъ подобнаго шоржества. Жители его, жители окрестныхъ городовъ, желали присушествовать при вѣнчаніи Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья Стихотворца заставили опложитъ шоржество до будущей весны. Въ Апрельъ все было гошово, но болѣзнь усилилась. Тассъ велѣлъ перенести себя въ монастырь С. Онуфрія; и тамъ — окруженный друзьями, и брашею мирной обители, на одрѣ мученія, ожидалъ кончины. Къ нещастію, вѣрнѣйшій его пріятель Коспаншини, не былъ при немъ, и умирающій написалъ къ нему сіи спроки, въ копорыхъ, какъ въ зеркалѣ, видна вся душа Пѣвца Іерусалима: „Что скажешь мой Коспаншини, когда узнаешь о кончинѣ своего милаго Торквато? Не замедлишь дойти къ нему эша вѣсть. Я чувствую приближеніе смерпи. Никакое лѣкарство не излѣчитъ моей новой болѣзни. Она совокупила съ другими недугами, и, какъ быстрый пошокъ увлекаешь меня. . . Поздно теперь жаловаться на форшуну, всегда враждебную, (не хочу упоминашь о неблагоодарности людей!) Форшуна шоржествуетъ! Нищимъ я доведенъ ею до гроба, въ по время, какъ надѣялся, что слава, приобрѣшенная на перекорѣ врагамъ моимъ, не будетъ для меня совершенно безполезною. Я велѣлъ перенести себя въ монастырь С. Онуфрія, не пошму единственно, что врачи одобряють его воздухъ, но для того, чтобы на семь возвышенномъ мѣншѣ, въ бесѣдѣ Свяшыхъ опшельниковъ, на-

часть мои бесѣды съ Небомъ. Молись Богу за
меня, милый другъ, и будь увѣренъ, что я люблю
и уважаю тебя въ сей жизни, и въ будущей —
которая есть наспоющая — не премину все со-
вершить, чего требуетъ истинная, чистая лю-
бовь къ ближнему. Поручаю тебя благости не-
бесной, и себя поручаю. Прости! Римъ. С.
Онуфрій., — Тассъ умеръ 10 Апрѣля на пятьде-
сять первомъ году, исполнивъ долгъ Христіан-
скій съ истиннымъ благочестіемъ.

Весь Римъ оплакивалъ его. Кардиналь Цин-
ціо былъ неутѣшенъ, и желалъ великолѣпнѣе
похоронъ вознаградишь утрату Тріумфа. По его
приказанію — говорилъ Жингено, въ Исторіи
Лишшерашурѣ ишталіанской, — шъло Тас-
сово было облечено въ Римскую тогу, увѣнчано
лаврами и выставлено всенародно. Дворъ, оба
дома Кардиналовъ Альдобрандини, и народъ
многочисленный провожали его по улицамъ
Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще разъ на
того, котораго Геній прославилъ своею сноль-
стіею, прославилъ Ишалію, и который сноль-
дорого купилъ позднѣе, печальныя почести!...

Кардиналь Цинціо (или Чинціо) объявилъ
Риму, что воздвигнешъ Поэту великолѣпную
гробницу. Два Орашора пригословили надгроб-
ныя рѣчи, одну Лашинскую, другую Ишаліан-
скую. Молодые Стихотворцы сочиняли стихи
и надписи для сего памятника. Но горестъ
Кардинала была непродолжительна, и памят-
никъ не былъ воздвигнутъ. Въ обихѣ С. Ону-
фрія, смиренная брашя показываютъ и понынѣ
путешественнику просный камень съ эшою
надписью: *Totquati Tassi ossa hic jacent*. Она
краснорѣчива.

Да не оскорбишься шѣнь великаго Стихо-
творца, что сынъ угрюмаго съвера, обязан-
ный Герусалиму лучшими, сладостными
минушами въ жизни, осмѣлился принести скуд-
ную горсть цвѣшновъ въ ея воспоминаніе!

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Къ друзьямь.

Э Л Е Г І И.

	стр.
Надежда	9
На развалинахъ замка въ Швеціи	11
Элегія изъ Тибулла	19
Воспоминаніе	27
Воспоминаніе, опрывокъ	30
Выздоровленіе	33
Мщеніе	35
Привидѣніе	39
Тибуллова Элегія III	43
Мои Геній	46
Дружесшво	47
Тѣнь друга	48
Тибуллова Элегія XI	52
Веселый часъ	59
Въ день рождѣнія N.	64
Пробужденіе	65
Разлука	66
Таврида	68
Судьба Одиссея	71
Послѣдняя весна	72
Къ Г * * * чу	75
Къ Д * * * ву	77
Источникъ	81
На смерть супруги К — на	84
Плѣнный	86
Гезіодъ и Омиръ	93

	стр.
Къ другу	101
Мечта	106

П О С Л А Н І Я.

Мои Пенашы	121
Посланіе къ Г. В — му	138
Посланіе къ Т — ву	142
Ошвѣшь Г — чу	146
Къ Ж — му	148
Ошвѣшь Т — ву	153
Къ П — ну	157
Посланіе къ М. А.	160

С М Ъ С Ъ.

Хоръ для выпуска благородныхъ дѣвиць Смольнаго Монастыря	169
Пѣснь Гаральда смѣлаго	172
Вакланка	175
Сонъ воиновъ	177
Разлука	180
Ложный страхъ	183
Сонъ Могольца,	186
Любовь въ челнокъ	189
Щастливецъ	192
Радость	196
Посланіе къ П.	199
Эпиграммы, Надписи, и проч.	202
Странствовашель и Домосѣдь, Сказка.	208
- Переходъ черезъ Рейнъ, 1814.	233
Умирающіи Тассъ, Элегія	245
Бесѣдка Музь	254

ОПЫТЫ ВЪ СТИХАХЪ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Вонъ списокъ мой стиховъ,
Который дружеству быть можетъ
драгоцененъ.

Я добрымъ Геніемъ увѣренъ,
Что въ семь Дедалъ рифмъ и словъ.

Недостаешь искусства:

Но дружество найдешь мой, въ замѣну,
чувства,

Исторію моихъ спрасшей,

Ума и сердца заблужденья;

Заботы, суены, печали прежнихъ дней,

И легкокрылы наслажденья;

Какъ въ жизни падалъ, какъ вспавалъ;
Какъ вовсе умиралъ для свѣта;
Какъ снѣга мой челнокъ форшунъ по-
вѣрялъ . . .

И словомъ, весь Журналь
Здѣсь дружескиво найдешь безпечнаго
Поэта ,

Найдешь и молвишь шакъ :
„ Нашъ другъ былъ часно легковѣ-
ренъ ;
„ Былъ въпрямь въ Пафосѣ; на Пиндѣ
былъ чудакомъ ;

„ Но дружбѣ онъ за то всегда оспался
вѣренъ ;

„ Слѣхами никому изъ насъ не докучаль ;

„ (А на Парнассѣ это чудо !)

„ И жилъ такъ точно, какъ писалъ . . .

„ Ни хорошо, ни худо ! “

Э Л Е Г И И.

ЭЛЕГИЯ ИЗЪ ТИБУЛЛА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ.

Месада! безъ меня шы мчишься по волнамъ
Съ орлами Римскими къ восшочнымъ берегамъ;
А я, въ Феакіи оставленный друзьями,
Иль заклинаю всѣмъ, и дружбой и богами,
Тибулла не забудь въ далекой сторонѣ. —

Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовишь мнѣ,
Здѣсь жизнь мою прерветъ безжалостной
рукою

Неумолимая! Шышь матери со мною!

Кшо будешь принимашь мои пепель опъ
костра?

Кшо будешь безъ тебя, о милая сестра,
За гробомъ слѣдовашь въ одеждѣ погребальной,
И муро изливашь надъ урною печальной?
Шышь друга моего, шышь Деціи со мной. —

Она, и въ самыи часъ разлуки роковой

*

Обряды тайные и чары совершала:

Въ священномъ ужасѣ безсмертнымъ вопро-
шала;

И жребій щасливый намъ опрскъ вынимала.

Что пользы отъ того? Часъ гибельный настала

И снова Делія печальна и уныла ,

Слезами полный взоръ невольно обратила

На дальній путь. Я самъ, лишенный скор-
бью силъ ,

Утѣшься, Деліи сквозь слезы говорилъ ;

Утѣшься! и еще съ невольнымъ препешаньемъ

Печальную лобзала послѣднимъ лобызаньемъ.

Казалось, нѣкій богъ меня осматовлялъ :

То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщала ,

То въ день , ошцу боговъ , Сатурну посвя-
щенный,

Я слышала громъ глухой за рощей отдаленной.

О вы, которые умѣете любить ,

Спрашешся любовь разлукой прогнѣвишь!

Но, Делія, къ чему Изидѣ приношенья ,

Сіи въ ночи глухой просяжны пѣснопѣнья,
 И волхвованье жриць и мѣди звучной спонъ?
 Къ чему, о Делія, въ безбрачномъ ложѣ сонъ,
 И очищенія священою водою?
 Все щещно милая, Тибулла нѣпъ съ тобою.
 Богиня грозная! спаси его ошъ бѣдъ,
 И снова Делія маскики принесеть,
 Украсилъ дивный храмъ весенними цвѣтами,
 И съ распущенными по вѣпру волосами
 Какъ дѣва чиспая, во ткань облечена,
 Возсядешъ на помосшъ: и звѣзды и луна,
 До возхожденія румяныя Авроры,
 Услышашъ гласъ ея и Жриць Фарійскихъ хоры.
 Опдай богиня мнѣ родимыя поля,
 Опдай знакомый шумъ домашняго ручья,
 Опдай мнѣ Делію: и вамъ дары богашы
 Я въ жершву принесу, о Лары и Пенашы!
 За чѣмъ мы не живемъ въ злашыя времена?
 Тогда безпечныя народовъ племена,
 Пушей среди лѣсовъ и горъ не пролагали

И разломъ никогда полей не раздирали;
 Тогда не мчалась ель на легкихъ парусахъ
 Несомая въпрами въ лазоревыхъ моряхъ;
 И кормчицъ не дерзала по хлябямъ разъярен-
 нымъ,
 Съ Сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ
 безцѣннымъ
 На ушломъ кораблѣ скипаться здѣсь и шамъ.
 Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
 Топилъ душистый змакъ и спалъ въ ибѣни
 зедной;
 Конь борзый не кропилъ узды кровавой ибной;
 Не зрѣли на поляхъ шовповъ и рубежей,
 И кущи сельскія сплюли безъ дверей;
 Медь капала изъ дубовъ липдарною слезою;
 Въ сосуды молоко обильною струею
 Лилося изъ сосцовъ шивляющихъ овецъ. —
 О мирны пасыры, въ невинности сердцахъ
 Безмечто жившіе среди пустынь безмолвныхъ,
 При васъ, на пагубу друзей единокрывныхъ.

На наковальнѣ млатъ не изваялъ мечей,
 И рашникъ не гремѣлъ оружіемъ-среди полей.
 О вѣкъ Юпитеровъ! о времена нещасны!
 Война, вездѣ война и гладъ и моръ ужасный,
 Повсюду рыцень смертъ, на сушѣ, на водахъ...
 Но ты, держащій громъ и молніе въ рукахъ!
 Будь мирному пѣвицу Тибуллу благосклоненъ.
 Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломнъ;
 Я съ пренешомъ боговъ отчизны обожаю,
 И если мой конецъ безвременный насталъ—
 Пусть камень обо мнѣ проходимъ возвѣщаетъ:
 „Тибуллъ, Месалы другъ, здѣсь съ миромъ
 почиваетъ.“

Единственный мой богъ и сердца властелинъ
 Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый
 сынъ!

До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
 И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,
 Въ Элизій приведешь шапшественной спесей,
 Туда, гдѣ вѣчный Май межъ рощей и полей;

Гдѣ разцвѣтають нарды и киннамона лозы
 И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы;
 Тамъ слышно пѣнье пщицъ и шумъ біющихъ
 водъ ;

Тамъ дѣвы юныя сплелся въ хороводъ
 Мелькають межъ деревьевъ , какъ легки при-
 видѣнья ;

И шопъ, кого постигъ, въ минушу упоенья,
 Въ объятіяхъ любви, неумолимый рокъ ,
 Тошъ носишь на челѣ изъ свѣжихъ миртъ
 вѣнокъ .

А тамъ, внутри земли, во пропастяхъ ужас-
 ныхъ ,

Жилище вѣчное преступниковъ несчастныхъ,
 Тамъ рѣки пламенны сверкають по пескамъ,
 Мегера страшная и Тизифона тамъ :

Съ челою, опушаннымъ шипящими змїями,
 Вбгушь на дикій брегъ за блѣдными тѣнями .

Гдѣ скрышься ? адскій песъ лежитъ у мѣд-
 ныхъ вратъ ,

Рыкаешь зѣвъ его . . . и рой тѣней назадъ! . .
 Богами ввержены во пропасти бездонны,
 Ужасный Энкеладъ и Тифій преогромный
 Пишаешь жадныхъ птицъ ушробою своей.
 Тамъ хищный Иксіонъ, окованный змѣей,
 На быспромъ колесѣ вершился безконечно;
 Тамъ съ жаждой пламенной Таншаль безче-
 ловѣчной,
 Надъ хладною рѣкой сгараешь и дрожишь;
 Все щещно! вспяшь вода коварная бѣжишь
 И черпаюшь ее напрасно Данаиды,
 Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.
 Пусть шамъ спрадаешь топъ, кто рушилъ
 нашъ покой
 И разлучилъ меня, о Делія, съ шобой!
 Но ты, мнѣ вѣрная, другъ милой и безцѣнной,
 И въ мирной хижинѣ, опъ взоровъ сокровенной,
 Съ наперсницей любви, съ подругою швоей,
 На мигъ не покидай домашнихъ алшарей.

При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подь сѣбною безо-
 опасной,

Подруга въ шемну ночь зажжешь свѣщиль-
 никъ ясной

И тихо вращено кружа въ рукѣ своей

Раскажешь новѣсни и были старыхъ дней.

А ны, склоняя слухъ на сладки небывцы,

Забудешься, мой другъ; и шумныя зѣнцы

Закроешь шидй сонъ, и праслица изъ рукъ

Надешь . . . и у дверей предстанешь твоей
 сунругъ,

Какъ небомъ посланный внезапно добрый Гений.

Бѣги на встрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,

Въ прелесной нагошѣ явись моимъ очамъ,

Влечи развѣяныя небрежно по влечамъ,

Вся грудь плечейная и ноги обнажены . . .

Когдажъ Аврора намъ, когда сей дѣвъ бла-
 женный

На розовыхъ коняхъ, въ блистащи принесешь,

И Делю Тибудль въ восторгѣ обоймешь?

ВОСПОМИНАНИЕ.

Мечны! — повсюду вы меня сопровождали,
И мрачной жизни пушь цвѣтами уснадали!
Какъ сладко я мечталъ на Гельсбергскимъ
полямъ,

Когда весь сванъ дремалъ въ шокѣ,
И рашинкѣ, опершись на коніе снальное,
Смотрѣлъ въ шумавну даль! Луна на небесахъ

Во всемъ величїи блискала,
И низкій мой шалакъ сквозь вѣтви освѣщала;
Аль свѣзлый чунь спрую дѣшную кашпалъ,
И въ зеркальных водахъ являлъ весь сванъ
и роши;

Едва дымился огнь въ часы шумавной ночи,
Близъ кущи рашинка, кошорый спомъ почилъ.
О Гельсбергски поля! о холмы возвышенны!
Гдѣ сполько разъ въ ночи луною освѣщенный.

Я въ думу погружень, о родинѣ мечпалъ ;
 О Гейльсбергски поля ! въ то время я не зналъ,
 Что шрупы рашниковъ успеюшь ваши нивы,
 Что мѣдной челюстью громъ грянешь съ
 силъ холмовъ,

Что я, мечпашель вашъ щасливый,
 На смерть лѣтя прошивъ враговъ,
 Рукой закрывъ тяжелу рану,
 Едва ли на зарѣ сей жизни не увяну. —
 И буря дней моихъ исчезла какъ мечпа! . . .

Осталось мрачно вспоминанье . . .
 Между прошекшаго есть вѣчная черта:
 Насъ сблизитъ съ нимъ одно мечпанье.
 Да оживлю шеперь я въ памяти своей
 Сію ужасную минушу,
 Когда болѣзнь вкушая люшу,
 И видя сто смершей,
 Боялся умереть не въ родинѣ моей!
 Но небо, внявъ моимъ моленіямъ усерднымъ,
 Взглянуло окомъ милосердымъ ;

ВОСПОМИНАНІЯ.

ОТРЫВОКЪ.

.

Я чувствую. мой даръ въ Поэзіи погасъ,
И Муза пламенникъ небесный пошушила;
Печальна опытнось открыла
Пустыню новую для глазъ.
Туда влечетъ меня осиротѣлый Геній,
Въ поля безплодныхъ, въ непроходимы сѣни,
Гдѣ щасья нѣтъ слѣдовъ,
Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
Любимцамъ Фебовымъ ошъ юности извѣст-
ныхъ,
Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней Музъ пре-
лестныхъ,
Которыя всегда душевну скорбь мою,
Какъ Ломось, силою волшебной врачевали.
Нѣтъ, нѣтъ! себя не узнаю
Подъ новымъ бременемъ печали! —
Какъ странникъ, брошенный на брегъ изъ
ярныхъ волнъ,
Всплаешь и съ ужасомъ разбишый видишь чолнъ,

Рукою шрепетной онъ мраки вопрошаетъ,
 ногой скользитъ надъ пропаслями онъ,

И въперъ буйный развѣваетъ
 Моленій гласъ его, рыданія и стонъ...

На краѣ гибели такъ я зову въ спасенье
 Тебя, послѣдняя надежда, утѣшенье!

Тебя, послѣдній сердца другъ!

Средь бурей жизни и недугъ
 Хранишель ангель мой, осшавленный мнѣ бо-
 гомъ!..

Твой образъ я шамилъ въ душѣ моей залогомъ
 Всего прекраснаго... и благосли Творца. —
 Я съ именемъ швоимъ лешѣлъ подѣ знамябрани

Искашь или славы или конца:

Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
 Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ:
 И въ мирѣ и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
 Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною;
 Съ печальнымъ спранникомъ онъ неразлученъ
 спалъ.

Какъ часто въ шисинѣ, весь занятый побоею,
 Въ лѣсахъ, гдѣ Жувизи гордишя надъ рѣкою,

И Сейна по цвѣтамъ льешь серебряный кри-
сталъ:

Какъ часто средѣ топы и шумной и безпечной,
Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ,
Я пѣнье забывалъ волшебное Сиренъ

И о тебѣ одной мечталъ въ тоскѣ сердечной.

Я имя милое швердилъ

Въ прохладныхъ рощахъ Альбіона,

И Эло называлъ прекрасную училъ

Въ цвѣшущихъ пажитяхъ Ричмона,

Мѣся прелестныя и въ дикосии своей,

О камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,

Обишель древняя и доблесни и правовъ!

Ты слышала обѣль и гласъ любви моей,

Ты часто странника задумчивость пишала,

Когда румяная денница отражала

И дальныя скалы гранишныхъ береговъ

И села пахарей и кущи рыбаковъ,

Сквозь шонки, ушрени шуманы

На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллешаны.

. ?

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ
жнеца

Склоняешь голову и вянешь :

Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца,

И думалъ: Парки часъ наспанешь.

Ужь очи покрывалъ Эреба мракъ густой ,

Ужь сердце медъницы билось :

Я вянулъ, исчезалъ , и жизни молодой

Казалось, солнце закашилось.

Но ты приближилась, о жизнь души моей,

И алыхъ устъ твоихъ дыханье ,

И слезы пламенемъ сверкающихъ очей ,

И поцалуевъ сочешанье ,

И вздохи страстные, и сила мильхъ словъ,

Меня изъ области печали ,

Отъ Орковыхъ полей, отъ Лены береговъ

Для сладострасшя призвали.

Ты снова жизнь даешь; она, свой даръ благой;

Тобой дышашь до гроба спану.

Мнѣ сладокъ будешь часъ и муки роковой;

Я опъ любви шеперь увяну.

ТИБУДЛОВА ЭЛЕГИЯ III.

Изъ III книги.

Напрасно осыпалъ я жернвенникъ цвѣтами,
Напрасно еиміамъ куриль предъ алтарями;
Напрасно: — Делии еще съ Тибудломъ нѣшь.
Безсмертны! слышали вы скромный мой
объшь!

Молилъ ли васъ когда о почестяхъ и званіи?
Желалъ ли обитать во мраморной паланіи?
Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,
Злапыми класами вѣнчанная поля,
И стадо кобылицъ, рабами охраненно?
О бѣдности молилъ, съ шобою раздѣленной!
Молилъ, чтобъ смерть меня заснала, при шебѣ,
Хоть нища, но съ шобой! . . . Къ чему же
зашъ себѣ

Богатства Азіи, или воловъ дебелымъ?

Уже ли болѣе мы дни сочтемъ веселыхъ

Въ садахъ и въ храминахъ, гдѣ дивный рядъ
сполбовъ

Изсѣченъ хипросью наемныхъ пришлецовъ;
Гдѣ все одинъ Порфиръ, Тенера и Кариспа,
Помоспы мраморны и урны злата чиста;
Луга пространныя, гдѣ силою трудовъ,
Легла священна шѣнь ошъ кедровыхъ лѣсовъ?
Къ чему Эрипрскія жемчужины безцѣнны
И волны Тирскія, багрянцемъ напоенны?
Въ богашствѣль щасціе? Въ немъ призракъ,
щещный видъ!

Мудрецъ ошъ Ларъ своихъ за знапомъ не
бѣжишь ;

Колѣнь предъ случаемъ вовѣкъ не преклоняешь,
И въ хижинѣ своей съ форшунной обихашь!
И бѣдностъ, Демія, мнѣ дорога съ шобой!
Тошъ кровь соломенной чпу крышей золотой,
Подъ коимъ сопряженъ любовію съ шобой,
Сто крапъ благословенъ! Но если
предо мною

Безмерныя вѣсовъ судьбы не преклоняишь:
 Улыбнись ли тогда Тибудда пышный градъ?
 Ахъ! нѣтъ!—и золото блестящаго Пакшода,
 И громкой славы шумъ, и самый блескъ
 престола

Везъ Деліи ничто—а съ ней, и куща—храмъ,
 Безвѣщность, нищета завидны небесамъ!
 О дочь Сашурнова! услышь мое моленье!
 И ты, любви мать! Когда же Паркъ сужденье,
 Когда суровыхъ сестръ пропивно врешено,
 И Деліей владѣшь Тибудду не дано;
 Пускай шеперь сойду во области Плутона,
 Гдѣ блажа толкѣя и воды Ахерона,
 Широкой цѣпью вокругъ ада облежашъ,
 Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни
 спляшъ.

МОЙ ГЕНИЙ.

О память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня въ снранѣ плѣняешь дальнѣй.
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны злашныя,
Небрежно вьющимся власовѣ.
Моей пастушки несравненнѣй
Я помню весь нарядъ простой,
И образъ милой, незабвеннѣй,
Повсюду снрансплвуетъ со мной.
Хранишь ли Геній мой — любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ:
Заснулъ? приникнешь къ изголовью
И усадишь печальной сонъ.

Д Р У Ж Е С Т В О,

Блаженъ, кто друга здѣсь посердну обрѣшаетъ,
Кто любитъ и любимъ чувствомъ вѣрной душой!
Тезей на берегахъ Коципа не спрадаешъ,
Съ нимъ другъ его души, съ нимъ вѣрный
Пириѳой.

Апридовъ сынъ въ цѣпляхъ : но зависши до-
стоинъ !
Съ нимъ другъ его, Пиладъ подъ лез-
веемъ мечей.

А ты, младый Ахилъ, великодушный воинъ,
Безсмертный образецъ героевъ и друзей !
Ты дружбою великъ, ты ей дышалъ одною !
И друга смерть опмсшивъ безпренетной
рукою
Щасливъ ! ты мершь упалъ на гибельный
профет !

Т Ъ Н Ъ Д Р У Г А .

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;

Luridaque evictos effugit umbra rogos.

Propert.

А берегъ покидалъ шуманный Альбіона:

Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утонулъ.

За кораблемъ вилася Гальціона,

И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.

Вечерній вѣспрь, валовъ плесканье,

Однообразный шумъ и пререшъ парусовъ,

И кормчаго на палубѣ зыванье

Ко спражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ;

Все сладкую задумчивость пишало.

Какъ очарованный у мачшы я споялъ,

И сквозь шуманъ и ночи покрывало

Свѣшила Сѣвера любезнаго искалъ.

Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,

Подъ небомъ сладоснымъ опеческой земли.

Но въспровъ шумъ и моря колыханье
 На вѣжды шомное забвенье навели.

Мечшы сменялися мечшами
 И вдругъ... шо былъ ли сонъ?...предспалъ
 товарищъ мнѣ,

Погибшій въ роковомъ огнѣ
 Завидной смерщию, надъ Плейскими спру-
 ями.

Но видъ не спрашенъ былъ; чело
 Глубокихъ ранъ не сохраняло,
 Какъ упрое Майское веселиемъ цвѣло,
 И все небесное душѣ напоминало.
 „Тыль эшо, милый другъ, товарищъ луч-
 шихъ дней!

Тыль эшо? я вскричалъ, о воинъ вѣчно ми-
 лой!

Не я ли надъ швоей безвременной могилой,
 При спрашномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
 Не я ли съ вѣрными друзьями

Мечемъ на деревѣ швой подвигъ начерпалъ,

И шъвъ въ небесную опчизну провождалъ
 Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
 Тѣнь незабвеннаго! ошвѣстшуй мильй брашъ!
 Или прошекшее все было сонъ, мечпанье;
 Все, все, и блѣдный шрупъ, могила и обрядъ,
 Свершенный дружбою въ швое воспоминаше?
 О! молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
 Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
 Пускай рука моя, о незабвенный другъ!

Твою, съ любовью сжимаетъ. . . .“

И я льшъль къ нему . . . Но горній духъ изчезъ
 Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
 Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ
 полуночи,

Изчезъ, — и сонъ покинулъ очи. —

Все снало вокругъ меня подъ кровомъ шишины,
 Спихий грозныя казалися безмолвны.
 При свѣшъ, облакомъ подернушой луны,
 Чупъ вѣялъ вѣшерокъ, едва сверкали волны.

Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,

И все душа за призракомъ лѣшѣла,

Все гоня горяго остановишь хонѣла;

Тебя, о милаый братель! о лучший изъ друзей!

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ

ХІ. изъ Іѣ книги.

Вольный переводъ.

Кто первый изобрѣлъ желѣзный мечъ и
стрѣлы?

Жестокій! онъ изгналъ въ безвѣстные пре-
дѣлы

Миръ сладостный, и въ адъ открылъ обшир-
ный пушь!

Но онъ виновенъ ли, что мы на ближнихъ
грудь

За золото, за прахъ, желѣзо устремляемъ,

А не чудовищей имъ дикимъ поражаемъ? —

Когда на пиршествахъ споялъ сосудъ свяшой

Изъ буковой коры межъ ушвари простой,

И спозъ бѣль ошпагченъ избыткомъ сель-
скихъ брашенъ:

Тогда не знали мышциповъ и швердыхъ башенъ,

Пушкой, скажу, въ поляхъ неистовый герой,
Обрызганъ кровію, выигрываешь бой;

А мнѣ — пустьъ благоспи сей буду я до-
стоинъ: —

О подвигахъ своихъ расскажешь древній воинъ,
Товарищъ юности; и сидя за столомъ
Мнѣ лагерь начершишь веселыхъ чашъ ви-
номъ.

Почто же вызывать намъ смерть изъ цар-
ства шѣни,

Когда въ подземный домъ вездѣ равны спу-
сени?

Она, какъ шать въ ночи, невидимой снопой,
По быспро гонится, и всюду за побой!

И низведешь себя въ шѣ мрачные вершены,
Гдѣ ласешь адскій песь, гдѣ Фурии свирѣлы,

И кормчій въ челнокъ на Спиксовыхъ водахъ.

Тамъ шѣней блѣдный полкъ шолпишя на
брегахъ,

Влаасы обозжены, и впазы ихъ занцшы! . . .

Хвала, хвала тебѣ, орашай домовиный!
 Твой вечерѣшь вѣкъ средь щасливой семьи;
 Ты самъ, въ тѣни дубравъ, пасешь стада свои;
 Супруга между тѣмъ прापезу учреждаешь,
 Для омовенья ногъ сосуды нагрѣваешь
 Съ кристальною водой. О боги! еслибъ я
 Узрѣлъ еще мои родишельски поля!
 У свѣтлаго огня, съ подругою молодою,¹
 Ябъ юность вспомануль за чашей круговою,
 И были и дѣла давно протекшихъ дней!

Сынь неба! свѣтлый Мирь! ты самъ среди
 полей

Вола дебедаго ярмомъ опягощаешь!
 Ты благодашь свою на нивы проливаешь,
 И въ опческій сосудъ, наслѣдіе сыновъ,
 Ліешь багряный сокъ изъ Вакховыхъ даровъ.
 Въ дни мира оспрый плугъ и заспупъ намъ
 священны;

А мечь, кровавый мечь, и шлемы оперенны,
 Сидаетъ ржавчина безмолвно на шлемы.
 Орашай изъ лѣсу, шамъ ѣдешъ на волахъ
 Съ женою и съ дѣльми, виномъ развеселен-
 ный!

Дни мира, вы любви игривой драгоценны!
 Подъ знаменемъ ея воюемъ съ красотою.
 Ты плачешь, Ливія? но побѣдитель швой,
 Смолри! — у ногъ швоихъ, колѣна прекло-
 няешъ.

Любовь коварная украдкой подступаешъ,
 И вопъ ужь среди васъ размолвившихъ си-
 дить!

Пусть молнія боговъ безщадно поразитъ
 Того, кто красоту обидѣлъ на сраженьи!
 Но щасливъ, если могъ въ минушномъ
 изскупленьи

Вѣнокъ на волосахъ кашпановыхъ измяшь,
 И поясъ невзначай у дѣвы развяжашъ!

Щасливъ, при краѣ щасливъ, когда пивом

угрозы

Изшоргли изъ очей любви бездѣсны слёзы!

А ты, взлелеянный межъ копій и мечей,

Бѣги, кровавый Марсь, ошъ нашихъ ошарей!

ГЕЗИОДЪ и ОМИРЪ,
СОПЕРНИКИ.

П О С В Я Щ Е Н О

А. Н. О.

ЛЮБИТЕЛЮ ДРЕВНОСТИ

ГЕЗИОДЪ и ОМИРЪ,

СОПЕРНИКИ.

Народы, какъ волны, въ Колхиду текли,

Народы щасливой Елады!

Тамъ сильный Владыка надъ прахомъ ольца

Оконча печальны обряды,

Ристалище славы бойцамъ опверзалъ.

Три раза съ румяной денницей

Бойцы выстунали съ бойцами на бой;

Три раза стремили возницы

Коней легконогихъ по звонкимъ полямъ;

И трижды владѣтель Колхиды

Достойнымъ оливои вѣнки раздавалъ.

По солнцу на лоно Фетиды

Склонялось, и новый гошповился бой. —

Очешите поле, возницы!

Спѣшите! Засѣйте студеной смруей

Пылающа оси и спицы;

Коней опрѣшите ошь стягоспныхъ узъ

И въ сѣишы прохладны ведите;

Вы, пылью и попомъ покрышы бойцы,

При пламени свѣшломъ вздохните.

Внемлите народы, Еллады сыны,

Высокія пѣсни внемлите!

Пройдя изъ края въ край гостепрѣимный міръ,

Лѣшми древними и рокомъ удрученный

Здѣсь пѣсней Царь, Омиръ,

И юный Гезіодъ, Каменамъ драгоценный,

Вступаютъ въ славный бой.

Колебя маслину священную рукой,

Пѣвецъ Аскрей гимнъ высокой начинаелъ:

(Онъ съ лирой никогда свой гласъ не соче-
таелъ.)

Гезіодъ.

Безвѣстный юноша съ spadaми я бродилъ

Подъ тѣнью пальмовой близъ чистой Ипо-
крены;

Тамъ пастыря нашли прелесныя Камень,
И я въ обитель ихъ священную всступилъ.

О м и р ь.

Мнѣ снилось въ юности: Орель громомешатель
Ошь Мелеса меня играючи унесъ

На край земли, на край небесъ,
Вѣщяя: шы земли и неба обладашь,

Г е з і о д ь.

Тамъ лавры хижину просую осѣняшь,
Въ пущыняхъ процвѣшущъ Темпейскія до-
лины,
Куда вы бросите свой благошворный взглядъ,
О пѣжны дочери суровой Мнемозины!

О м и р ь.

Хвала опцу боговъ! Какъ ясный сводъ небесъ
Надъ царствомъ вышися плачевнаго Эреба,
Какъ радостный Олимпъ споншь превыше
неба:
Такъ выше всѣхъ боговъ, власшитель ихъ,
Зевесъ!..

Г е з і о д ъ.

Въ священномъ сумракѣ, въ сіяніи Діаны,
 Вы, Музы, любите сплестись въ хороводѣ,
 Или торжественный въ Олимпѣ свершая ходѣ
 Съ бессмертными вкушаетъ напитокъ Гебы
 рьяныи. . .

О м и р ъ.

Не знаешь смерти Онъ: кровь алая тельцовъ
 Не брызнешь подъ ножомъ надъ Зевсовой
 гробницею;
 И кони бурные со звонкой колесницей
 Предъ ней не будутъ прахъ крушить до
 облаковъ.

Г е з і о д ъ.

А мы всё смертные, всё Паркамъ обреченны,
 Увидимъ обласки подземнаго Царя,
 И рѣки спящія, Тенаромъ заключенны,
 Не льючи дань свою въ бездонныя моря.

О м и р ь.

Я приближаюсь къ мѣшѣ сей неизбежной,
 Внемли, о юноша! ты пѣль Труды и Дни..
 Для спарца вѣснаго ужь кончились они!

Г е з і о д ь.

Сынъ дивный Мелеса! И лебедь бѣлоснѣжной
 На синемъ Спримонѣ, провидя страшный часъ,
 Не слаще швоего поешь въ послѣдній разъ!
 Твой геній пронизалъ въ Олимпъ: и вѣчны боги
 Ошверзли для тебя заоблачны чертоги.
 И чпожь? Въ юдоли сей спрадалецъ искони,
 Ты рокомъ обреченъ въ печаляхъ кончишь дни.
 Пѣвецъ божественный, скишаяся какъ нищій,
 Въ печальномъ рубищѣ, безъ крова и безъ пищи,
 Слѣпецъ всевидящій! ты будешь проклиная
 И день, когда на свѣтъ тебя родила мать!

О м и р ь.

Твой гласъ подобился амврозіи небесной
 Чшо Геба юная сапфирной чашей льельъ.

Пѣвецъ! въ ушахъ твоихъ Поэзіи прелестной
Сладчайшій Ольмія благоухаетъ медъ.

Но...Музь любимый жрецъ!..спрашись руки
злѣйской,

Спрашись любви, спрашись Эвбеи береговъ;

Твой близокъ часъ: увы! шебяЗвевь Пемейской,

Какъ жертву славную головинь для враговъ.

Умолкли. Облако печали

Покрыло очи ихъ...народъ рукоплескалъ.

Но снова сладкій бой Поэмы начинали

При шумѣ радостныхъ похвалъ.

Омиръ возвыся гласъ, воспѣлъ народовъ брани,

Народовъ гибнущихъ по прихоти Царей;

Приама древняго съ мольбой несуща дань

Убійцѣ грозному и кровныхъ и дѣшей;

Мольбу смиренную и быешрую Обиду,

Харись и легкихъ Оръ и страшную Эгиду,

Неншуна области, Олимпъ и дикій Адъ.

А юный Гезіодъ; взлелеянный Парнасомъ,
 Съ чудесной прелесшью воспѣлъ пріятнымъ
 гласомъ

Весну, веселую соупницу Гіадъ:

Какъ Фебъ торжественно вселенну обшекаетъ,

Какъ дни и мѣсяцы рожаясь въ небесахъ;

Какъ нивой золошой Церера награждаешь

Труды годичные браная въ поляхъ.

Заботы сладкія при сборѣ винограда;

Тебя, желанный Миръ, лелеяшель долинь,

Благословенныхъ сель, и пашырей и стада

Онъ пѣлъ. И слабый Царь, Колхидывласпелинь,

Онъ самой юности воспитанный средь мира,

Презрѣлъ высокій гимнь безсмертнаго Омира,

И пальму первенства сопернику вручилъ.

Щастливый Гезіодъ въ награду получилъ

За пѣсни, мирною Каменной вдохновенны,

Сосуды серебряны, шреножникъ позлащенный

И черного овна, красу веселыхъ стада.

КЪ ДРУГУ.

Скажи, мудрецъ молодой, что прочно на землѣ?

Гдѣ постоянно жизни счастье?

Мы обласъ призраковъ обманчивыхъ прошли;

Мы пили чашу сладоспаса:

*

*

*

Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ?

Въ винѣ пошопленныя чаши?

Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?

Гдѣ пшвы Фалернъ и розы наши?

*

*

*

Гдѣ домъ пшвой, счастья домъ?.. Онъ въ бу-
рѣ бѣды исчезъ

И мѣсто поросло кропивою.

Но я узналъ его: я сердца дань принесъ

На прахъ его краснорѣчивой.

На немъ, когда окрестъ замолкнешь шумъ
градской

И яркій Весперь засяешь

На шемномъ сѣверѣ: швой другъ, въ тиши
ночной,

Въ душѣ задумчивость питаешь.

* * *

Ошь самой юности служилель олшарей

Богини нѣги и прохлады;

Ошь пресыщенія, ошь пламенныхъ спрасней,

Я сердцу въ ней ишу ошрады.

* * *

Повѣришь ли? я здѣсь, на пеплаѣ храминъ сихъ,

Вѣнокъ веселія слагаю,

И часто въ горелли, въ водненьи чувствъ
моихъ

Пошупя взоры, восклицаю:

* * *

Минушны спранники мы ходимъ по гробамъ;

Всѣ дни ушрамами щипаемъ;

На брыдьяхъ радости лешимъ къ своимъ
друзьямъ,

И члпоеъ? ихъ урны обнимаемъ.

Скажи, давноли здѣсь, въ кругу своихъ друзей

Сіяла Лила красотою ?

Благія небеса, казалось, дали ей

Все счастье смертной поды душою :

* * *

Правъ шикъ Ангела, даръ слова, шикъ вкуса,

Любви и очи и записки ;

Чело открытое одной изъ важныхъ Музъ

И прелесть — дѣвственной Хариты.

* * *

Ты самъ, забывъ и свѣтъ и щещинный шумъ
вирвъ,

Ея бесѣдой наслаждался ,

И въ тихой радости, какъ пушинокъ среди
лесковъ,

Прелестью цвѣтномъ любовался.

* * *

Цвѣшокъ (увя!) исчезъ, какъ сладкая мечина!

Она, въ спрѣданіяхъ почла,

И съ міромъ, въ спрашний часъ, прощалась
навсегда...

На другъ взоръ остановила.

Но дружба, можешь бышь, ее забыла шы!..

Веселье слезы осушило;

И швынь числѣвшую, дыханье касеши

На лонѣ мира возмушило.

* * *

*

Такъ все здѣсь суешно въ обихели суешь!

Пріязнь и дружество непрочно! —

Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяешъ
свѣшь ?

Члю вѣчно чисто, непорочно?

* * *

*

Напрасно вопрошалъ я опышность вѣковъ,

И Кліи мрачныя скрижали:

Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:

Они безмолвны пребывали.

* * *

*

Какъ въ воздухѣ яеро кружишся здѣсь и шамъ,

Какъ въ вихрѣ шонкѣи прахъ лешаетъ,

Какъ судно безъ руля свремшя по волнамъ

И вѣчно приешани не знаешъ:

Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ.

Всѣ жизни прелести занимались;

Мой Геній въ горести свѣшльничъ погашалъ

И Музы свѣшья сокрылись.

* * *

Я съ страхомъ вопросилъ гласъ совѣсти моей...

И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды:

И Вѣра пролила спасительный елей

Въ лампаду чистую Надежды.

* * *

Ко гробу пушь мой весь, какъ солнцемъ
озаренъ;

Погой надежно спупаю;

И съ ризы спранника свергая прахъ и пшѣнь,

Въ мѣръ лучшей духомъ возлешаю.

М Е Ч Т А .

Подруга нѣжныхъ Музъ, посланница небесъ,
Пешочникъ сладкихъ думъ и сердцу милая
слезъ,

Гдѣ ны скрываешься, Мечта, моя богиня?

Гдѣ вонъ щасливый край, на мирная пу-
стыня,

Къ которымъ ны стремишь таинственный
полюсь?

Иль дебри любишь ны, силъ грозныхъ скалъ
хребень,

Гдѣ вѣтръ порывистый и бури шумъ вни-
маешь?

Иль въ Муромскихъ лѣсахъ задумчиво блуж-
даешь,

Когда-на западѣ зари мерцаешь лучъ

И ладная луна выходитъ изъ-за шумъ?

Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ

Въ мѣста, гдѣ дышешь все любви очаро-
ваньемъ,

Подъ тѣною яворовъ шы бродишь по холмамъ,

Снуденой тѣною Воклюза орошеннымъ ?

Явись, богиня, мнѣ, и съ шренешомъ свя-
щеннымъ

Коснуся я спруцамъ,

Тобой одушевленнымъ !

Явися ! ждешь тебя задумчивый Пипшь,

Въ безмолвіи ночиомъ сѣдящій у лампы;

Явись, и дай вкусить сердечныя отрады

Любимца твоего, любимца Аонидъ,

И горестъ сладосипна бываешь :

Онъ въ горесипи, *мечтаетъ*.

*

*

*

То вдругъ онъ пренесетъ во Сельмскіе лѣса,

Гдѣ въшрь шумишь, ревешь гроза,

Гдѣ тѣнь Оскарова, одѣшая шуманомъ,

По небу спнелишся надъ тѣннымъ океаномъ;

То съ чашей радосипи въ рукахъ,

Онъ съ Бардами поешь: и мѣсяцъ въ облакахъ

И Кромы шумный дѣсь безмолвно имъ вид-
мась,

И эхо по горамъ пѣснь звучну повторяешъ.

* * *

*

Или въ полночный часъ

Онъ слышишь Скальдовъ гласъ

Прерывистый и томный.

Зришь: юноши безмолвны

Склоняся на щипы, спояшъ кругомъ коспровъ,

Заженныхъ въ полъ брани;

И древній Царь пѣвцовъ

Просперъ на арфу длани.

Могилу указавъ, гдѣ вождь героевъ спитъ:

— „Чья шѣнь, чья шѣнь, гласишь

Въ священномъ изшупленнѣ, —

Тамъ съ дѣвами плывеши въ шуманныхъ
облакахъ?

Се шы, младый Писель, иноплеменныхъ спрахъ,

Днесъ падшій на сраженьи!

Миръ, миръ тебѣ, герой!

Твоей съкирою спальной

Пришельцы гордые разбишы!

Но самъ ты палъ на глудяхъ шѣлъ,

Палъ, вишязь знаменитый,

Подъ шучей вражыхъ стрѣлъ!..

Ты палъ! И надъ побой посланницы небесны,

Валкирии предеспны,

На бѣлыхъ, какъ снѣга Біармі, коняхъ,

Съ злаными коньями въ рукахъ,

Въ безмолвіи спустились!

Коснулись до зѣницъ коньемъ своимъ, и вновь

Глаза твои открылись!

Течешъ по жиламъ кровь

Числѣйшаго эфира;

И ты, безплодный духъ,

Въ спраны безвѣсны міра

Лепишь стрѣлой и вдругъ —

Открылись предъ тобой шѣ радужны чертоги,

Гдѣ угощевали для сонма храбрыхъ боги

Любовь и вѣчный пиръ. —

При шумъ горныхъ водъ и пихострунныхъ

пиръ,

Среди полянъ и свѣжихъ сѣней,

Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей

И замороженныхъ сернь. —

Склонясь на златный дернъ

Съ дружиною молодою

Тамъ снова съ арфой золотою

Въ воспоргъ Скальдъ поешь

О славу древнихъ лѣтъ

Поешь, и храбрыхъ очи,

Какъ звѣзды тихой ночи,

Упѣхою блестящъ. —

Но вечеръ пришекаетъ,

Часъ нѣги и прохладъ,

Гласъ Скальда замолкаетъ.

Замолкъ — и храбрыхъ сонмъ

Идешь въ Оденоевъ домъ.

Гдѣ дочери Верисны

Власы свои душисты
 Раскинувъ по плечамъ,
 Прелестницы младыя,
 Всегда полунагія,
 На пиршества гостямъ
 Обильны яствы носящъ
 И лишь умильно просящъ
 Изъ чаши сладкій медъ., —
 Такъ древній Скальдъ поешъ,
 Лвсовъ и дѣбрей сынъ угрюмый:

Онъ щасливъ, погрузясь о щасъти въ сладки
 думы!

*

*

*

О сладкая Мечта! о неба даръ благой!
 Среди дѣбрей каменныхъ, среди ужасовъ
 природы,
 Гдѣ плещуть о скалы Ботническія воды,
 Въ краяхъ изгнанниковъ...я щасливъ былъ
 тобою

Я щасливъ былъ, когда въ моемъ уединеннѣ,

Падъ кущей рыбаля, въ часъ полночи нѣмой,

Раздастся въяровъ свистъ и вой

И въ кровлю заслучишь и градъ и дождь
осенни.

Тогда на крыліяхъ Мечны

Леталъ я въ поднебесной;

Или забывшися на лонѣ красоты,

Я сонъ вкушалъ прелестной,

И щасливъ наяву, былъ щасливъ и въ ме-
чтахъ!

*

*

*

Волшебница моя! дары твои безцѣнны

И шарцу въ лѣша охлажденны,

Съ кошомкой нищему и узнику въ цѣпяхъ.

Заклены спрашныя съ замками на дверяхъ,

Соломы жесткій пукъ, свѣтъ блѣдный пе-
пелища,

Изгоданныйсухарь, мышей поиремнымъпища,

Сосуды глинныя съ водой,

Все, все украшено тобой!...

Кто сердцемъ правъ, того ты вѣкъ не поки-
даешь:

За нимъ во всѣ спраны лепашь,
И щасіемъ даришь любимца своего.
Пусть міромъ позабышь! что нужды для него?
Но съ нимъ задумчивость, въ день пасмурный,
осенній ,

На мирномъ ложѣ сна,

Въ уединенной сѣни,

Бесѣдуешь одна.

О, тайныхъ слезъ неизъяснима сладость!

Что предъ тобой сердце холодныхъ
радость,

Веселій шумъ и блескъ чешей

Тому, кто ничего не ищешь подъ луною;

Тому, кто сопряженъ душою

Съ могилою давно ушраченныхъ друзей!

* * *

Кто въ жизни не любилъ?

Кто разъ не забывался,

Любя мечтамъ не предавался,

И счастья въ нихъ не находилъ?

Кто въ часъ глубокой ночи,

Когда невольно сонъ смыкаетъ помны очи,

Всю сладость не вкусилъ обманчивой Мечшы?

Теперь, любовникъ, ты

На ложѣ роскоши съ подругой боязливой,

Ей шепчешь о любви и пламенной рукой

Снимаешь со груди ея покровъ спыдливой;

Теперь блаженствуешь, и счастливъ ты —

Мечшой!

Ночь сладострасшія шебѣ даетъ призраки,

И нектаромъ любви кропитъ лѣнныя маки.

*

*

*

Мечпаніе душа Поэтовъ и спиховъ.

И ѣдкость сильная вѣковъ

Не можешь предеспей лишить Анакреона;

Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечшахъ

Любовницы Фаона;

А ты, лежащій на цвѣсахъ

Межь Нимфъ и сельскихъ Грацій,

Пѣвецъ веселія, Горацій!

Ты сладосшно мечпаль,

Мечпаль среди пировъ и шумныхъ и веселыхъ,

И смерть угрюмую цвѣтами увѣнчалъ!

Какъ часто въ Тибурѣ, въ сихъ рощахъ усна-

рѣлыхъ,

На скамѣ бархатныхъ луговъ,

Въ щасливомъ Тибурѣ, въ швоемъ уеди-

неньи,

Ты ждалъ Глицерію, и въ сладосшномъ заб-

веньи,

Томимый нѣгою на ложѣ изъ цвѣшовъ,

При воскуреніи масрикъ благоуханныхъ,

При пляскѣ Нимфъ вѣнчанныхъ,

Сплешенныхъ въ хороводъ,

При опдаленномъ шумѣ

Въ лугахъ журчащихъ водъ,

Безмолвенъ въ сладкой думѣ

Мечпаль...и вдругъ Мечшой

Воспорженъ сладостраспной,
 У ногъ Глицеріи смѣдливой и прекрасной
 Побѣду пѣлъ любви
 Надъ юностью безпечной,
 И первый жаръ въ крови
 И первый вздохъ сердечной,
 Шаспанецъ! воспѣвалъ
 Цигерскія забавы,
 И всѣ заботы славы
 Ты вѣтрамъ отдавалъ!

*

*

*

Ужели въ испинахъ печальныхъ,
 Угрюмыхъ Споиковъ и скучныхъ мудрецовъ,
 Сидящихъ въ плащяхъ погребальныхъ
 Между обломковъ и гробовъ,
 Найдёмъ мы жизни нашей сладость?—
 Опъ нихъ, я вижу, радость
 Лешилъ, какъ бабочка опъ шерновыхъ кусповъ;

Для нихъ нѣшь прелесни и въ прелестяхъ
природы;

Имъ дѣвы не поюшь, сплетяся въ хороводы;

Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,

Весна безъ радости и лѣто безъ цвѣтовъ...

Увы! но съ юностью исчезнуть и мечтанья,

Исчезнуть Грацій добызанья,

Надежда измѣнишь, и рой крылатыхъ сновъ.

Увы! шамъ нѣшь уже цвѣтовъ,

Гдѣ тусклый опышность свѣшникъ за-
жигашъ,

И время старости могилу открывашъ.

*

*

*

Но ты—пребудь вѣрна, живи еще со мной!

Ни свѣшь, ни славы блескъ пусшой,

Ничто даровъ твоихъ для сердца не замѣнишь!

Пусть дорого глупецъ суешь блистанье цѣ-
нишь,

Лобзая прахъ золотый у мраморныхъ палатъ;—

Но я и щастливъ и богатъ,
 Когда снискалъ себѣ свободу и спокойство,
 А оны суесть ушелъ забвенія пропой!

Пусть будешь навсегда со мной
 Завидное Поэшовъ свойство:

Блаженство находишь въ убожествѣ, Мечшой!

Ихъ сердцу малость драгоценна.

Какъ пчелка, медомъ осягченна,

Лешаешь съправки на цвѣшокъ,

Щипая моремъ — ручеёкъ;

Такъ хижину свою Поэшь дворцомъ щипаешь,

И щастливъ — онъ *летаетъ!*

ПОСЛАНІЯ.

МОИ ПЕНАТЫ,
Послание къ Ж. и В.

Опечески Пенаты,
О пестуны мои!
Вы злаломъ не богашы,
По любите свои
Поры и темны кельи,
Гдѣ васъ на новосельи,
Смиренно здѣсь и шамъ
Разсхавиль по угзамъ;
Гдѣ спранникъ я бездомный,
Всегда въ желаньяхъ скромный,
Сыскаль себѣ приюпъ.
О боги! будьте шупъ
Доспуны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не шучный еиміамъ
Поэпъ приносишъ вамъ;

Но слезы умиленья,
Но сердца шихій жаръ,
И сладки пѣснопѣнья,
Богинь Пермесскихъ даръ!
О Лары! уживишесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнишесь —
И будешь щаспливъ въ ней!...
Въ сей хижинѣ убогой
Споишь передъ окномъ
Споль вешхой и преногой
Съ изорваннымъ сукномъ.
Въ углу, свидѣшель славы
И суешы мірской,
Висишь полузаржавый
Мечь праѣдвовъ шупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель —
Все ушвари просныя,
Все рухлая скудель!

Скудель!... но мнѣ дороже,
Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей!...

Опеческіе боги!
Да къ хижинѣ моей
Не сыщешь ввѣкъ дороги
Богатство съ суешой;
Съ наемною душой
Развратные щастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надушы Князя!
Но ты, о мой убогой
Калека и слѣпой,
Идя пушемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О воинь, у меня;
Войди и обсушися

У яркаго огня,
О старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикрашы уязвленный
На приспупъ шпыкомъ!
Двусшривной бадалайкой
Походы прозвени
Про вишязя съ нагайкой,
Чшо въ жупель и въ огни
Лешалъ передъ полками,
Какъ вихоръ на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!...
И ты, моя Лизеша,
Въ смиренной уголокъ
Приди подъ вечерокъ
Тайкомъ переодѣша!
Подъ шляпою мужской
И кудри золошья
И очи голубья,

Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащъ широкой,
Мечемъ вооружись
И въ полночи глубокой
Внезапно послучись...
Вошла — нарядъ военный
Упалъ къ ея ногамъ,
И кудри распущенны
Взвѣваюшь по плечамъ,
И грудь ея открылась
Съ лилейной бѣлизной:
Волшебница явилась
Паспушкой предо мной!
И вошь съ улыбкой нѣжной
Садится у огня;
Рукою бѣлоснѣжной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Какъ вѣшеръ межъ листьями,
Мнѣ шепчетъ: „я швоя,

Твоя, мой другъ сердечной!...“

Блаженъ, въ сѣни безпечной

Кшо милою своею,

Подъ кровомъ олицъ печальи,

На ложѣ сладоспирасья,

До ушренныхъ лучей

Спокойно обладаешь,

Спокойно засыпаешь

Близь друга сладкимъ сномъ!...

Уже попухли звѣзды

Въ сіяніи дневномъ,

И пташки шеплы гнѣзды,

Что свишы надъ окномъ,

Щебеча покидають

И пѣгу опривсають

Со крылышекъ своихъ;

Зефиръ листы колышеть

И все любовью дышетъ

Среди полей моихъ;

Все съ упромъ оживаспъ,
А Лила почиваетъ
На ложѣ изъ цвѣшовъ...
И въшеръ шиховѣйной
Съ груди ея лилейной
Сдулъ дымчатой покровъ...
И въ локоны злашья
Двѣ розы молодыя
Съ нарциссами вплелись;
Сквозь тонкія преграды
Нога ища прохлады,
Скользипъ по ложу внизъ...
Я Лилы пью дыханье
На пламенныхъ усахъ,
Какъ розъ благоуханье,
Какъ нектаръ на пиралъ!..
Покойся, другъ прелестной,
Въ объятіяхъ моихъ!
Пускай въ странѣ безвѣстной,
Въ шѣни лѣсовъ густыхъ,

Богинею сѣпною
 Забытъ я опѣ пленъ:
 Но дружбой и шобою
 Съ избыткомъ награжденъ!
 Мой вѣкъ спокоевъ, ясенъ;
 Въ убожествѣ съ шобой
 Мнѣ миль шалашъ простой;
 Безъ злапа миль и красенъ
 Лишь прелестью швоей!

Безъ злапа и чеспей
 Доступенъ добрый Геній
 Поэзии свяшой,
 И часто, въ мирной сѣни,
 Бесѣдуешь со мной.
 Небесно вдохновенье
 Порывъ крылашыхъ думъ!
 (Когда спрасшей волнение
 Уснешь... и свѣшлый умъ
 Лешая въ поднебесной,

Земныхъ свободенъ узъ,
Въ Аоніи прелестной
Срѣщается хоры Музъ!)
Небесно вдохновенье,
За чѣмъ летишь стрѣлой,
И сердца упоенье
Уносишь за собой? —
До розовой денницы
Въ опрадной тишинѣ,
Парнасскія царицы,
Подруги будешь мнѣ!
Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оспавя шайны сѣни
Спигійскихъ береговъ,
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слепяшь на голосъ лирный
Бесѣдовать со мной!...

И мертвые съ живыми

Вступили въ хоръ единъ!...
 Что вижу? ты предъ ними,
 Парнасскій исполинъ,
 Пѣвецъ Героевъ, славы,
 Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ,
 Нашъ лебедь величавый,
 Плывешь по небесамъ.
 Въ шолпѣ и Музъ и Грацій,
 То съ лирой, то съ трубой,
 Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій,
 Сливаешь голосъ свой.
 Онъ громокъ, быспръ и силенъ,
 Какъ Суна средъ степей,
 И нѣженъ, тихъ, умиденъ,
 Какъ вешній соловей.
 Фантазіи небесной
 Давно любимый сынъ,
 То повѣстью прелестной
 Пѣнаешь Карамзинъ;
 То мудраго Платона

Описываетъ намъ ,
И ужинъ Агафона,
И наслажденья храмъ ;
То древною Русь и нравы
Владимира времянь,
И въ колыбели Славы
Рожденіе Славянь.
За ними Сильфъ прекрасной,
Воспитанникъ Харипъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчишь ;
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зовешь,
И съ нимъ, рука съ рукою,
Гимнь радости поешь!...
Съ Эрошами играя
Философъ и Піипъ,
Близъ Федра и Пильная
Тамъ Дмитриевъ сидишь ;
Бесѣдуя съ звѣрями

Какъ щастливый диня,
 Парнасскими цвѣтами
 Скрылъ испинну шушя.
 За нимъ въ часы свободы
 Поюшь среди пѣвцовъ
 Два баюня природы,
 Хемницерь и Крыловъ.
 Наспавники - Пиншы,
 О Фебовы жрецы!
 Вамъ, вамъ плешушь Харишы
 Безсмершныя вѣицы!
 Я вами здѣсь вкушаю
 Восторги Пьеридъ,
 И въ радости взываю:
 О музы! я Пиншь!

 А вы, смиренной хашы
 О Лары и Пенашы!
 Опъ зависли людской
 Мое сокройше щасшье,

Сердечно сладоспращье
И нѣгу и покой!
Форшуна! прочь съ дарами
Блещашельнымъ суешь!
Спокойными очами
Смошрю на швой полешь:
Я въ приспань ошъ ненашья
Челнокъ мой проводидь,
И вась, любимцы щасшья,
На вѣки позабыиь...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важныхъ Музь,
Безпечные щасшливцы,
Философы - лѣшивцы,
Враги придворныхъ узь,
Друзья мои сердечны!
Придите въ часъ безпечный
Мой домикъ навѣсшишь —
Поспоришь и попишь!

Сложи печалей бремя,
Ж добрый мой!
Спрѣлою мчишься время,
Веселіе спрѣлой!
Позволь же дружбѣ слѣзы
И горестъ усладить,
И счастья блеклы розы
Эрошамъ оживишь.,
О В! цвѣтами
Друзей своихъ вѣнчай,
Даръ Вакха передъ нами:
Вонъ кубокъ — наливай!
Пивоменъ Музъ надежный,
О Ариспиловъ внукъ!
Ты любишь пѣсни пѣжны
И рюмокъ звонъ и шумъ!
Въ часъ пѣги и пролады
На ужинахъ своихъ
Ты любишь томны взгляды
Прелещницъ записныхъ:

И всѣ заботы славы,
Суешь и шумъ и блажь,
За быспрый мигъ забавы
Съ поклонами опдашь.
О! дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой,
И мы....попопимъ скуку
Въ сей чашѣ золотой!
Пока бѣжимъ за нами
Богъ времени съдой
И губимъ лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ! скорѣи за щастьемъ
Въ путьъ жизни поленимъ;
Увьемся сладоспрасшьемъ,
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣшны украдкой
Подъ лезвиемъ косы,
И лѣнюю жизни крашкой
Продлимъ, продлимъ часы!

Когда же Парки пощи
Нить жизни допрядутъ,
И насъ въ обитель нощи
Ко праѣдамъ снесутъ —
Товарищи любезны!
Не съшуйте о насъ.
Къ чему рыданья слезны,
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куреня
И колокола вой,
И шомны псалмоѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему?.. Но вы шолпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитесь, и цѣвшами
Усѣйте мирный прахъ;
Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ лисшами повилки:

И пушникъ угадаетъ
Безъ надписей запыль,
Что прахъ шупъ почиваетъ
Щастливцевъ молодыхъ!

ПОСЛАНИЕ

Г. В. — му.

О ты, владычій гитарой Трубадура,
Эрапы голосомъ и прелестью Амура,
Вспомни, милый Графъ, щасшливы времена,
Когда насъ юношей увидѣла Двина!
Когда, ошвоевавъ подъ знаменемъ Беллоны,
Подъ знаменемъ Любви я началъ восвашь,
И новой регламентъ и новыя законы
Въ глазахъ прелестницы читашь! —
Заря весны моей! тебя какъ не бывало!
Но сердце въ шой сшрантъ сълюбовью опдыхало,
Гдѣ я узналъ тебя, мой нѣжный Трубадуръ!
Обынованный край! гдѣ въшренный Амуръ
Прелестнымъ личикомъ любезный полъ да-
руешь,
Подъ дымкой на груди лицеи образуешь,

(Какимибъ и у насъ гордилась красота!)

Вливаетъ томный огонь и въ очи и въ уста,

А въ сердце юное любви прямое чувство.

Щасливья мѣста, гдѣ нравишься искусиво

Не нужно для мужей,

Сидящихъ съ трубками вокругъ угольныхъ

огней,

За сыромъ вышненнымъ, за Гамбургскимъ жур-

наломъ;

Межъ тѣмъ какъ жены ихъ, смѣясь подъ она-

халомъ,

Люблю, люблю себя! пришельцу говоряшь,

И руку жмушь ему коварными перстами!

О мой любезный другъ! ошдай, ошдай назадъ

Зарю прошедшихъ дней и съ прежними бѣ-

дами,

Съ любовью и войной!

Или, волшебникъ мой,

Одушеви мое музыкой пѣнопѣнье;

Вдохни огонь любви въ холодныя слова,

Еще олдай стихамъ пошеряны права,

И камни приводишь въ движенье

И горы и лѣса!

Тогда я съ Сильфами взлечу на небеса,

И тихо, какъ призракъ, какъ лучъ олъ неба
ясный,

Спущусь на берега пологіе Двины

Съ швоей гитарой сладкогласной:

Коснусь волшебныя струны,

Коснусь...и Пимфы горъ при мѣсячномъ
сіяньи

Какъ шѣни легкія, въ прозрачномъ одѣяньи,

Съ Сильванами сойдушъ услышашъ голосъ мой.

Наяды робкія, всплывая надъ водой.

Восплещушь бѣлыми руками,

И Майскій вѣтерокъ, проснувшись нацѣвшахъ

Въ прохладныхъ рощахъ и садахъ,

Повѣсть тихими криками:

Съ очей прелестныхъ дѣвъ онъ свѣетъ тонкій
сонъ,

Ошгонишь легки сновидѣнья,

И тихимъ шопотомъ имъ скажешь: „это онъ!“

Вы слышите его знакомы пѣсноуѣнья!“

ПОСЛАНИЕ

Къ Т ^уву.

О ты, кошорый средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ
Сберегъ для дружбы крошкій нравъ,
Для дѣлъ — характеръ чесный дѣдовъ!
О ты, кошорый при дворѣ,
Въ чаду успѣховъ или щасья,
Найши умѣлъ въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострасье!
О ты, кошорый съ похоронъ
На свадьбы часто посѣвляєшь,
По бѣднаго услыша спонъ,
Ушей не запыкаешь!
Услышь, мой вѣрный доброхотъ,
Поэша смирнаго молене,
Доспавъ круницу ошь щедрошь
Сироткамъ двумъ на прокормлене!

Замолви слова два за нихъ

Краснорѣчивыми устами:

Лишь дайте ильб! промолви — вмигъ

Онъ очутился съ рублями.

По кшо онѣ? — Скажу почь въ почь

Всю повѣсшь ихъ передъ побою.

Онѣ — вдова и дочь,

Чета забывшая судьбою.

Жилъ нѣкшо въ мѣрѣ семъ....*овѣ*,

Царя усердный воинъ.

Былъ бѣденъ. Умеръ. Ошъ долговъ

Онъ слѣдсивенно спокоенъ.

По въ мѣрѣ онъ забылъ жену

Съ груднымъ ребенкомъ; и одну

Суму оставилъ имъ въ наслѣдство....

Но здѣсь не все для бѣдныхъ бѣдство!

Имъ добры люди помогли,

Согрѣли, накормили,

И словомъ, какъ могли,

Сирошкѣ приютили.

Прекрасно! славно! — спору нѣтъ!

Но здѣшній свѣтъ

Не рай — мнѣ сказывалъ мой дѣдъ.

Враги нахлынули рѣкою,

Съ землею сравнялася Москва. . . .

И бѣдная вдова

Опять пошла съ клюкою. . . .

А между шѣмъ все дочь расшешъ

И нужды съ нею подраспаюшъ.

День за день все идешъ, идешъ,

Недѣли, мѣсяцы мелькаюшъ;

Спарушка клонится, а дочь

Пышнѣе розы разцвѣтаешъ,

И стала. . . . Грація шочь въ шочь!

Прелесный взоръ, глаза большіе,

Румянецъ Флоры на щекахъ,

И кудри льняно-золотыя

На алебашровыхъ плечаль.

Что слово молвишь — то пріятство,

Что ни надѣнешъ — все къ лицу!

Краса, (увы!) ея богатство,
И все приданое къ вѣнцу,
А крохи нѣтъ насущной хлѣба!
Т ъ другъ нашъ! ради Неба —
Прійди на помощь красотѣ,
Нещасію и нищетѣ!
Онѣ предъ Образомъ, конечно,
Зашеплять чистую свѣчу, —
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

ОТВѢТЪ

Г — чу.

Твой другъ тебѣ навѣкъ ошъ нынѣ
Съ рукою сердце ошдаешъ;
Онъ ошслужилъ слѣпой богинѣ,
Безплодныхъ машери еуешъ.
Увы, мой другъ! я въ дни младае
Цирцеямъ шакъже ошслужилъ!
Въ карманы заглянулъ пусшые,
Покинулъ миршъ и мечъ сложилъ.
Пускай кто чесполоубьемъ боленъ,
Бросаетъ съ Марсомъ огонь и громъ;
Но я — безвѣшшностью доволенъ,
Въ Сабинскомѣ домикѣ моемъ!
Тамъ глиняны свои Пенашы
Подъ сѣнью дружной съединимъ,
Посшавимъ брашны небогашы
А дни мечшой позолошимъ.

И если къ намъ любовь заглянешь
Въ приюшь, гдѣ дружбы храмъ свяшой...
Увы! твой другъ не перестанешь
Еще ей жертвовать собой! —
Какъ гость, весельемъ пресыщенный.
Роскошный покидаешь пирь,
Такъ я, любовью упоенный,
Покину равнодушно міръ!

КЪ Ж ^{уахъ} му.

Прости, Балладникъ мой,
Бѣлава мирный жишель!
Да будешь Фебъ съ шобой,
Нашъ давній покровишель!
Ты щасливъ средь полей
И въ лижинѣ укромной.
Какъ юный соловей
Въ прохладѣ роши шѣмной
Съ любовью дни ведешь,
Гнѣзда не покидая;
Невидимый поешь,
Невидимо плѣняя
Веселыхъ паспуховъ
И жиселей пусшынныхъ:
Такъ шы, краса пѣвцовъ,
Среди забавъ невинныхъ,

Въ опчизнѣ золотой
Прелестны гимны пой!
О! пой, любимецъ щасстья,
Пока веселы дни
И розы сладоспрасстья
Кипридою даны;
И роскошь золошая,
Всѣ блага разсыпая
Обильною рукой,
Тебѣ подносишь вины,
И поршеръ выписной,
И сочны апельсины,
И съ шрюфлями пирогъ ;
Весь Амальшей рогъ,
Вовѣкъ неиспощимый,
На жирный швой обѣдъ!
А мнѣ... покоя нѣшь!
Смошри! неумолимый
Домашній Гипократъ,
Наперсникъ Парки блѣдной,

Цоповъ слуга усердной,
Чумъ и Смерши бранъ,
Поклявшись Лашыцью
И пракшикой своей,
Поить меня помыню
И супомъ изъ костей;
Безъ дальняго спаранья
До смерти запоить,
И къ вамъ писать посланья
Ошправитъ за Коцшигъ! —
Все въ жизни измѣнило,
Что сердцу сладко льстило:
Все, все прошло, какъ сонъ:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлонъ!
Я сшаалъ подобенъ тѣни,
Къ смиренію сердець,
Сухъ, блѣденъ, какъ мершвецъ;
Дрожанъ мои колѣни,
Спина дугой къ землѣ,

Глаза попухли, впали,
 И скорби начертали
 Морщины на челѣ;
 Навѣкъ исчезла сила
 И доблесть прежнихъ лѣтъ.
 Увы! мой другъ, и Лиля
 Меня не узнаешь.
 Вчера, съ улыбкой злою,
 Мнѣ молвила она,
 (Какъ древле Громобоя
 Коварный Сашана)
 „Усоншій! миръ съ побою!
 „Усоншій, миръ съ побою! „ —
 Ахъ! эшо ли одно
 Мнѣ рокомъ суждено
 За древни прегрѣшенья?..
 Нѣшь, новыя мученья,
 Достойныя бѣсовъ!
 Свои спихошворенья
 Читасшь мнѣ Сеисшовъ;

И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ, на риѣмы дюжій,
Какъ онъ, головорѣзь!
Поюшь и напѣваюшь,
Съ ночи до бѣла дня;
Читаюшь и чишаюшь,
И до смерти меня
Убійцы зачишаюшь!

КЪ ПЕ~~С~~НУ.

О любимецъ бога брани,
Мой товарищъ на войнѣ!
Я плашилъ съ побою дани
Богу славы, не однѣ:
Ты на киверѣ почтенномъ
Лавры съ миршомъ сочешалъ;
Я въ углу уединенномъ
Незабудки собиралъ.
Помнишь ли, питомецъ славы,
Индесальми? спрашну ночь? —
Не люблю такой забавы,
Молвилъ я, — и съ Музой прочь!
Между шѣмъ, какъ ты шшыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками...
Ужинъ вамъ пригошовялъ.

Щасъ шлывъ ны, шадунъ любезный,
 И въ Циперской споронѣ:
 Я же всюду бесполезный,
 И въ любви и на войнѣ,
 Время жизни въ екукъ шрачу,
 (За крилашый щасшья мигъ!)
 Почь зѣваю...ушромъ плачу
 Объ ушрашѣ сновъ моихъ.
 Тщешны слезы! мнѣ гошова
 Цѣль, сошканна изъ суешъ;
 Опъ родишельскаго крова
 Я опяшь на морѣ бѣдъ.
 Мой челнокъ Любовь слѣпая
 Правиль дѣшскою рукой;
 Между шѣмъ какъ Лѣнь зѣвая,
 На кормѣ сидишь со мной.
 Можешъ бышь, какъ бышпра младосшѣ
 Убѣжишь опъ насъ бѣгомъ,
 Я возьмусь за умъ...да радосшѣ
 Уживешся ли съ умомъ? —

Ахъ! почто же мнѣ заранѣ,
 Другъ любезный, унывашь? —
 Вся судьба моя въ шапанѣ!
 Спаниемъ пишь и воспѣвашь:
 „Щаспливъ! щаспливъ, кшо цвѣтамъ
 „Дни любви украшалъ;
 „Пѣлъ съ безпечными друзьями,
 „А о щасшии... мечшалъ!
 „Щаспливъ онъ, и впирое болъ,
 „Всѣхъ вельможей и царей!
 „Такъ давай, въ безвѣстной долъ,
 „Чужды рабства и цѣней,
 „Кое-какъ шянушь жизнь нашу,
 „Часто съ горемъ по поламъ;
 „Паливашь полнѣ чашу
 „И смѣяшьяся дуракамъ! — “

ПОСЛАНИЕ

И. М. М. А.

Ты правъ, любимецъ Музъ! ошь первыхъ впечатлѣній,

Ошь первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлеть силу
Геній

И имъ въ печени дней своихъ не измѣнишь!

Кшобъ ни былъ: пламенный орапоръ иль піипъ,

Свѣшильникъ мудросши, науки обладашель,

Иль кисью ешештва нѣмага подражатель,

Паперсникъ Музъ, позналъ ошь колыбельныхъ
дней,

Чшо долженъ бышь жрецомъ Парнасскихъ олтарей.

Младенець щаспливый, уже любимецъ Фѣба,

Онъ съ жадностью взиралъ на свѣшъ лазурный
неба,

На зелень, на цвѣшты, на зыбку сѣнь древесъ,

На воды быспрыя и полный мрака лѣсъ.

Онъ къ лону маіери приникнувъ, улыбааяся,

Когда веселый Май цвѣтами убирался

И жавронокъ вился надъ зеленою полей.

Злашаяль радуга, пророчица дождей,

Весь сводъ лазоревый подернешь обласмань-
емь?

Ее привѣтствовалъ невнятнымъ лепетаньемъ,

Ее манилъ къ себѣ младенческой рукой.

Что видѣлъ въ юности, предъ хижиной родной,

Что видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра
жизель,

Того въ душѣ своей до позднихъ дней храни-
тель,

Желаетъ въ пѣсняхъ Музъ попомсху пере-
дать.

Мы видимъ первыхъ чувствъ волшебную пе-
чаль

Въ швореньяхъ Геіа испытанныхъ вѣтками:

Изъ мѣсть, гдѣ Маншуа красуется лугами

И Минцѣй въ камышаль недвижимый стоишь.

Близъ Кома пасмурной, средь дикихъ рыбарей,

Въ трудахъ воспитанны, уже опъ юныхъ

дней

Нашъ Пиндаръ чувствовалъ сей пламень по-

таенный,

Сей огонь зидицельный, даръ Бога драгоцен-

ный,

Опъ юности въ душѣ Небеснаго залогъ,

Которымъ Фебовъ жрецъ исполненъ, какъ про-

рокъ.

Онъ сладко прешпалъ, когда сквозь мракъ

шумана

Сспремился по зыбямъ холоднымъ Оксана,

Къ необитаемымъ, безплоднымъ островамъ,

И мрежи разспилалъ по новымъ берегамъ.

Я вижу мысленно, какъ отрокъ вдохновенной

Стоилъ въ безмолвіи надъ бездною разъярен-

ной

Среди мечпанія и первыхъ сладкихъ думъ,

Прислушивая волнь однообразный шумъ...

Лице горюшь его, грудь тягостно вздыхаешь,
 И сладкая слеза ланишу орошаетъ,
 Слеза, извѣстная паланшу одному!
 Въ красѣ божественной любимцу своему,
 Природа! ты не разъ на Сѣверѣ являлась
 И въ пламенной душѣ на вѣки начерталась.
 Исполненный всегда видѣнъ емъ первыхъ лѣтъ
 Какъ часто воспѣвалъ восторженный Поэтъ:
 „Дрожащій, хладный блескъ полунощной Ав-
 роры,
 „И льдяныя, въ моряхъ носимыя вѣтромъ, горы,
 „И Уну сиящую средѣ звонкихъ камышей,
 „И день, чудесный день, безъ ночи, безъ зарей!“
 Въ Пальмирѣ Сѣвера, въ жилищѣ шумной славы,
 Державинъ Камскія воспоминалъ дубравы,
 Отчизны сладкій дымъ и древній градъ опцовъ.
 На пучны пажити Приволжскихъ береговъ
 Какъ часто Дмитриевъ, разпоргнувъ свѣтл-
 ски узы,
 Водилъ насъ по слѣдамъ своей щастливой Музы.

Стольчисшой, какъ струи царицы свѣпныхъ

водъ,

На коихъ въ первый разъ зрѣлъ солнечный

восходъ

Пѣвецъ Сибирскаго Пизарра вдохновенный!....

Такъ, свѣше нѣжною душею одаренный,

Пишъ, отъ юности до серебряныхъ влосовъ,

Лелѣешь въ памяти спрану своихъ опцовъ.

На жизненемъ пуши ему даруешь Геній

Неизсякаемый источникъ наслажденій

Въ замѣну щасія и скудныхъ міра благъ:

Съ нимъ Муза тайная живешь во вѣхъ мѣсахъ

И въ мірѣ, дивный міръ любимцу созидаешь.

Пускай свирѣпый рокъ по волѣ имъ играешь;

Пускай незнаемый, безъ злапа и чесшей,

Съ главою поникшею онъ бродитъ межъ людей;

Пускай Фортуною отъ дѣтства удоспонишь,

Онъ будетъ судія, министръ, иль въ полѣ воишь:

Но Музамъ и себѣ нигдѣ не измѣнишь.

Въ самомъ молчаніи онъ будетъ все Пишъ.

Въ самомъ бездѣйствіи онъ съ дѣятельнымъ

духомъ,

Все сильно чувствуешь, все ловишь взоромъ,

слухомъ,

Всѣмъ наслаждаешься, и всюду наконецъ

Готовишь Фебу дань, его грядущій жрецъ.

С М Ъ С Ъ.

В А К Х А Н К А.

Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакловы текли;
Вѣтры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и снопъ,
Въ чащѣ дикой и глухой
Пимѣа юная опешала;
Я за ней — она бѣжала
Легче серны молодой. —
Эвры волосы взвѣвали
Перевинные плющомъ;
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Сстройный спанъ, кругомъ обвиный
Хмѣля желнаго вѣнцомъ,
И пылающи ланишы
Розы яркимъ багрецомъ,
И уша, въ кошорыхъ шашъ
Пурпуровый виноградъ;

Все въ нечистой прельщася!
Въ сердце льешь огонь и ядъ!
Я за ней... она бѣжала
Легче серны молодой; —
Я настигъ; она упала!
И шимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо насъ;
И по рощѣ раздавались
Эвоэ! и нѣги гласъ! —

ЛОЖНЫЙ СТРАХЪ.

ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ.

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный!

Какъ съ Амурами шишкомъ,

Мракомъ ночи окруженный,

Я къ тебѣ прокрался въ домъ?

Помнишь ли, о другъ мой нѣжной!

Какъ дрожащая рука

Отъ побѣды неизбѣжной

Защищалась — но слегка?

Слышенъ шумъ! ты испугалась!

Свѣтъ блеснулъ, и въ мигъ погасъ;

Ты къ груди моей прижалась,

Чуть дыша... блаженный часъ!

Ты пугалась; я смѣялся.

„Намъ ли вѣдать, Хлоя, спрaxedъ!

„Гименей за все ручался,

„И Амуры на часахъ.

„Все въ безмолвіи глубокомъ,
 „Все почило сладкимъ сномъ!
 „Дремлешь Аргусъ шомнымъ окомъ,
 „Подъ Морфеевымъ крыломъ!“

Рано утреннія розы
 Занылали въ небесахъ. .
 Но любви безцѣпны слёзы,
 Но улыбка на устахъ,
 Томно персей воднованье
 Подъ прозрачнымъ полошномъ,
 Молча, новое свиданье
 Общали вечеркомъ.
 Еслибъ Зевсова десница
 Мнѣ вручила ночь и день,
 Позднѣ юная денница
 Прогоняла черну шѣнь!
 Позднѣ солнце выходило
 На восточное крыльцо;
 Чуть блеснулобъ, и сокрыло
 За аѣсь рдяное лицо;

Долгобъ швицъ пролежали
Глажной ночи на поляхъ;
Долгобъ смершныя вкушали
Сладоспращіе въ мечнахъ.
Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой;
Осшальноюжъ половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ шобой!

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

Баснь.

Могольцу снилися жилица Елисейски:

Визирь блаженный въ нихъ
За добрыя дѣла жишейски,
Въ числѣ угодниковъ свяшыхъ,
Покойно спалъ на лонѣ Гурій.
Но сонный видишь адъ,
Гдѣ пламенемъ объятъ,
Терзаемый бичами Фурій,

Пустынникъ испускалъ ужасный вопль и
стонъ.

Моголецъ въ ужасѣ проснулся,
Не вѣдая, что значить сонъ.

Онъ думалъ, что пророкъ въ силъ мертвыхъ
обманулся,

Иль тайну для него скрывалъ;
Тотчасъ гадателя призывалъ,

И толпѣ ему въ отвѣтъ. Я не дивлюсь ни мало,
 Что въ снахъ есть разумъ, цѣль и складъ.
 Намъ небо и въ мечшаль премудрость завѣ-
 щало...

Сей праведникъ, Визирь оставя дворъ и градъ
 Жилъ честно и всегда любилъ уединенье;
 Пустынный наклонъ паскался къ Визирямъ.

Съ гадателемъ сказавъ, что значить
 сновидѣнье,
 Внушилъ бы я любовь къ деревнѣ и полямъ.
 Обитель мирная! въ тебѣ успокоенье
 И всѣ дары небесъ даются щедро намъ.

Уединеніе, источникъ благъ и счастья!
 Мѣста любимыя! уже ли никогда
 Не скроюсь въ вашу сѣнь отъ бури и ненастья?
 Блаженству моему наспанешъ ли чреда?
 Ахъ! кто остановитъ меня подѣ мрачной
 тѣнью?

VIII.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Подъ знаменемъ Москвы, предъ падшею Спо-
лицей,
Онъ Храбрымъ Гимны пѣлъ, какъ пламенный
Тиршей;
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняешь насъ задумчивой цѣвницей.

IX.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА ЭМАНУИЛА СЕН-ПРИ.

Опъ родины его општоргнула судьбина;
Но Диліямъ опщцовъ онъ всюду вѣренъ былъ:
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда древній духъ и доблесць Дюгескина.

Х.

Надпись на гробъ пастушки.

Подруги милыя! въ безопасности игривой
Подъ плясовой напѣвъ вы рѣзвись въ лугахъ:
И я, какъ вы, жила въ Аркадіи щасливой;
И я на упрѣ дней, въ сихъ рощахъ и лугахъ
Минушны радости вкусила:
Любовь въ мечсахъзлапыхъ мнѣ щастіе сулила;
Но чтожь досшалось мнѣ въ прекрасныхъ сихъ
мѣстахъ?

Могила!

ХІ.

Мадригаль Мелнѣ, которая
называла себя Нимфою.

Ты Нимфа, Ю; нѣшь сомнѣнья!
Но только... послѣ превращенья!

ХІІ.

На книгу подъ названіемъ: Смѣсь.

По чести, это *смѣсь*:

Тутъ проза, и стихи, и авторская спесь.

Линин
Гавриловъ

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ и ДОМО- СЪДЪ.

Объѣхавъ свѣтъ кругомъ
Спокойный домосѣдъ, передъ моимъ каминомъ
Сажу и думаю о томъ,
Какъ трудно бышь своихъ привычекъ власше-
линомъ;
Какъ трудно вѣкъ дожишь на родинѣ своей
Тому, кто въ юности изъ края въ край носился,
Все видѣлъ, все узналъ; и чтожь? изъ-за морей
Ни лучше, ни умнѣй,
Подъ кровъ домашній ворошился:
Поклонникъ суешнымъ мечшамъ
Онъ осужденъ искашь... чего, не знаешь самъ!
О странникъ шакомъ скажу я повѣсьшь вамъ.
Два брата, Филалетъ и Клишъ смиренно жили
Въ предмѣстїи Аѳинъ, подъ кровлею одной;
Въ довольствѣ? Не скажу; но съ бодрою душой

Вспрѣчали день, и ночь спокойно проводилъ
 За тѣмъ что по трудамъ всегда пріятенъ сонъ.
 Вдругъ умеръ дядя ихъ, Аѳинской Гарпагонъ,
 И братья-бѣдняки, о радость! получили
 Не помню, сколько минъ монеты золошой,
 Да кучу серебра: сосуды и амфоры

Ошдѣаки мастерской. —

Наслѣдственнымъ добромъ свои насытя взоры.
 Такіе завели другъ съ другомъ разговоры:
 Какъ думаешь своей казной расположишь?

Клишь спрашивалъ у брата;

А я, такъ домъ хочю купитьъ,

И въ немъ пихолонько съ женою вѣкъ прожишь

Подъ стѣною отчаго Пенаша.

Землицы уголокъ не будешь лишній намъ:

Опъ дѣшества я любилъ ходишь за виноградомъ,

Водишься знаю съ снадомъ,

И дѣшамъ я мой плугъ въ наслѣдство передамъ;

А ты какъ думаешь? — О! я съ тобой неслоденъ;

Я пресмыкашься не способенъ

Въ толпѣ гражданъ простыль,
 И съ помощью наслѣдства,
 Для дальнихъ замысловъ моихъ,
 Благодаря богамъ, шеперь имѣю средства!—
 Чего же хочешь ты? — Я? .. славень бытъ хочу.
 Но чѣмъ? — Какъ чѣмъ? — умою, дѣлами,
 И краснорѣчьемъ и спихами
 И малоль чѣмъ еще? Я въ Мемфисъ полечу
 Дѣлаишься мудроснью съ жрецами:
 За чѣмъ сей созданъ міръ? кто править имъ
 и какъ?
 Гдѣ кончишься земля? гдѣ гордый Нилъ ро-
 дится?
 За чѣмъ подъ пеленой сокрытъ Изиды зракъ,
 За чѣмъ горящій Фебъ все къ западу спре-
 мился?
 Какое щасье, милый братья!
 Я буду въ мудросни соперникъ Пифагора! —
 Въ Аѣнахъ обо мнѣ тогда заговоряшь,
 Въ Аѣнахъ? — что сказала! — оль Нила до
 Босфора

Прославишься швей братъ, швей вѣрный Фила-
вель!

Какое щастье! десять лѣтъ

Я стану вѣшь шраву и нѣмъ какъ рыба буду;
Но краснорѣчья даръ конечно не забуду.

Ты знаешь, я всегда краснорѣчивъ бывалъ

И площадь нашу посѣщалъ

Не даромъ.

Не стану я моимъ превозноситься даромъ,
Какъ нашъ Алкивиадъ, орашоръ слабыхъ женъ,

Или надутый Демосѣенъ

Кичася въ пурпурѣ предъ царскими послами:

Нѣшь! нѣшь! я каждого полезными рѣчами

На площади градской намѣренъ просвѣщашъ.

Ты самъ, оставя плугъ, придешь меня внимашъ,

Съ народомъ шумные восторги раздѣляя

И слезы радости подъ мантіею скрывая,

Краснорѣчивѣйшимъ изъ Грековъ называшъ,

Ты обоймешь меня дрожащею рукою,

Когда . . . повѣришь ли? Гликерія сама

На площади, съ шопого,
 Меня провозгласишь оракудомъ ума,
 Ума, и можешь быть любезности...., конечно,
 Любезностью сердечной
 Я буду правиться и въ сорокъ лѣтъ еще.
 Тогда Афиняне забудуть Демосѳена
 И Крапеса въ плащѣ
 И бочку шуша Діогена,
 Копорую, смотри...онъ кашитъ мимо насъ! —
 Прощай же, брашець, въ добрый часъ!
 Щастливаго пути къ премудрости желаю,
 Клишь молвить краснобаю;
 Я вижу, намъ тебя ничѣмъ не удержишь!
 Вздохнулъ, пожалъ плечьми, и къ городу опять
 Пошелъ — домашній бышь и домикъ снаря-
 жашь. —

А Филамешъ? Къ Пирею,
 Чпобъ судно Тирское зашатъ
 И въ Мемфисъ полетѣшь съ румяною зарею.
 Признашься, онъ вздохнулъ начавши Одиссею...

Но кто не пожалѣлъ объ опчешкой земаѣ

На долго расставаясь съ нею?

Семь дней на корабѣ

Зѣвая

Проказникъ нашъ сидѣлъ

И на море глядѣлъ,

Опъ скуки самъ съ собою въ полголосъ рассу-
дая.

Да гдѣжь Трипоны всѣ? гдѣ спаш Перендъ?

Гдѣ скрылся онѣ съ толпой Океанидъ?

Я ни одной не вижу въ морѣ?

И не увидѣлъ ихъ. Но въшерь свѣжій вскорѣ

Въ Египетъ странника принесъ;

Уже онѣ въ Мемфисѣ, въ обители чудесъ;

Уже въ свящилище премудрости вступашъ,

Какъ мумія сидишь среди бородъ сѣдыхъ,

И десять дней зѣвашъ

За поученьемъ ихъ

О жершвахъ каменной Пзидѣ,

Объ Аписѣ-быкѣ, иль грозномъ Озиридѣ,

О псахъ Ануписа, о чеснокъ святомъ,

Усердно славимомъ на Пилъ,

О кровожадномъ крокодилъ

И...о кошѣ большомъ!..

Какія глупости! какое заблужденье!

Клянуся Поллуксомъ! нѣшь слушать болѣ силъ!

Грекъ молвилъ, пошеравъ и важность и шер-

пѣнье,

Съ скамьи какъ бѣшенный вскочилъ,

И псу священному, о ужасъ! наступилъ

На божескую лапу.....

Скорѣ въ руки посохъ, шляпу,

Скорѣи изъ Мемфиса бѣжашъ

Ошь гнѣва шарцевъ разъяренныхъ,

Ошь крокодиловъ, псовъ и луковицъ священ-

ныхъ,

И между Грековъ просвѣщенныхъ

Любезной мудрости искашь.

На первомъ кораблѣ онъ полетѣлъ въ Крошону.

Въ Крошонѣ бьешъ челомъ смиренно Агашону,

Мудрѣйшему изъ мудрецовъ,
 Жестокому врагу и мяса и бобовъ —
 (Ихъ въ гнѣвѣ Пифагоръ, его учитель славный,
 Прокляшьемъ страшнымъ поразилъ,
 За шѣмъ, что у него желудокъ неисправный
 Бобовъ и мяса не варилъ —).

Ты мудросни ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ
 учишься?

У Грека старецъ спросилъ
 Съ усмѣшкой хитрою; и шакъ, прощу садивъся
 И слушаешь пѣнь Сферъ: ты слышишь? Ничего!

А видишь ли въ девятомъ мѣрѣ
 Духовъ дѣлающихъ въ Эфирѣ? —

И менѣ того! —

Увидишь, попомнишь ты года шри, чешыре,
 Да лѣшь съ десятокъ помолчи;

Тогда, мой сынъ, тогда обнимешь браннымъ
 взоромъ

Всѣ шайной мудросни лучи;

Обнимешь, я тебѣ клянуся Пифагоромъ.... —

Согласень, шакъ и бышь! —

Но Греку шулка ли и день не говорить?

А десяшь лѣшь молчашь, молчашь, да все по-
сшишься,

За чѣмъ? чтобъ мудрецомъ

Съморщиннымъ ошь поща и мудросли челоомъ,

Въ Аѳины возвращишься?

О ишь!

Чрезъ сущки возонилъ голодный Филалешъ:

Юпишеръ далъ мнѣ умъ съ разсудкомъ

Не для шого, чшобъ я ходилъ съ пуснымъ же-
лудкомъ:

Я мудросли шаккой покорнѣйшій слуга;

Прощайшежь на всегда Крошонски берега!

Сказалъ, и къ Эшиъ пушь направилъ;

За дѣломъ! чтобъ на ней узнашь, за чѣмъ и какъ

Изношенный башмакъ

Философъ Эмпедокль предъ смертью шамъ
осшавиль?

Узнашь, и съ вѣсшью сей

Онъ въ Грецію скорѣй

Съ усталой опъ забовъ и праздности душого;

Повсюду гостъ среди людей,

Вездѣ за шрапезой чужою,

Нашъ странникъ обходилъ

Поля, селенія и грады,

Но счастья не находилъ

Подъ небомъ щасливымъ Эллады.

Слѣща изъ края въ край, онъ игры посѣщаль,

Забавы, зрѣлища, ристанья,

И даже прорицанья

Безъ вѣры вопрошаль;

Но, лижину опцовъ не рѣдко вспоминаль

Въ неспасенье по лѣсамъ бродя съ своей клюкою,

Какъ червемъ, тайною сифдаемый шоскою.

При томъ же кошелѣкъ

У Грека спаль легокъ;

А ночью, какъ онъ шель черезъ Лаконски

горы —

Ошбли у него

И осшальное, воры.

Щасливъ еще, что жизнь не опняли его!
 Но жизнь безъ денегъ, что? мученье несстер-
 пимо!

Такъ думалъ Филалетъ,

Тащась полунагой въ степи необозримой.

Три раза солнца свѣтъ

Смѣнялся мракомъ ночи,

Но спранника не зрѣли очи

Ни жила, ни слезы: повсюду слепь и слепь,

Да горь въ дали шуманной цѣпь

Иловъ и воровъ ужасныя жилища.

Что дѣлалъ въ горѣ! что начашь!

Придется умирать

Въ пустынѣ, одному, безъ помощи, безъ пищи.

Нѣтъ, боги, нѣтъ,

Терзая грудь вопилъ несчастный Филалетъ:

Я знаю какъ покинуть свѣтъ!

Не спану голодомъ помишья!

И межъ кустовъ рѣку завидя въ далекъ,

Онъ бросился къ рѣкѣ,

Толишья!

Что, что ты дѣлаешь, слѣпецъ?

Нещасному вскричалъ Скептической му-
дрецъ,

Памѣиль сѣдобородой,

Который надъ водой любуясь природой

Одинъ съ клюкой лпихонько брель,

И къ щасстью, странника нашель

На краѣ тибельной напасти. —

Топишься хочешь ты? Согласенъ; но сперва,

Повѣдай мнѣ, лвоя спокойналь голова?

Разсудокъ ли тебя влечеть въ рѣку иль спра-
сти!

Разсудокъ: но его что намъ вѣщаетъ гласъ?

Что жизнь и смерть равны для насъ.

Равны: шакъ не за чѣмъ топиться.

Дай руку мнѣ, мой сынъ, и не стыдись учиться

У старца, чѣмъ мудрецъ здѣсь можешь быть

щасшливъ. —

Кто жить совѣшуетъ, всегда краснорѣчивъ:

И нашъ герой оспался живъ.

Въ разсѣлинахъ скалы, висящей надъ водою,
 Въ шѣни привѣтливой смоковницъ и оливъ,
 Построены были шалашъ Памфиловой рукою,

Гдѣ сшарецъ десятиль зѣнь

Провелъ въ молчаніи глубокомъ,

И въ вѣчностъ проникалъ своимъ орлинымъ

окомъ

Забывъ людей и свѣтъ. *

Волъ шамъ-шо ужинъ изъ обѣдъ

Проспой, но очень здравый,

Находишь Физалешъ:

Орѣхи, жолуди и травы,

Большой сосудъ воды, и шолько. Боже мой!

Какъ сладосшно искашь для шранезы такой

Въ ушѣлахъ мудросши приправы!

И такъ въ шомъ диванѣшъ, что съ пушникомъ

Памфиалъ

Объ Атаракси * шотчасъ заговорилъ.

Все призракъ! подъ конецъ хозяинъ заключилъ:

* Душевное спокойствіе

Богатство, честь и власти,
 Болѣзнь и нищета, несчастія и спраси,
 И я, и ты, и цѣлый свѣтъ,
 Все призракъ! — Сновидѣнье!
 Со вздохомъ повшорялъ унылый Филадешъ;
 Но глядя на сухой обѣдъ
 Вскричалъ: я голоденъ! — И это заблужденье,
 Все грубыхъ чувствъ обманъ; не сомнѣвайся
 въ томъ. —
 Недѣлю попустишь съ брадашымъ мудрецомъ,
 Пашъ *призракъ* Филадешъ рѣшился изъ пу-
 сыни

Отправиться въ Аѣины. —

Пора, пора блеснуть на площади умомъ!
 Пора съ Философомъ разсѣпаться,
 Который насъ не даромъ научилъ,
 Какъ жить и въ жизни сомнѣваться.
 Услужливый Памфиль
 Монетъ съ десятокъ самъ бродягѣ предложилъ,
 Копомкой съ желудьми сушонными ссудилъ,

И въ часъ румянаго разсвѣта
 Самъ вывелъ по прона́мъ излучи́стымъ Тай-
 геша

На пушь Аѳинскій, Филалеша.

Вошь спранникъ нашъ идешь и день и ночь
 одинъ;

Проходишь Аргоиду,

Коринѣъ и Мегариду;

Вошь Ашника, и вошь дымъ сладоси́нный
 Аѳинъ,

Керамикъ съ рощами...предмѣстїя начало...

Тамъ.. водыИллиса!..Вънемъ сердце задрожало:

Онъ Грекъ, шо мудреноль, что родину любиаь,

Что землю цаловаь съ горячими слезами,

Въ воспоргѣ внѣ себя, съ деревьями, съ домами,

Заговориль!...

Я самъ, друзья мои, дань сердца заплашилъ,

Когда, волненьями судьбины

Въ опчизну брошенный изъ дальныхъ спранъ

чужбины,

Увидѣлъ на конецъ адмиральшейскій шпигль,
Фоншпанку, эшопъ домъ...и сколько милыхъ

лицъ,

Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ!

Я самъ... Но дѣло все шеперь о Филалешѣ,

Который опершись на кафедру стоить

И ждетъ опять денницы

На милой площади Апшической столицы.

Замѣшьте, милые друзья,

Что Греки снаряжаютъ тогда войну хотѣли,

Съ какимъ царемъ, не помню я;

Но знаю только то, что рипоры гремѣли,

Предвѣшники народныхъ бѣдъ;

Такъ рѣчью ихъ сразилъ желая Филалешъ,

Всѣхъ раньше на помось погибельный взмо-

стился.

И вошь блеснулъ Авроры свѣтъ,

А съ нимъ и шумъ дневный родился,

Народъ зашевелился,

Въ Ленинахъ, какъ вездѣ, часъ упра, часъ суешъ.

На площадь побѣжала ремесленникъ, Поэшь,
Поденьщикъ, говорунъ, съ шоварами купчина,

Софистъ, Армоншъ и Фрина

Съ толпой невольницъ и Сирепъ,

И бочку прикашилъ насмѣшникъ Діогень;

На площадь всякъ идетъ для дѣла и безъ дѣла;

Похлынули, вся площадь закипѣла.

Вы помните. бульваръ кипѣлъ въ Парижѣ шакъ

Народа праздными шолпами,

Когда по немъ лезла съ нагайкою козакъ,

Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и спирѣ-

лами.

Такъ точно весь народъ толпился и жужжалъ

Передъ оранпорскимъ амвономъ.

Знакъ поданъ. Начинай! Рой шумный замол-

чалъ,

И Ришоръ возвѣспилъ высокопарнымъ шономъ,

Что Апшикѣ война

Погибельна, вредна;

Потомъ — ведерѣчиво, ясно,

По пальцамъ доказаль, что въ мирѣ бытъ...

опасно. —

Чтожь дѣлать? закричалъ съ досадою народъ. —

— Что дѣлать? сомнѣваться.

Сомнѣнье мудроси есть самый зрѣлый плодъ.

Я вамъ совѣшую, граждане, колебашься

И не мирисься и не драшься!..

Народъ всегда нешерпѣливъ.

Сперва нашъ красной услышалъ легкій

ропошь,

Шушуканье, а шамъ поближе громкій лохошь,

А шамъ... Но онъ споишь уже ни меривъ, ни

живъ,

Разинувъ ротъ, пошупивъ взгляды,

Мертвѣе во сто разъ, чѣмъ мертвецы баллады.

Еще проходишь мигъ —

Ну что-же? *продолжай!* Орапоръ все ни слова;

Отъ страха — гдѣ языкъ!

За шо, какой въ шолнѣ поднялся спрашный

крикъ!

Какая шуча шамъ гошова!

На каедрѣ лешишь градъ яблоковъ и фигъ,

И камни ужъ свисяшь надъ жертвой...

И жалкій Филаеишь, избитый, полумертвой,

Съ снупени на снупень въ опчаяннѣ лешишь

И падаешъ безъ чувствъ подъ вѣрную зашину

Въ обьяннѣ опверзты... къ Клишъ! —

И такъ щеславнаго спасаешъ бѣдный Клишъ,

Просиашъ, неграмотный, презрѣнный,

Въ Аеннахъ дни влачишь безъ славы осужденный!

Онь, онъ, прижавъ его къ груди,

Нахальныхъ крикуновъ толкаешъ на пуши,

Однимъ грозить, у шѣхъ пощады просишь,

И брата своего, какъ старика Эней,

Къ порогу хижины своей

На раменахъ доносишь.

Какъ брата въ мѣшищѣ ледѣишь добрый Клишъ!

Не сводишь глазъ съ него, съ нимъ сладко гово-
ришь,

Съ просишь, но сильнымъ чувствомъ.

Предъ дружкой ничего и Гипокрашъ съ искус-
ствомъ!

Въ три дни спрдадецъ нашъ оправился и
вспалъ

И брашу кинулся на шею со слезами;

А брашь, гостей назвалъ

И жершву воскурилъ предъ олчими богами.

Весь домикъ въ суешихъ! жена и рой дѣшей

Веселыхъ, рѣзвыхъ и пригожихъ,

Во всеи на машъ свою положихъ,

На пиршество несущъ для радостныхъ гостей

Просшый, но щедрый даръ наследственныхъ

полей,

Румяное вино, яншарный медъ Гимеша,

И чаша поднялась за здравье Филалеша!

Пей, ѣшь и веселись нежданныи сердца гость!

Всѣ гости за одно съ хозяиномъ вскричали;

И что же? Филалешъ, забывъ народа злосшь,

Бѣды, проказы и печали,

За чашей круговой опять заговорилъ

Въ восторгѣ, о шебѣ великолѣпный Ниль!

А дней черезъ въшкѣ, не болѣ,
 Наскуча видѣшь все одно и тоже поле,
 Все тѣже лица всякой день,
 Нашъ Грекъ, повѣришь? какъ въ клѣшкѣ сно-
 сковался.

Онъ началъ по лѣсамъ прогуливать ужъ лѣнь,
 На горы ближнія взбираешься,
 Бродилъ всю ночь, весь день шатаешься;
 Пошомъ, Аѳины спалъ шихонько посѣщашъ,
 На милой площади опять
 Зѣвашъ,

Съ Софистами о томъ, объ этомъ шолковашъ;
 Пошомъ.. провѣдавъ онъ ошъ старымъ грамо-
 шѣевъ,

Что въ мѣрѣ ешь спраша,
 Гдѣ вѣчно царшвуешь весна,
 За розами побрелъ — въ снѣга Гипербореевъ.
 Напрасно Клишъ съ женой ему вричали въ
 слѣдѣ

Съ домашняго порога:

Братъ милый, ворошись, мы просимъ, ради
Бога!

Чего тебѣ искашь въ чужбинѣ? новыя бѣды?

Откройся, что тебѣ въ ошечельѣ не мило?

Иль дружество тебя, жестоки, огорчило?

Останься, милый братъ! останься, Филалетъ!

Напрасныя слова — Чудакъ не ворошился —

Рукой махнулъ... и скрылся.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ
РЕЙНЪ.

1814.

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ,
ЭЛЕГІЯ.

...E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In noturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!

Che più spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai,
Che più giova amicizia o giova amore!
Ahi lagrime! ah! dolore!

Torrismondo Trag. di T. Tasso.

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ.

Какое торжество готовишь древній Римъ?

Куда текутъ народа шумны волны?

Къ чему сихъ аромашъ и мирры сладкіи дымъ,

Душистыхъ травъ кругомъ кошницы
полны?

До Капитолія ошъ Тибровыхъ валовъ,

Надъ слогнами всемірныя снолицы,

Къ чему раскинушы средъ лавровъ и цвѣшовъ

Безцѣнные ковры и багряницы?

Къ чему сей шумъ? къ чему шимпановъ звукъ

и громъ?

Веселья онъ, или побѣды вѣшникъ?

Почто съ Хоругвией течешъ въ молитвы домъ

Подъ митрою Апостоловъ Намѣстникъ?

Кому въ рукъ его сей зыблешся вѣнецъ,

Безцѣнный даръ признашельнаго Рима;

Кому шріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!

Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!

И шумъ веселія достигъ до кельи шой,

Гдѣ борется съ кончиною Торкватто:

Гдѣ падъ божественной спрадальца головой

Духъ смерти носится крылашой.

Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,

Ни почестей, споль позднія награды,

Ничшо не укропишь желѣзныя судьбы,

Незнающей къ великому пощады.

Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,

Съ веселіемъ его благословляетъ,

И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ

Онъ съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:

„Друзья, о! дайте мнѣ взглянуть на пышный

Римъ,

Гдѣ ждешь пѣвца безвременно кладбище.

Да встрѣчу взорами холмы швои и дымъ,

О древнее Квириповъ пепелище!

Земля священная Героевъ и чудесь!

Развалины и прахъ краснорѣчивый!

Сореншо! колыбель моихъ несчастныхъ дней,

Гдѣ я въ ночи, какъ шрелешный Асканій,

Опшорженъ былъ судьбой ошъ машери моей,

Ошъ сладостныхъ объятій и лобзаній:

Ты помнишь сколько слезъ младенцемъ про-
лилъ я!

Увы! съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,

Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бышій.

Форшунною изрышыя пучины

Разверзлись подо мной и громъ не умолкалъ!

Изъ веси въ весь, изъ спранъ въ спрану
гонимый

Я щещино на земли пристанища искалъ:

Повсюду перстъ ея неопразимый!

Повсюду молніи карающей пѣвца!

Ни въ хижинѣ ораная проспова,

Ни подѣ защиптою Альфонсова дворца,

Ни въ тишинѣ безвѣспнѣйшаго крова,

Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ, не спасъ главы
моей

Безславіемъ и славой удрученной,

Главы изгнанника, опъ колыбельныхъ дней

Карающей богинѣ обреченной...

Друзья! но что мою спѣсняешь спрашно грудь?

Что сердце такъ и поешъ и шрепещешъ?

Ошкуда я? какой прошлъ ужасный пущъ,

И что за мной еще во мракъ блещешъ?

Ферара... Фуріи... и зависти змія!...

Куда? куда, убійцы дарованья!

Я въ приспани. Здѣсь Римъ, Здѣсь брашья и
сѣмья!

Вошъ слезы ихъ и сладки лобызанья...

И въ Капитоліѣ — Виргиліевъ вѣнецъ!

Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ.

Ошъ первой юноспи его усердный жрецъ,

Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,

Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,

И въ узахъ я душой не измѣнился.

Музь сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ
моей,

И Геній мой въ спраданьяхъ укрѣпился.

Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ своихъ,
Сіонъ,

На берегахъ цвѣшущихъ Иордана;

Онъ вопрошалъ себя, мушящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!

Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величїи и въ блескѣ грозной славы:

Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, Владыко, вождь
Царей

Подъ свисломъ спрѣлъ, спокойный, вели-
чавый;

Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ воинѣ щасливый побѣди-
тель:

Онъ зрѣлъ, какъ ты лезалъ по шпунамъ вра-
жьихъ силъ

Какъ огонь, какъ смерть, какъ ангель-
испребишель. . .

И шаршаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!

О доблести неслыханной примѣры!

О нашихъ праошцевъ давно почившихъ сномъ

Тріумфъ святой! побѣда чистой Вѣры!
Торквашо васъ изпоргъ изъ пропасши время:

Онъ пѣль—и вы не будете забвенны—
Онъ пѣль: ему вѣнецъ безсмертья обречень,
Рукою Музь и славы соплешенный.

Но поздно! я спою надъ бездной роковой
И невсшуплю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славныя надъ дряхлою головою
Не усладяшь пѣвца свирѣной доли! —

Умолкъ. Унылый огонь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалось, хопѣлъ

У Парки взяшь Тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ сшѣтъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;

Но мукой страшною кончины изнурень,
Недвижимый на ложѣ ославался.

Свѣшило дневное ужь къ западу шекло,
И въ заревѣ багряномъ ушопало;

Часъ смерти близился...и мрачное чело

Въ послѣдній разъ спрадальца просіяло.

Съ улыбкой шилою на западъ онъ глядѣлъ...

И оживленъ вечернею прохладой,

Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,

Какъ праведникъ, съ надеждой и ошрадой.

—„Смотрише, онъ сказалъ рыдающимъ дру-
зьямъ,

Какъ царь свѣшилъ на западѣ пылаешь!

Онъ, онъ зовешь меня къ безоблачнымъ спра-
намъ,

Гдѣ вѣчное Свѣшило засіяешь...

Ужъ Ангель предо мной, вожатай оныхъ мѣспъ;

Онъ осѣнилъ меня лазурными крилами...

Приблизше знакъ любви, сей таинственный
кресшь...

Молишесь съ надеждой и слезами...

Земное гибнешъ все...и слава и вѣнецъ...

Искусствъ и Музъ шворенья величавы:

Но шамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,

Подашель намъ вѣнца небренной славы!

Тамъ все великое чѣмъ духъ питался мой,

Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.

О братья! о друзья! не плачьете надо мной:

Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.

Ошибдешъ съ миромъ онъ, и Вѣрой укрѣплень

Мучительной кончины не примѣшишь:

Тамъ, тамъ... о счастье!.. средь непорочныхъ

женъ,

Средь Ангеловъ, Елеонора встрѣишь!“

И съ именемъ любви божественный погасъ;

Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.

День тихо догаралъ... и колокола гласъ

Разнесъ кругомъ по снопнамъ вѣсть пе-

чали.

Погибъ Торквашо нашъ! воскликнулъ съ плачемъ

Римъ,

Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!...

На ушро факеловъ узрѣли мрачный дымъ;

И шрауромъ покрылся Капишолій.

БЕСѢДКА МУЗЪ.

Подъ тѣнью черемухи млечной

И золотомъ блистающихъ акацій

Спѣшу возстановишь олшарь и Музъ и Грацій,

Сопутницъ жизни молодой.

*

*

*

Спѣшу принесть цвѣшны и ульевъ сошь яншар-
ный

И нѣжны первенцы полей:

Да будешь сладокъ имъ сей даръ любви моей

И гимнь Поэша благодарный!

*

*

*

Не злѣша молишь онъ у жершвенника Музъ:

Онъ съ Форшунною не дружны.

Ихъ крѣпче съ бѣдношью заболѣливой союзъ,

И болѣ въ шалашѣ, чѣмъ въ шеремѣ досужны

Не молишь Славы онъ сіяющихъ даровъ:

Увы! шалаишь его ничпоженъ.

Ему ошеажный пущь за сшаею орловъ

Какъ пчелкѣ, не возможенъ.

*

*

*

Онъ молишь Музъ, душѣ усталой онъ суешъ

Опдашь любовь ушраченну къ искус-

швамъ,

Веселосшь ясную первоначальныхъ лѣшь

И свѣжесшь, вянуимъ безнерешанно чув-

швамъ.

*

*

Пускай забощъ свинцѣй грузъ

Въ рѣкѣ забвенъ пошонешъ,

И время жадное въ селѣ тайной сѣни Музъ

Любимца ихъ не ронешъ:

Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой,
 Безпечень, какъ дитя всегда безпечныхъ Гра-
 цій,

Подъ Онъ нѣкогда придетъ вздохнушь въ сѣни гус-
 шой

Спѣ Своихъ черемухъ и акцій.

К о н е ц ъ

**Имена особъ, благоволившихъ
подписать на сію книгу.**

Въ С. Петербургѣ.

**ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, Государыня Импера-
трица Елизавета Алексѣевна.**

**ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, Государыня Импера-
трица Марія Ѳеодоровна.**

**ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО,
Великій Князь Николай Павловичъ.**

**ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО,
Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна.**

Ихъ Сіяшества:

Князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ.
Князь Сергій Серг.евичъ Голицынъ.
Князь Пётръ Андреевичъ Вяземскій.
Князь Василій Андреевичъ Долгорукой.
Князь Николай Андреевичъ Долгорукой.
Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.
Князь Юрій Ивановичъ Трубецкой.
Князь Пётръ Ивановичъ Тютякинъ.
Князь Андрей Михайловичъ Голицынъ.
Княгиня Ташьяна Васильевна Голицына.
Княгиня Напалія Степановна Голицына.
Графъ Димитрій Николаевичъ Шереметьевъ.
Графъ Александръ Григорьевичъ Куселевъ.
Графъ Димитрій Ивановичъ Хвостовъ.
Графъ Воронцовъ.
Графъ Александръ Васильевичъ Кочубей.
Графъ Маввій Юріевичъ Велегорскій.
Графъ Константинъ Петровичъ Толстой.
Графъ Ѳеодоръ Петровичъ Толстой.
Графиня Александра Григорьевна Лаваль.
Графиня Прасковья Николаевна Головина.
Графиня Софія Владимировна Панина.

Ихъ Высокопревосходительсва:

Николай Семеновичъ Мордвиновъ.
Димитрій Прокофьевичъ Троцинскій.
Анна Никишична Нарышкина.

Ихъ Превосходительсва:

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.
Михайло Федоровичъ Орловъ.
Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій.
Александръ Ивановичъ Тургеневъ.
Александръ Пешровичъ Вельшевъ.
Григорій Ивановичъ Виладовъ.
Василій Михайловичъ Поповъ.
Димитрій Никифоровичъ Доброжанскій.
Петръ Пешровичъ Коновницынъ.
Василій Сергеевичъ Шереметьевъ.
Павель Львовичъ Башюшковъ.
Михайло Александровичъ Салпыковъ.
Марія Димитріевна Нарышкина.
Каперина Федоровна Муравьева.
Елизавета Сергеевна Огарева.
Агаѳаклея Марковна Сухарева.
Марія Алексѣевна Тучкова.
Каперина Осиповна Горголи.
Софія Евстафьевна Башюшкова.

Ихъ Высочордія:

Николай Михайловичъ Карамзинъ.
Димитрій Марковичъ Полшорацкій.
Федоръ Александровичъ Уваровъ.
Петръ Ивановичъ Полешика.
Павель Павловичъ Пезаровіусъ.
Николай Михайловичъ Лонгиновъ.
Димитрій Прокофьевичъ Познякъ.
Прасковія Михайловна Нилова.

Ихъ Высокоблагородія:

Василій Андреевичъ Жуковскій.
Димитрій Пешровичъ Сьверинъ.
Димитрій Николаевичъ Блудовъ.
Баронъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ.

Николай Ивановичъ Батюшковъ.
Романъ Гавриловичъ Соколовичъ.
Алексѣй Филиповичъ Фіалковскій.
Шляхтинскій.
Юдинъ.

Семинаріи Секретарь Паяшковъ.
Каменскій.

Александръ Антоновичъ Рачинскій.
Иванъ Андреевичъ Фелькнеръ.
Николай Ельчаниновъ.
Неизвѣстная особа.

Аршиллеріи Капитанъ Зварковскій.

Купецъ Леоншій Свѣшниковъ.

Купецъ Осипъ Свѣшниковъ.

Купецъ Толбухинъ.

Купецъ Жишницкій.

Купецъ Алексѣй Поршняковъ.

Купецъ Пётръ Ивановичъ Глазуновъ.

Купецъ Суслениковъ.

Купецъ Иванъ Григорьевичъ Санаевъ.

Для Библіотеки Гвардейскаго штаба.

Для Библіотеки Казанскаго Университета.

Въ Ригѣ.

Его Благородіе Яковъ Ивановичъ Парфеновъ.

Въ Твери.

Купецкой сынъ Арсеній Андреевичъ Жуковъ

Въ Торжкѣ.

Купецъ Пётръ Андреевичъ Баранниковъ.

Въ Новгородѣ.

Его Высокоблагородіе Владимиръ Сергеевичъ
Филимоновъ

Въ Рязскѣ.

Павель Александровичъ Сапшинъ

Въ Коспромѣ.

Его Высокородіе Николай Федоровичъ Грама-
пинъ.

Въ Данковѣ.

Его Высокоблагородіе Степанъ Дмистріевичъ
Нечаевъ.

Петръ Александровичъ Хрущовъ.

Въ Бѣлевѣ.

Его Высокоблагородіе Баронъ Иванъ Петровичъ
Черкасовъ.

Алексій Андреевичъ Елагинъ.

Въ Полшавѣ.

Его Благородіе Карль Флиге.

Въ Казани.

Ея Высокоблагородіе Поликсена Ивановна Рын-
довская.

Въ Орлѣ

Его Сіяшельство Графъ Сергій Михайловичъ
Каменскій

Въ Семферополѣ

Его Превосходительство Семень Семеновичъ
Жегулинъ

Въ Дубно

Его Высокоблагородіе Александръ Андреевичъ
Унгебауръ

Въ Оренбургѣ.

Его Благородіе Федоръ Ивановичъ Германъ.

Въ Москвѣ.

Ихъ Сіяшельства:

Князь Николай Николаевичъ Оболенскій.

Князь Алексій Григоріевичъ Щербатовъ.

Князь Александръ Петровичъ Трубецкой.

Князь Сергій Ивановичъ Голицынъ.

Князь Николай Федоровичъ Голицынъ.

Князь Василій Федоровичъ Гагаринъ.

Княжна Елена Петровна Трубецкая.
Княгиня Екатерина Александровна Трубецкая.
Графъ Федоръ Ивановичъ Толстой.

Его Высочайшепревосходительства:

Степанъ Степановичъ Апраксинъ.

Ихъ Превосходительства:

Иванъ Ивановичъ Димитріевъ.
Паисій Сергеевичъ Кайсаровъ.
Захаръ Николаевичъ Посниковъ.
Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ.
Елизавета Николаевна Аршеневская.
Катерина Алексѣевна Рябинина.
Марія Васильевна Сушкова.

Ихъ Высочайшеуважаемыхъ:

Антонъ Антоновичъ Антонскій.
Командиръ Углиц. полка Квашнинъ-Самаринъ.
Елизавета Алексѣевна Брянченинова.

Ихъ Высочайшеуважаемыхъ:

Федоръ Федоровичъ Кокошкинъ.
Дмитрій Ивановичъ Вельяшевъ-Волынецовъ.
Александръ Михайловичъ Геденовъ.
Василій Львовичъ Пушкинъ.
Петръ Семеновичъ Полуденскій.
Матвѣй Михайловичъ Солнцевъ.
Николай Герасимовичъ Савинъ.
Николай Александровичъ Радищевъ.
Николай Ивановичъ Шамшевъ.
Петръ Федоровичъ Какошкинъ.
Сергій Николаевичъ Глинка.
Александръ Степановичъ Крюковъ.
Петръ Васильевичъ Сушковъ.
Катерина Ивановна Иванова.
Марія Дмитріевна Бабарыкина.

Ихъ Высочайшеуважаемыхъ:

Александръ Степановичъ Талызинъ.
Александръ Степановичъ Ефремовъ.
Василій Андреевичъ Пропошинскій.

Матвій Федорович Ивановъ.
Сергій Алексѣевичъ Кокошкинъ.
Петръ Михайловичъ Пагодинъ.
Абрамъ Сергіевичъ Норовъ.
Алексій Федоровичъ Чаплинъ.
Павель Ивановичъ Вавиловъ.
• • • • • Шелеховъ.